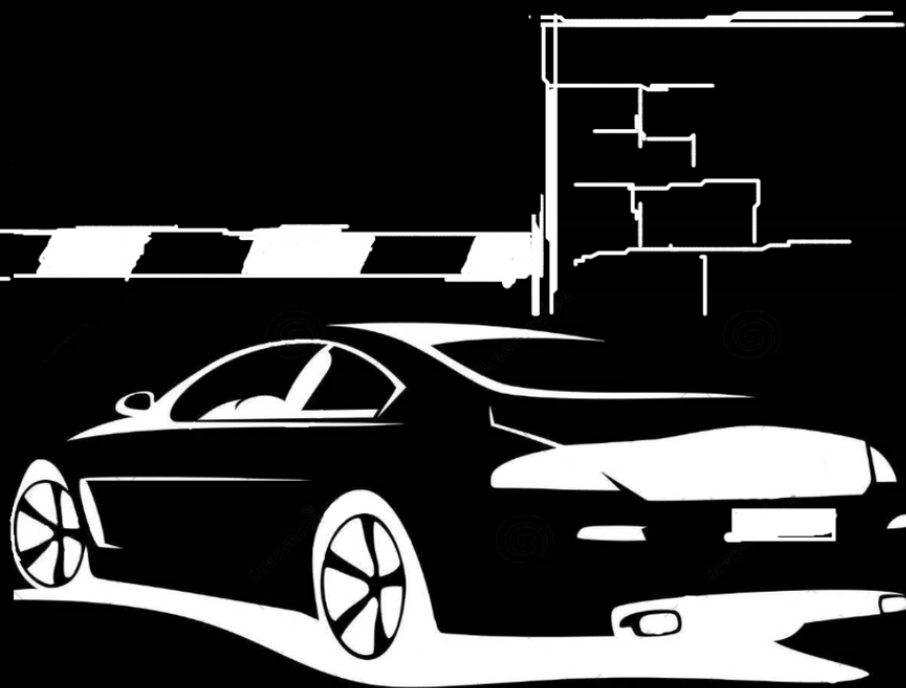
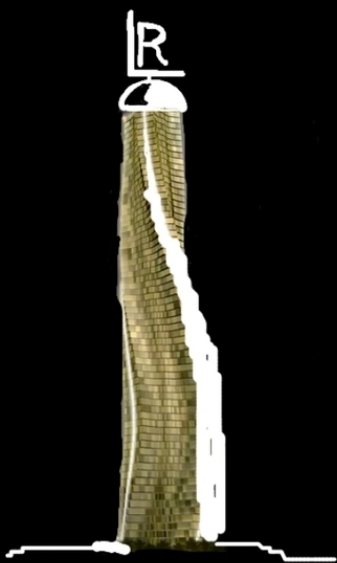

Тенишев Руслан Рауфович

Демон из Стеклоянной Башни

18+

2018 год

Руслан Тенишев
Демон из Стекло́нной Башни

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Тенишев Р. Р.

Демон из Стекло́нной Башни / Р. Р. Тенишев — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-532-12270-3

Жители провинциального города на Среднем Западе США взволнованы происшествием, случившимся одной из мартовских ночей. Прямо со смертного одра исчезло тело обычного неприметного городского рабочего Теодора Милтона. Похищение?! Заметание следов преступления?! Власти города и вся полиция поставлены на уши. Комиссару юстиции Майку Стэмпу предстоит раскрыть таинственную пропажу. Выясняется, что все нити ведут в робототехническую компанию, в которой работает дочь потерпевшего Сара Милтон. Сумеет ли Стэмп поймать преступника, найти истинные причины исчезновения трупа, да тело самого Теодора Милтона?

ISBN 978-5-532-12270-3

© Тенишев Р. Р., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Хотя и сладостен азарт,
По сразу двум идти дорогам,
Нельзя одной колодой карт,
Играть и с дьяволом, и с Богом!

И. Губерман

...

Скачущий по прикроватному столику в такт вибрации и сопровождаемый невыносимо писклявой металлической мелодией и хаотически мигающим дисплеем, смартфон, бесцеремонно разбудил Майка Стэмпа, темнокожего мужчину сорока шести лет от роду, довольно высокого, ростом шести футов и пяти дюймов, весьма упитанного, весом двести пятьдесят фунтов, и от природы очень кучерявого, чем привел его в неопишуемое бешенство. Грубо схватив трубку, он гаркнул в микрофон.

– Стэмп на проводе – Майк мельком бросил взгляд на прикроватные часы. Стрелки показывали половину третьего ночи субботы.

«Опять не дадут хорошенько выспаться после смены да еще в выходной день, что точно предвещает веселые денечки» – пронеслось в голове мужчины.

На другом конце он услышал веселый голос Джо Харриса, молодого рыжего лейтенанта, дежурившего сегодняшней ночью в участке.

– Привет, Майк – он буквально давился смехом – ты не представляешь какое у нас тут происшествие...

подавив очередной приступ безудержного смеха, Харрис продолжил.

– У нас тут... труп пропал... – Джо тщетно пытался скрыть свое вечно веселое настроение, подкрепленное сейчас таким забавным, на его взгляд, происшествием. Где-то рядом хихикала Моника, молоденькая девушка, работающая в участке аналитиком. Правда, Майк так и не мог до конца понять, зачем полицейскому участку в небольшом провинциальном городишке аналитик. Но начальству было видней.

– И что здесь смешного? – искренне удивился Стэмп, едва понимая спросонок смысл слов Харриса, и уж точно не видя в этом повода для насмешек. – И вообще, лейтенант Харрис, как вы разговариваете со старшим по званию! Завтра же напишу рапорт шефу полиции по поводу вашего поведения.

Майк недолюбливал этого рыжего недомерка с самого прихода того на службу. А еще больше его бесила фамильярность, с которой Харрис разговаривал с остальными полицейскими в участке, невзирая на возраст и должности. Исключение составлял лишь начальник полицейского участка, да и то, только когда отчитывал молодого полицейского за нерадивую службу. В остальное же время и он был мишенью для Харриса, но в отличие от Стэмпа, не придавал большого значения такой неуставной манере беседы, списывая ее на молодость и неопытность лейтенанта. Кроме того, Майк так не простил Харрису то обстоятельство, что молодой лейтенант увел у него прямо из-под носа Марию, работавшую в участке кинологом, на которую Стэмп имел большие виды с далеко идущими намерениями. Он долгое время обхаживал девушку, так и не решаясь сделать ей прямого предложения, всякий раз смущаясь при разговоре с ней. И вдруг, из ниоткуда появившийся лейтенантишка самым наглým образом охмурил девушку и, сделав свое грязное дело, также неожиданно бросил ее. История была темная. Марии после этого даже пришлось уйти со службы и переехать в другой штат.

– Да брось, Майк, – дружелюбно продолжил Харрис, – в чем проблема, мы же сейчас разговариваем по телефону, а не в участке.

– Тем не менее, разговариваем мы по служебной необходимости, иначе я просто бы продолжил мирно спать в своей уютной кровати, а не балаболить бы с такой невоспитанной выскочкой, как ты, – Майк был действительно очень рассержен и на Харриса, и на то обстоятельство, что теперь ему уже не посчастливится продолжить свой сладкий сон, так бестактно прерванный телефонным звонком. Вместо этого ему придется покинуть свою укромную холостяцкую берлогу, и отправится куда-то в ночь разыскивать пропавший труп какого-то бедолаги. Поэтому он всячески пытался выместить свою злобу на этом молодом лейтенанте.

После непродолжительной паузы, Стэмп решил направить разговор все же в деловое русло.

– Так что там с трупом? Доложи по форме, пожалуйста, – как можно мягче спросил Майк, намерившись поскорее закончить неприятный ему разговор.

Джо тоже перестал хихикать и уже серьезнее ответил.

– Звонила его жена, то есть я хотел сказать вдова усопшего. Сказала, что пропал труп ее мужа. Пропал совсем недавно, ночью. Кто его мог похитить, она не знает. Ужасно плакала в трубку и молила найти тело как можно скорее.

– Когда была назначена процедура нейтрализации? – спросил Майк.

– На послезавтрашний вечер – ответил Харрис, к которому начало возвращаться хорошее настроение.

– Кстати, коронеры уже выехали на место, – добавил лейтенант.

Напоследок Стэмп, выяснив у дежурного имя покойника и домашний адрес его жены, нажал кнопку отбоя на смартфоне.

Путь предстоял не близкий, почти на самой дальней окраине города, и перспектива ехать куда-то ночью не прельщала Майка, но служба есть служба и ничего не попишешь.

Он вяло стянул ноги с постели и огляделся вокруг в попытке отыскать в холостяцкой квартире свою форменную одежду. Стэмп никогда не отличался аккуратностью и разбрасывал вещи по дому везде, где придется даже во время брака, а уж после развода с Розалин, ситуация и вовсе стала невыносимой.

«Да, неплохо было бы нанять кого-нибудь для генеральной уборки в доме, да и вообще, надо найти, в конце концов, женщину и не заморачиваться больше по этому поводу» – подумал Майк, почесывая коротенькие щеткой усики, непрременный предмет своей гордости, и, кряхтя, поднялся с постели.

Изрядно покопавшись в грязном белье по всему дому, Стэмп все же обнаружил свою весьма потрепанную одежду и натянул ее на себя, по ходу рукой разглаживая образовавшиеся на ней складки.

Умывшись, Майк целых пять минут простоял перед зеркалом в ванной, решая крайне простой вопрос – бриться или не бриться, попутно любуясь своими усиками, аккуратно постриженными и нелепо выглядящими на фоне трехдневной небритости. В конце концов, он решил, что и так хорошо выглядит для половины третьего утра, и, прихватив с собой ключи от машины и протерев рукавом свой нагрудный полицейский значок, вышел в колючую мартовскую ночь.

На улице было ужасно сыро и холодно. Майк, зябко поежившись, поднял воротник кожаного плаща и поглубже натянул на голову фетровую шляпу.

Неподалеку от дома его ждал припаркованный черный седан «кадиллак», некогда красивый и лоснящийся на солнце монстр, но доставшийся Стэмпу уже в весьма повидавшем виды состоянии. Тем не менее, Майк был доволен своим автомобилем и всегда, где было можно, не отказывал себе в удовольствии придавить педаль акселератора в пол и послушать музыку восьмицилиндрового трехсотсильного двигателя и ласкающий слух визг сжигаемой резины.

Запустив двигатель, Стэмп тут же включил обогреватель. Он не переставал чертыхаться и дышать на замерзшие руки, пока печка наконец-то не начала отдавать тепло прогретого мотора в салон.

Вопреки уставу, Майк не стал включать проблесковый маячок и сирену, чтобы не тревожить мирный сон городских работяг и их заботливых домохозяек. У них этот сон и так никогда не был долог. Вместо этого, он пустил свой дорожный корабль с крейсерской скоростью, дав тем самым самому себе время подумать над сложившейся ситуацией, а она была действительно запутанной.

«Никогда еще до сегодняшнего дня, точнее ночи, никто в нашем в городе не воровал тела мертвых людей. Да и зачем они вообще нужны? Может быть, в Вурджвилле появилась банда трансплантологов, промышляющих незаконным изъятием человеческих органов и переправляющих их в другие города и страны? Вряд ли! Для этого необходимо наличие у злоумышленников медицинских дипломов и, какого-никакого, опыта работы по специальности».

Но насколько мог вспомнить Стэмп, в городе за последнее время не появилось ни одного приезжего с медицинским образованием. По крайней мере, в этом он был полностью уверен, поскольку в обязанности комиссара юстиции входила проверка данных каждого вновь прибывшего в Вурджвилль, от мала до велика. Единственным квалифицированным врачом в городе, который смог бы промышлять этим мерзким занятием, был патологоанатом местной больницы – Крис Монтье. Да еще, может быть, его предшественник Джон Ватерсон. Но тот в последнее время, говорят, совсем расклеился, все больше хандрит и много пьет. А трясущиеся руки для трансплантолога во время операции – это уж ни в какие ворота не лезет, все испортит и никто не получит ни копейки. Да и не был он никогда замечен в темных делишках. Но может быть в этом замешаны врачи из местной вурджвилльской больницы? Не исключено. Но уж слишком все это не стыкуется с описанием преступления.

«Да. Про трансплантологов это слишком, но как рабочая версия может сгодиться. А может быть сатанисты. Развелось в последнее время много разных отморожков, впадающих из крайности в крайность, то им Иисус, то Аллах, а то и вовсе сам Сатана. Надо бы тоже проверить».

Между тем, Майк катил по тихим улицам ночного города, мимо многочисленных небольших дощатых домиков простых трудяг, мимо нечастых особняков, располагавшихся в основном в центре города, где жила вся верхушка мусороперерабатывающего завода и представители местной власти, мимо трехэтажных кирпичных домов, где проживало большинство приезжих рабочих, трудившихся на том самом заводе. Кое-где в окнах трехэтажек горел свет, и Майк мог отчетливо видеть тусклые фигуры их обитателей.

«Разросся Вурджвилль, разросся. Еще каких-то двадцать лет назад, это была захудалая деревенька на Среднем Западе, где каждый житель, если и не доводился другим жителям дальним родственником, то уж, по крайней мере, водил с ними дружбу».

Майк прекрасно помнил эти золотые годы, когда работы было немного, а друзей и девушек хоть отбавляй.

«После постройки нового завода по переработке отходов, привозимых со всех концов не только штата, но и всей страны, ситуация в корне изменилась. Новые люди, в основном авантюристы, искатели новых впечатлений заполонили городишко. Были среди них и вполне законопослушные граждане, перебивавшиеся в Вурджвилль, чтобы хоть немного заработать себе на жизнь. Вырастали все новые и новые дома, объединяясь в кварталы и целые районы. Тоже новые, совсем незнакомые... чужие».

Мысли Стэмпа вновь вернулись к задачке с исчезновением трупа, которую перед ним поставила сама жизнь.

«Кстати, кто он, этот пропавший труп, кем он был при жизни? Харрис сказал, что он тоже из приезжих. Значит, спрашивать, где он работал не имеет смысла – ведь почти все приезжие

работают на мусороперерабатывающем заводе. Какая у него семья, чем занимаются они. Этот вопрос тоже бы надо было прояснить».

Майк машинально достал из полупустой пачки папиросу и закурил. Окно он открывать не стал, вспомнив какой ужасный холод снаружи. Майк курил самодельные папиросы из трубочного табака, которые покупал у потомков эмигрантов из бывшего СССР. Они быстренько наладили здесь свое производство. Майк курил давно, но так и не смог никак привыкнуть к этим новомодным сигаретам с угольным мундштуком, которые продавались в магазинах. Выросший на настоящем табаке, комиссар не выносил сладковатого привкуса новых сигарет и предпочитал им альтернативные, более жесткие, виды курительных принадлежностей. Поначалу он курил сигары и трубки, но в последнее время пристрастился к более дешевым папиросам, изготавливаемым в основном кустарным способом на небольших частных фабриках.

«Так, что дальше? А может быть, просто кто-то очень глупо пошутил, и уже завтра все станет на свои места? Может быть, может быть... Но если это и была шутка, то крайне идиотская и несмешная. Нет, вряд ли это можно рассматривать как рабочую версию!»

И вот она, Восточная тридцать первая улица и нужный Майку трехэтажный дом под номером восемь. Стэмп аккуратно припарковал машину возле дома, около которого уже толпилась оперативная бригада. Были здесь и коронеры, без конца снующие туда-сюда и фотографирующие все вокруг, и младшие офицеры полиции, нервно курящие в сторонке и отпускающие неуместные шуточки в духе Джо Харриса, и откуда-то взявшиеся пронырливые журналисты, нагло пристающие ко всем присутствующим с целью заполучить заветную сенсацию, и небольшая кучка полуночных зевак, вечных спутников любых происшествий, припрыгивающих на морозе и дыханием согревающих заледеневшие ладошки.

Майк бегло поздоровался с полицейскими, перекинулся несколькими словами с коронерами в надежде нащупать хоть какую-то зацепку, но не получив никаких новых сведений, вошел в здание. В подъезде, как и во всех недорогих домах массовой постройки, стоял жуткий отвратительный запах затхлости, перемешанный с запахом чего-то прокисшего и экскрементов домашних животных.

Квартира пострадавших находилась на втором этаже, поэтому Стэмп не стал пользоваться лифтом, а неспешно преодолел четыре лестничных пролета, продолжая размышлять об особенностях настоящего дела и фыркать от острых неприятных запахов, наполнявших подъезд.

Вопреки ожиданиям Майка, обстановка в трехкомнатной квартире (Майк хорошо знал расположения квартир в подобного рода трехэтажках, построенных для рабочих мусороперерабатывающего завода) резко отличалась от серого пропахшего подъезда. Светлые крашенные обои, узорная лепнина на потолке, дорогой дубовый паркет, прекрасная современная удобная мебель и бытовая техника говорили о хорошем достатке хозяев дома. Было заметно, что в доме уже побывала опергруппа. Весь пол был в грязных отпечатках чужих сапог, атмосфера в помещении была полна всевозможных резко противоположных запахов. Сейчас в квартире оставались только дежурный врач, приводивший женщину средних лет, видимо жену пострадавшего, в чувство и молодой коронер, опрашивавший молоденькую белокурую девушку. Майк окинул квартиру взглядом, но нигде не обнаружил Ричарда Редлиффа, своего подчиненного и напарника по совместительству – молодого человека двадцати трех лет, недавнего выпускника полицейской академии Лос-Анжелеса, назначенного в напарники Стэмпу вопреки воле последнего, но со временем крепко сдружившегося со своим патроном, невысокого роста около пяти футов шести дюймов, щуплого телосложения – ста пятидесяти фунтов веса, очень сметливого и при этом чрезвычайно близорукого, носившего небольшие очки без оправы.

«А ведь Харрис, наверняка, известил и его, несмотря на то, что дежурным на сегодняшнюю ночь назначен я» – промелькнуло в голове Стэмпа. «Тогда где же, черт подери, этот сопливый очкарик?».

Майк вовсе не злился на подчиненного. Такое отношение к своему напарнику было, своего рода, игрой. В душе же он очень симпатизировал молодому человеку, а временами был весьма обязан ему за его, не по годам, развитую логику и профессиональное чутье. Но только не мог же большой, умудренный жизненным опытом офицер полиции показать свое истинное отношение к молодому человеку, едва закончившему полицейскую академию. Сам же Редлифф хорошо понимал своего шефа, принимал правила его игры и временами даже подыгрывал ему.

Так и не обнаружив своего подчиненного рядом, Майк решил начать допрос потерпевших. Ему ужасно не нравилось это занятие, он вообще не любил «мокрых» дел, поэтому и был так расстроен отсутствием Редлиффа, которому он и хотел поручить это неблагодарное дело. И только одно обстоятельство успокаивало Майка – здесь не произошло убийства, женщина уже до этого потеряла своего мужа, поэтому, как очень надеялся Стэмп, будет более спокойной, чем обычно бывают люди в подобной ситуации.

Но Майк не стал рисковать и перед тем, как провести допросы, все же поинтересовался у доктора, все ли хорошо с пострадавшей и сможет ли она дать показания. Во время этого короткого разговора с доктором Майк то и дело бросал взгляд на молоденькую барышню, сидевшую в углу просторной комнаты в весьма соблазнительной позе, закинув ногу на ногу, и продолжавшую беседовать с полицейским. Он неожиданно поймал себя на мысли, что девушка сейчас всецело завладела его вниманием и ему это ужасно не понравилось. Большим усилием воли Майк отвел глаза от красивой блондинки и вернулся к работе. Врач достаточно объективно оценил психическое состояние обеих пострадавших и разрешил начать допросы с дочери пострадавшего, той самой белокурой мисс, чему сам Стэмп был чертовски не рад. Майк в очередной раз за сегодняшнее утро вспомнил Редлиффа и еще больше опечалился его отсутствием в этой самой квартире. А еще он очень пожалел, что не побрился перед уходом из дома. Но работа есть работа и, тяжело вздохнув и потерев свои подстриженные усики, комиссар юстиции вразвалочку направился к парочке в углу комнаты.

– Прошу прощения, Вик, – обратился он к коронеру, – я украду у тебя твою очаровательную собеседницу, – тут Майк широко улыбнулся, пытаясь придать своему лицу самое дружелюбное выражение, – если Вы не возражаете.

Последние слова были адресованы уже самой девушке и она, тоже весьма дружелюбно улыбнувшись Майку, поднялась со своего белоснежного кресла и жестом пригласила его за собой. Стэмп подчинился молодой хозяйке и послушно последовал за ней. Походка молодой мисс была еще более выразительной, чем ее внешность. Грациозно дефилируя, девушка первой вошла в соседнюю комнату.

Эта комната оказалась намного меньше гостиной, но весьма уютной и располагающей к душевной беседе.

– Присаживайтесь, господин офицер, – любезно предложила девушка, указывая Стэмпу на одно из двух кремовых кресел. Сама же она присела на второе. Ее движения были настолько плавны и грациозны, что Майк любовался каждым из них, пытаясь подробно запомнить, словно больше никогда их не увидит.

После недолгого оцепенения, Майк собрал волю в кулак и сделал как можно более серьезное выражение лица, настроив свои мысли на деловой лад. Он попытался представить перед собой обычного среднестатистического свидетеля, которых за свою долгую карьеру в полиции он опрашивал пачками, и провести допрос как обычно, монотонно задавая заученные вопросы, в пол-уха выслушивая и записывая ответы в протокол.

– Представьтесь... пожалуйста, – начал Майк, запинаясь.

Только сейчас он внимательно взглянул в лицо молодой девушки. Выражение ее лица резко дисгармонировало с ее грациозными движениями и легкой походкой. Глаза были заплаканы, вокруг них нарисовались огромные припухлости, кончик носа покраснел, губки были

плотно сжаты. Видимо, девушка с трудом сдерживала свои эмоции. Испуг ясно читался в глубине ее больших серых глаз. Девушка очень часто мигала. Но при всем при этом она была обворожительна и прекрасна. Правильные черты лица, большие выразительные глаза с венчавшими их черными изогнутыми бровями, узкий прямой носик и пухлый небольшой рот позволяли девушке с легкостью претендовать в споре за место на обложке самых изысканных модных журналов. А густые белокурые волосы, волной ниспадавшие на плечи, гармонично дополняли картину.

– Сара Т. Милтон, – ответила хозяйка.

– Ваш возраст и отношение к потерпевшему, – тут Майк осекся, ведь было ясно как божий день, что девушка приходилась дочерью покойнику, раз так остро реагировала на этот необычный для Вурджвилля инцидент. Но, несмотря на всю глупость заданного вопроса, Сара ответила.

– Мне двадцать девять лет, я дочь Теодора Милтона, человека, тело которого было похищено этой ночью, – девушка говорила уверенно, словно приняв вызов, брошенный Майком своим вопросом.

– Извините меня, пожалуйста, но почему вы говорите, что тело было похищено. Ведь насколько я осведомлен, никаких признаков похищения в доме не найдено. Или у вас есть основания предполагать, что тело вашего отца было украдено кем-то, и вы догадываетесь кем?

– Я так полагаю, что сам папа не мог покинуть стены дома, поэтому труп... – Сара не выдержала, и слезы градом покатались по ее щекам. Но девушка, все же, не дала воли нахлынувшим эмоциям. Белоснежным платком промокнув слезы и проглотив подкативший ком в горле, она продолжила. – Поэтому труп кто-то вынес.

– Хорошо – перехватил эстафету Стэмп, дав девушке время, чтобы перевести дыхание и собраться с мыслями. – Если вы считаете, что тело вашего отца похищено, то может быть, вы знаете, кто бы это мог сделать и самое главное – зачем?

Майк пристально взглянул прямо в глаза Саре, пытаясь там найти интересующую его информацию. Кстати, иногда это помогало. Но не сейчас. В глазах девушки кроме горя, страха и отчаяния трудно было что-то прочесть.

– Нет... Я не знаю кто бы это мог сделать – ответила Сара.

– Но, может быть, догадываетесь? – не унимался Майк, продолжая пристально смотреть на девушку.

Во время этого разговора Стэмп чувствовал себя очень неловко, постоянно думая о своем внешнем виде, будто глядя на себя со стороны. Он то и дело поправлял свой помятый галстук, почему-то съехавший на бок, пытался разгладить расстегнутый служебный китель (свой кожаный плащ и шляпу он оставил в холле). А еще, несмотря на деловой настрой, Майк был ужасно смущен, общаясь с этой обворожительной белокурой барышней. Он ощущал, что очень сильно потеет и это его еще больше смущало.

«Где же этот чертов Редлифф?» – все чаще и чаще Майк начал вспоминать о своем молодом напарнике и теперь по-настоящему начинал на него злиться. «Небось, спит сейчас как сурок, пока я мотаюсь по морозному городу в поисках пропавшего мертвеца».

Тем не менее, надо было продолжать допрос, хотя Стэмп нутром чувствовал, что ничего не выпытает у дочери покойного. Впрочем, он не питал никаких иллюзий и насчет жены. Но порядок есть порядок.

– Нет, не догадываюсь – ответила Сара на последний вопрос Майка.

Стэмп тяжело вздохнул, чувствуя пустую трату времени, да и еще эта проклятая неловкость. Но он все же продолжил.

– Когда вы обнаружили пропажу тела вашего отца?

– Около часа ночи – ответила девушка, – я пошла на кухню, чтобы попить воды и, проходя мимо папиной комнаты, мельком заглянув в нее, увидела, что кровать, на которой он лежал,

пуста. Сначала я не поверила своим глазам, но все хорошенько осмотрев в комнате, поняла, что его нигде нет, и разбудила маму. А потом мы сразу же позвонили в полицию.

– А вы случайно не знаете, были ли у вашего отца враги или просто недруги?

– Думаю, нет. Ведь мы совсем недавно переехали в Вурджвилль и вряд ли он смог за столь короткий срок нажить себе недругов и тем более врагов.

– А откуда вы приехали и какова причина переезда?

– Из Пенсильвании, из Нью-Бетлехема. Переехали около трех лет назад. Причина... – тут девушка замаялась и несколько секунд сидела молча, уставившись прямо перед собой. – Причину я не могу сказать, потому что не знаю. Просто так решили родители, и мы с братом повиновались их решению.

Майк, конечно же, не поверил девушке и постарался покопаться в этом поглубже.

– Но вы же на тот момент были уже совершеннолетними, так почему вы так легко согласились на переезд. Наверняка, там у вас остались друзья, знакомые, воздыхатели, наконец?

– А кто вам сказал, что мы легко согласились? Мы с Филиппом до последнего дня отпирались и надеялись, что все изменится.

В последние минуты разговора Сара Милтон постоянно тербила свой носовой платок, то и дело прикладывая его к своему симпатичному личику и промакивая остатки высохших слез.

– А кто такой Филипп? – спросил Майк, выловив в словах девушки самую суть.

– Филипп – мой брат – бесцветным голосом ответила Сара Милтон.

– Брат живет с вами? Я имею в виду здесь, в этом доме? И где он сейчас? – не унимался комиссар.

– Он на работе. Он работает на мусороперерабатывающем заводе и сейчас он в ночной смене. А вообще, он живет отдельно от нас, снимает квартиру на Северной сорок второй улице, в доме номер двадцать пять – девушка понемногу снова обрела уверенность в себе, и теперь ее голос звучал немного мягче, а интонации стали гораздо спокойнее, хотя она и продолжила тербить свой носовой платок.

– А сколько лет вашему брату? – это оказался новый неожиданный поворот, дававший почву для размышлений.

– Двадцать три года.

– Ну, так что же, мисс Милтон, заставило вас с братом так слепо повиноваться решению ваших родителей? – Майк не унимался, пытаясь буквально вытянуть хоть одну зацепочку, способную дать ключ к раскрытию этого интересного и необычного для захолустья Среднего Запада дела.

Девушка ничего не ответила, только уставилась на него невидящим взором, и Стэмп понял, что сейчас ему не удастся узнать ответа на интересующий его вопрос. Он решил сменить тему разговора и, наконец, закончить допрос, а про себя отметил этот необычный факт сокрытия пострадавшей причины переезда из другого города, ответ на который он надеялся выяснить в ближайшее время.

– Работаете ли вы в настоящее время и, если да, то где и в какой должности?

– Да, в настоящее время я работаю помощником руководителя в сфере деловых отношений в компании «РОБОЛЕНД и Ко», предприятии по производству бытовых электроприборов и домашних роботов.

Майк старательно заносил все свои вопросы и получаемые ответы в протокол, которые в полиции, несмотря на весь технологический прогресс, заполнялись по-прежнему вручную.

– Простите, пожалуйста, за бестактность, но каково семейное положение ваше и вашего брата?

Во время разговора Майк внимательно наблюдал за обстановкой в другой комнате, где находилась миссис Милтон. Она сама по-прежнему сидела на софе, полуприкрыв глаза. Видимо, врач вколол ей что-то успокаивающее, и теперь препарат начал свое действие.

Несколько раз в комнату приходили коронеры. Что-то фотографировали, записывали в свои блокноты. Один раз сюда заходил уже знакомый Стэмпу доктор, поинтересовался самочувствием у миссис Милтон и ушел. Больше в квартиру никто не заходил.

– Ничего страшного, ведь вы на службе и должны задавать все вопросы, которые могут вам помочь – девушка застенчиво отвела глаза в сторону. – Я не замужем и брат тоже не женат.

– Но, наверняка, у вас ухажеры-то есть? – Майк постарался задать вопрос как можно деликатнее, даже выдавив из себя залихватскую улыбочку. Работа в этом направлении тоже могла дать результат, и не стоило этим пренебрегать.

Как и следовало ожидать, вопрос очень смутил молодую особу. Она не сразу ответила, видимо, хорошенько обдумывая свой ответ и возможные неприятные перспективы для человека или людей, которых назовет.

– Понимаете, инспектор...

– Стэмп – уточнил Майк, – комиссар юстиции.

– Понимаете, господин комиссар, я не могу назвать имени моего ухажера по многим причинам...

– Назовите хотя бы одну из них, – Майк буквально клещами пытался вытянуть у Сары Милтон информацию о приятеле девушки.

– Ну, одна из них – это то, что я не совсем уверена в том, что он в настоящий момент действительно является моим ухажером. Так сложилась жизнь...

– Как же так! – удивился Стэмп. – Тогда вам и скрывать-то нечего. Просто назовите его имя и фамилию.

– Не могу – ответила Сара, как отрезала. Майк понял, что и здесь придется попотеть, чтобы выяснить имя человека, с которым встречается девушка, и начинать придется с ее работы. Давить на мисс Милтон нельзя, ведь она сейчас находится в статусе потерпевшей, а не подозреваемой. Да, если говорить честно, Майк и не хотел на нее давить. Затем он снова решил сменить тему разговора.

– Хорошо, мисс Милтон. Поговорим о вашем отце. Сколько ему было лет.

– Пятьдесят три года.

– Вы знаете причину его смерти? – задал вопрос комиссар Стэмп.

– Нет, господин комиссар. Церемония нейтрализации была назначена только на вечер понедельника. Но догадываюсь. У него еще с молодости было плохое сердце, а в последнее время он совсем сдал. Поэтому я думаю, что это был инфаркт или инсульт. По крайней мере, его лечащий врач, которого мы вызвали сразу же, как только папе стало плохо, нам на это намекал.

Майк тяжело вздохнул.

«Хоть что-то удалось выяснить, да и то недостоверно».

За все время разговора с Сарой Милтон чувство неловкости у Майка не только не проходило, но и нарастало. Теперь он почувствовал, что ужасно вспотел. Пот градом катился по лицу и шее. К тому же Стэмп не переставал непрерывно видеть себя со стороны. Теперь он уже принялся разглаживать и свои брюки, и выглядывающую из-под кителя рубашку. Чувство раздражения и злости к отсутствующему Редлиффу, на которого он так сегодня рассчитывал, нарастало как снежный ком.

Едва закончив неловко прошедший опрос мисс Милтон, и дав ей расписаться в протоколе, комиссар Стэмп с удивлением обнаружил, что в квартире, прямо посреди гостиной, стоял, деловито раздвинув ноги, сам Ричард Редлифф собственной персоной.

«Вот бездельник – зло подумал Майк. – Явился к шапочному разбору. Где его черти носили?!»

Редлифф стоял лицом к комнате, где сейчас находились комиссар Стэмп и мисс Милтон, и внимательно их рассматривал, то и дело, указательным пальцем правой руки поправляя очки на переносице.

Выйдя из небольшой комнаты, где проходил опрос молодой хозяйки, Майк напрямик направился к вновь прибывшему напарнику. Несмотря на всю накопившуюся на Редлиффа злобу, комиссар приветливо протянул ему свою большую лапищу для приветствия и заключил молодого офицера в крепкие объятия при рукопожатии. Сара Милтон тоже покинула комнату вслед за комиссаром юстиции и тут же присоединилась на софу к матери, чтобы психологически поддержать женщину, недавно потерявшую мужа. Тем не менее, девушка продолжала искоса разглядывать мужчин в центре зала.

– Господин комиссар... – чеканя каждое слово, начал было Редлифф, но Майк жестом остановил своего молодого напарника и отвел его в сторону. Стэмп знал, что перед окружающими Редлифф всегда был крайне почтителен и вежлив с ним, а это Майка не только смущало, но и буквально выводило из себя. Поэтому он старался общаться с молодым напарником на служебные темы исключительно в неформальной обстановке, когда тот мог спокойно выложить все факты, добавляя при этом собственные умозаключения, надо сказать, иногда весьма ценные.

Немного отойдя в сторону, чтобы слова напарников не были слышны двум distinguished дамам, внимательно наблюдавшим за действиями полицейских, Редлифф продолжил.

– ... Майк, спешу тебе доложить, что я уже проверил все записи с видеокamer, расположенных по периметру дома и пяти соседних домах – Редлифф буквально тараторил, выдавая информацию. И только тут комиссар юстиции Стэмп понял, что в то самое время, когда он желчно рассуждал по поводу отсутствия напарника на месте происшествия и злился на него, тот уже всю работу, собирая первичные сведения. Майку стало ужасно стыдно за свой недавний гнев.

– Тише, Дик, тише – предостерег Стэмп своего подчиненного – нас могут услышать, а это сейчас не лучший попутчик для успешного расследования такого запутанного дела, мой юный друг.

Майк по-отечески приобнял Редлиффа, шепнув ему при этом на ухо.

– У меня уже накопилась парочка вопросов, которые надо бы выяснить в самое ближайшее время.

В это самое время они неспешно вышли в коридор, где и продолжили свой разговор вполголоса.

– Ну, так что там, на записях? – спросил Майк, поглаживая свои щетки-усики и думая, как бы поскорее выбраться на улицу и покурить.

– Да ничего. Представляешь, Майк, совсем ничего.

– То есть все записи стерты? – удивился Стэмп.

– Нет – уверенно ответил Дик. – Все записи на месте. Но в определенное время на видео начинается рябь. Причем, эта рябь появляется на всех камерах, которые могли бы зафиксировать злоумышленников.

– Рябь появляется одновременно на всех камерах? – поинтересовался Майк. Желание выйти покурить и хорошенько обдумать сложившуюся ситуацию все больше и больше завладевало комиссаром.

– Нет. На всех камерах рябь появляется в тот отрезок времени, когда на них могли появиться преступники.

– Как думаешь, у них могли быть инструменты, позволяющие каким-то образом влиять на записывающую технику? – спросил Майк.

– Думаю, могли. Я знаю парочку компаний в Штатах, занимающихся изготовлением подобных вещей. К тому же, такие штучки сейчас легко заказать через интернет. И стоят они недорого.

– У тебя есть копии записей?

– Да. Я сделал резервные копии всех записей со всех камер на свою флэшку.

– Молодец! Дай-ка мне ее, я тоже посмотрю на досуге и подумаю, что можно выжать еще из этих записей.

Редлифф вложил свою крохотную пластмассовую штучку в широченную лапу напарника.

– Да, Дик – обратился Майк к Редлиффу. – Будь добр, опроси миссис Милтон. Дочь потерпевшего, Сару Милтон, я уже опросил – тут Майк снова вспомнил свою неловкость при беседе с молодой особой и густо покраснел, что впрочем при его цвете кожи было совсем незаметно. Хотя внутреннее волнение всегда заставляло комиссара начать приглаживать свои усики, чем собственно и занялся сейчас Майк, но Редлифф не стал акцентировать на этом внимание. – Здесь-то как раз у меня и возникли те самые вопросы, о которых я тебе говорил только что. Но, о них я тебе расскажу сегодня днем в участке. А сейчас, опроси вдову, а утром сгоняй в нотариальную контору и выясни, оставлял ли Теодор Милтон завещание на случай своей смерти, и, если есть, то кто является главным наследником по нему. И самое главное, что в итоге будут наследовать. Квартира, я так полагаю, числится за мусороперерабатывающим заводом, где он работал, поэтому выясни, каким же имуществом владел сам покойный. Думаю, что к преступлению причастен кто-то из домочадцев. Возможно сын потерпевшего и брат Сары Милтон. Он проживает отдельно от остальных. Причин, побудивших его съехать из родительского дома, я не выяснял, но, думаю, что они есть. И причины эти должны быть очень весомыми. Поэтому сейчас будем работать в этом направлении. И еще, Дик, будь добр обзовни всех наших и пригласи всех сегодня утром на совещание к нам в участок.

Последнюю фразу Майк говорил Редлиффу, уже стоя на пороге квартиры и собираясь ее покинуть. Сказав напутственные слова своему напарнику, Стэмп, накинув свой плащ и натянув шляпу, удалился, напоследок бросив через плечо взгляд внутрь квартиры и отметив, как подчиненный рьяно кинулся исполнять свои должностные обязанности. Комиссар был им ужасно доволен.

«Из этого малого получится неплохой комиссар, если он научится внимательно за всем и всеми наблюдать и обуздает свои пока еще неумные эмоции» – с удовольствием подумал Стэмп, принимая во внимание, что Редлифф является его воспитанником.

Наконец-то, выбравшись на свежий морозный воздух, Майк закурил папиросу, жадно глотая жгучие клубы дыма и ощущая, как дым проникает в самые сокровенные уголки организма. Несколько минут Стэмп постоял возле подъезда, куря и наблюдая за тем, что происходит вокруг. По-прежнему продолжали суетиться коронеры, только теперь они перестали фотографировать, по большей части ведя беседы между собой. Младших офицеров полиции около дома уже не было. Кроме коронеров, на улице оставалась совсем маленькая кучка зевак и пара репортеров, берущих интервью у отдельных «свидетелей», которые, по их собственному мнению, много знают и могут об этом рассказать. Такие горе-«свидетели» есть всегда, на каждом месте происшествия можно встретить людей, которые знают даже больше полицейских, ведущих расследование.

Заметив появление комиссара юстиции Стэмпа, один из репортеров, бросив одного из опрашиваемых «свидетелей» стоять на морозе, устремился к Майку, в надежде заполучить долгожданную «жареную» информацию. Однако, Стэмп, увидев его, поспешил ретироваться с места происшествия почти бегом.

Оторвавшись от назойливого репортера и запрыгнув в свой «кадиллак», Майк сразу же заблокировал все двери и запустил двигатель, пару минут наслаждаясь его чистым звуком.

Прогрев двигатель, комиссар вновь неспешно направил свою зычно урчащую громадину по тихим улицам Вурджвилля к своему дому, оставив позади себя и тело исчезнувшего Теодора Милтона, и скорбящую миссис Милтон, и настолько обворожительную, насколько и грустную мисс Милтон, и своего смышлёного напарника Редлиффа, и, наконец, надоедливого и прилипчивого репортера. Сейчас начиналось время для раздумий...

...

Младший инспектор юстиции Ричард Редлифф, довольно быстро, но, в то же самое время, с надлежащим и присущим только ему усердием провел допрос миссис Виктории Милтон, вдовы пропавшего покойника. Он задал ей все необходимые в таких случаях обязательные вопросы, добавил к ним от себя дополнительные вопросы, которые могли бы пригодиться им в расследовании данного дела. Скрупулезно записал все ответы в протокол, попутно делая пометки в своем блокноте, и, сухо попрощавшись, ретировался.

На протяжении всей беседы со старшей хозяйкой дома, Дик не переставал внимательно наблюдать за Сарой Милтон. Она же тем временем, снова примостилась в своем кресле в углу гостиной, и вела себя естественно для подобной ситуации. Немного плакала, немного смотрела перед собой в стену, несколько раз отлучалась на кухню, видимо, чтобы попить воды. За все время допроса матери, Сара лишь однажды мельком взглянула в их сторону, но Дик хорошо запомнил тот полный горя и одновременно надежды взгляд проникновенных глаз. И еще ее движения... Редлифф не смог припомнить хотя бы еще одну девушку, движения которой были бы такими же утонченными и грациозными.

После своего ухода из квартиры потерпевших и всю дорогу до полицейского участка, куда сразу же отправился Редлифф, Дик продолжал вспоминать загадочную Сару Милтон, девушку с самыми грациозными движениями в мире и самым обворожительным взглядом.

На улице уже вовсю занимался рассвет, лужи, скованные ночным морозцем, под лучами восходящего солнца начали потихоньку оттаивать, и Дик по пути к своему маленькому «фордику» старался их перепрыгивать, чтобы не замочить свои лёгонькие ботинки. Устроившись в своем крохотном автомобильчике, Редлифф пару минут продумывал план дальнейших действий. Нормальному ходу мыслей мешало предательски подкравшееся чувство голода, понемногу начавшее разъедать желудок и отвлекать от работы.

«Несколько часов поисков, опросов и беготни не прошли даром. Даже не заметил, как проголодался» – подумал Редлифф – «Надо бы чем-нибудь перекусить, а то проклятый голод думать мешает».

Несмотря на раннее утро, некоторые ларьки по продаже фаст-фуда уже начали потихоньку открываться.

Дик прекрасно знал, что Ван Ли, маленький, неприметный и тихий обитатель местного чайна-тауна, у которого младший инспектор всегда покупал самые свежие и вкусные гамбургеры и хот-доги, одним из первых распахивает двери своего заведения для посетителей. И Редлифф решил этим воспользоваться. По дороге в участок, он сделал небольшой крюк и остановился возле маленькой неказистой лавчонки, расположенной между продуктовым супермаркетом и адвокатской конторкой.

Зайдя в по-домашнему уютное, теплое помещение, Ричард Редлифф вежливо поприветствовал Ван Ли, поинтересовался его здоровьем и здоровьем членов его семьи, перекинулся с ним парой-тройкой новостей местного значения, пожаловался на погоду, в самый разгар весны вновь вернувшую зимние холода, купил парочку хот-догов и несколько чизбургеров. Завернув свои покупки в бумажные салфетки и попрощавшись с хозяином заведения, Дик быстро вернулся к своему «фордику».

Субботним утром полицейский участок был немногочислен, были здесь только дежурившие полицейские, да несколько особо охотливых до работы инспекторов. Кроме них в участке находились и задержанные прошедшей ночью правонарушители, в основном, из числа загулявших рабочих, с размахом отмечавших конец рабочей недели. В камере они продолжали во весь голос подвывать вразнобой какие-то свои, одним им известные, заунывные песни о своей несчастной доле.

Дик сухо поприветствовал дежурного полицейского Джо Харриса, выслушав по ходу все его идиотские шуточки, и, не обращая внимания ни на них, ни на поющих в камере задержанных, проследовал в свой кабинет. Кабинет, как и ожидал Редлифф, был пуст, значит была возможность немного поработать до того момента, когда откроется нотариальная контора.

Младший инспектор достал из сейфа несколько толстых папок, в которых хранились материалы по прошлым делам, на ходу набивая рот утренними покупками, и с головой погрузился в работу.

Редлифф, увлекшись работой, даже не заметил, как в кабинет тихонько вошла Линда Саммервуд, работающая, как и он сам в должности младшего инспектора в их отделе уголовного преследования. Она также как и он, недавно окончила полицейскую академию и была полна решимости избавить маленький городок от разлагающих его преступных элементов, а также не была лишена здоровых карьерных амбиций. Девушка была хороша собой, но не отличалась хваленым голливудским лоском. Свою маленькую точеную фигурку Линда всегда прятала за балахонистой одеждой со всевозможными складками и нелепыми выточками, хотя ножки с красивыми фигурными голеньями и тонкими лодыжками она демонстрировала с удовольствием, считая их достаточно привлекательными, чтобы показывать окружающим. Несмотря на правильные черты лица, красивые миндалевидные глаза, в отделе никто из мужчин не считал ее не только красавицей, но даже просто симпатичной девушкой. А это все потому, что Линда катастрофически не умела краситься и правильно выбирать прическу. Небрежно подведенные ресницы, аляписто покрашенные брови и почти всегда невпопад выбранный цвет губной помады (и это невзирая на то, что она очень часто меняла ее цвет и текстуру) превращали симпатичную девушку в персонажа из старинного мультсериала про Симпсонов, который все в отделе, включая самого Редлиффа и комиссара, очень любили. Каждый раз выходило одно и то же – то слишком тонко, то слишком вычурно, а то, и вообще, чрезмерно вызывающе. Про прическу и говорить нечего – она ее почти никогда не меняла и ходила с забранным на макушке хохолком. В общем, как ни крути, а Линда Саммервуд была для своих напарников исключительно в качестве «своего парня» без каких-либо шансов на успех.

– Привет, Дик – тихо поприветствовала Линда, проходя мимо за свой стол в углу комнаты – Ты давно здесь околачиваешься?

– Привет, Линда – ответил Редлифф, долго соображая, кто же перед ним стоит и сколько времени он работает – А сколько сейчас времени?

– Почти девять часов – весело ответила девушка и плюхнулась в свое кресло, раскрыв какую-то папку.

– Черт, мне пора бы уже уходить – спохватился Дик и принялся собирать свои бумаги по папкам и убирать их сейф.

– Ты не ответил на мой вопрос. Ты давно здесь сидишь? – не унималась Саммервуд.

– Да часа два или около того, точно не помню – рассеянно ответил Редлифф, второпях накидывая на плечи куртку и напяливая на лоб кожаную кепку.

– Ну, все я пошел. Ты сама-то надолго?

– Не знаю – кокетливо ответила Линда – Как дела пойдут. Может до обеда, а может и на весь день.

– Я думаю, что отлучусь ненадолго, поэтому, может быть, еще увидимся. Кстати, сегодня шеф должен нагряться и провести совещание, так что имей это в виду и, пожалуйста, останься на «летучку», иначе он съест тебя с потрохами.

– Хорошо, что предупредил – у Линды с самого начала работы не сложились отношения с начальником. Он считал, что девушкам не место в полиции, в общем-то, как и большинство мужчин-начальников в правоохранительных органах. Молоденькая девушка сразу же принялась доказывать обратное и, как и должно было быть, сразу же облажалась. И чем настойчивее она старалась доказать, что работа в полиции это занятие для нее, тем больше она делала промахов, и тем сильнее комиссар юстиции Стэмп на нее злился и старался давать ей как можно меньше дел. После нескольких неудач, Саммервуд смирилась со своей незавидной участью и принялась всячески избегать своего начальника, не перестававшего отпускать в ее адрес колкие шуточки с двойным смыслом.

– А зачем ему сегодня на работу, ведь суббота же? – с беспокойством поинтересовалась девушка.

– Да он сегодня назначен дежурным следователем, а еще сегодняшней ночью произошла весьма запутанная история... Но мне уже действительно пора. До скорого. – Редлифф пулей выскочил из кабинета, едва успев захлопнуть за собой дверь, оставив Линду наедине с самой собой в ожидании комиссара.

Городская нотариальная контора открылась почти перед самым приездом младшего инспектора Редлиффа. На пороге его встретил неуклюжий кривой верзила худощавого телосложения с толстыми очками в роговой оправе. По его виду сразу было заметно, что он только что пришел сюда сам и очень недоволен появлением столь раннего посетителя. Он даже особо не скрывал своего раздражения этим обстоятельством.

– Мы еще не принимаем! – огрызнулся верзила – Миссис Хьюстон только что пришла, подождите пятнадцать минут.

– С радостью подождет бы, но не могу, служба – иронично заметил Редлифф, достал служебное удостоверение, полицейский значок и предъявил их верзиле. Тот внимательно изучил удостоверение и, не изменив недовольного выражения лица, удалился в кабинет с надписью «Нотариус. Миссис Хьюстон».

Оставшись один, Редлифф огляделся вокруг. За время своей недолгой работы в полиции ему еще не приходилось сталкиваться с городским нотариусом. Приемная конторы была достаточно просторной, обклеена золотыми в широкую черную полосу обоями, на стенах висели свидетельства, подтверждающие полномочия миссис Хьюстон на ведение нотариальной деятельности, а также образцы всевозможных документов для заполнения посетителями. По левую сторону от входной двери в саму контору располагался большой коричневый диван, обшитый хорошего качества дерматином, по одну сторону от дивана находился небольшой столик со стеклянной столешницей, а по другую в цвет дивана кресло. Справа от двери стоял большой деревянный стол, предназначенный, по-видимому, как рабочее место того самого верзилы. На столе было все самое необходимое для работы – компьютер, принтер и канцелярские принадлежности. Дик бегло взглядом обшарил стол, но так и не нашел никаких личных вещей верзилы, абсолютно никаких. Редлиффу показалось это странным, но он решил оставить верзилу в покое.

«Может он недавно работает, вот и не обзавелся еще всякой ненужной всячиной» – подумал младший инспектор и присел на диван напротив деревянного стола, в ожидании приглашения.

Ждать ему пришлось совсем недолго. Уже через пару минут косая верзила с таким же недовольным видом вернулся в приемную и жестом указал Редлиффу, что он может войти к нотариусу.

Миссис Хьюстон, женщина бальзаковского возраста с копной реденьких седых волос с грубыми чертами лица и узкой щелочкой поджатых губ восседала в своем кресле тронного вида и что-то записывала в свою амбарную книгу.

«Интересно – подумал Редлифф, – в эпоху всеобщей компьютеризации (а рабочее место нотариуса было оборудовано новейшей моделью компьютера с супертонким экраном) эти крючкотворцы по-прежнему записывают всю информацию в свои толстенные книги, зарастающие со временем толстым слоем пыли».

Войдя в кабинет, Дик встал посреди комнаты, ожидая предложения миссис Хьюстон присесть на стул, стоящий перед самым столом нотариуса, но, так и не дождавшись его, самостоятельно занял это место простого посетителя. Он достал из портфеля несколько чистых бланков протоколов допроса (Дик делал все по старинке и новомодным гаджетам, на которые закон разрешал записывать все процессуальные действия, предпочитал простую, проверенную временем бумагу, хотя и не был ханжой) и принялся ждать, когда же, наконец, городской нотариус соизволит оторвать глаза от своих пыльных страниц и уделит ему, инспектору юстиции городской полиции, несколько минут своего драгоценного времени.

Редлиффу пришлось непривычно для подобного случая долго ждать, но, наконец-то, наступило и его время.

– Я внимательно вас слушаю, мистер...

– Младший инспектор юстиции Ричард Редлифф – представился Дик.

– ... Мистер Редлифф. Что привело сюда полицейскую службу – голос миссис Хьюстон был под стать ее внешнему виду, скрипучий и неприятно высокий.

– Видите ли, миссис Хьюстон – осторожно начал Дик. – Мы сейчас занимаемся весьма сложным и запутанным делом. Сегодняшней ночью был похищен труп некоего мистера Милтона, рядового учетчика переработанной продукции на мусороперерабатывающем заводе. Человеком он был посредственным, никакими выдающимися способностями и талантами при жизни не обладал. Поэтому нам крайне необходимо выяснить, имелось ли у данного лица посмертное завещание и кто является выгодоприобретателем по завещанию, если таковое имелось.

– Как вы говорите? Господин Милтон? Милтон, Милтон ... – с этими словами нотариус со скрипом поднялась со своего кресла и направилась к металлической двери, расположенной у нее за спиной.

– Милтон, Милтон... А как имя вашего Милтона? – этот вопрос миссис Хьюстон задала уже из небольшой комнаты, находившейся за дверью.

– Теодор. Теодор Милтон – выкрикнул Редлифф.

В то время, пока городской нотариус копалась в своих столетних бумагах, младший инспектор принялся заполнять протокол допроса прямо на своем портфеле, не посмев расположиться на столе хозяйки кабинета.

Минут через десять, когда Редлифф уже закончил заполнять вводную часть протокола и принялся пялиться по сторонам и вяло позевывать, миссис Хьюстон с торжественным видом, какое только могла изобразить эта достопочтенная мадам, вернулась к своему рабочему месту и ахнула об стол одной из своих толстых амбарных книг.

– Давайте посмотрим, мистер Редлифф, что у нас имеется на букву «М».

С этими словами нотариус принялась с каким-то маниакальным усердием и на удивление весьма медленно перелистывать страницы своего гроссбуха, водя пальцем по строчкам страниц. Дику при этом оставалось только ждать, продолжая сонно зевать, смотреть за вялыми движениями и слушать какие-то глухие бормотания престарелой женщины. Желания вступить с ней в диалог инспектор не имел.

– Так, так... Матеуш, Манингейм, Мердок... – продолжала бубнить себе под нос городской нотариус.

– А, вот, нашла – радостно воскликнула миссис Хьюстон, будто бы обнаружила в своей книге нечто, чего она вовсе и не рассчитывала здесь найти. – Теодор Милтон, город Вурджвилль, Восточная тридцать первая улица, восемь.

Редлифф, окончательно впавший в состояние анабиоза, тут же оживился. Что-то, видимо, начало наклеиваться и Дик не хотел пропустить ни единой минуты драгоценного времени. В один прыжок он подскочил к креслу нотариуса и встал у нее за спиной, внимательно вглядываясь в пожелтелую страницу. Действительно, на пыльной страничке выцветшими чернилами казенной шариковой ручки было нацарапано: № 52, Теодор Ф. Милтон, город Вурджвилль, Восточная тридцать первая улица, восемь – завещание на определение дальнейшей судьбы моего имущества, нажитого на момент смерти.

– Так-так, интересно – Редлифф потер руки, предвкушая жареное. – Запись есть, а где же само завещание?

– Не так быстро, молодой человек, не так быстро. Если есть запись, значит должно быть и завещание – с этими словами миссис Хьюстон неспешно встала со своего кресла и так же неспешно отправилась снова в комнатку, расположенную за металлической дверью.

На этот раз она находилась в этой полутемной комнатке не так долго, как в первый раз, и уже через пару минут миссис Хьюстон объявилась в дверях с небольшим листочком бумаги в руках. Это было завещание Теодора Милтона, человека, недавно усопшего, труп которого бесследно исчез этой ночью.

Городской нотариус снова расположился за своим массивным столом, надела очки и, развернув клочок бумаги, принялась читать вслух.

– Я, Теодор Фредерик Милтон, пятидесяти одного года от роду, проживающий по адресу..., находясь в трезвом уме и твердой памяти, – речь миссис Хьюстон была наполнена пафоса, она наслаждалась драматургией ситуации. – Завещаю все свое имущество, которое только будет принадлежать мне на момент моей смерти, своей дочери – Саре Теодор Милтон, проживающей по адресу...

Окончив чтение, миссис Хьюстон вопросительно взглянула на младшего инспектора Редлиффа, который восседал напротив нее и сам не знал, как реагировать на полученную информацию.

– Что скажите, мистер Редлифф?

– Я пока и сам не знаю, как это может сказаться на ходе нашего расследования – честно признался инспектор – Но информация очень важная. Не могли бы вы, миссис Хьюстон, сделать для нас копию этого завещания?

– Конечно, мистер Редлифф – с этими словами нотариус сняла трубку телефона и вызвала к себе помощника, давешнего неуклюжего верзилу.

Верзила тут же объявился в дверном проеме и, получив инструкции, удалился восвояси.

– Есть еще какие-нибудь распоряжения насчет завещания? – спросила миссис Хьюстон.

– Миссис Хьюстон, а кто-нибудь из семьи Милтонов, кроме, разумеется, самого Теодора, знает о существовании этого завещания?

– Пока нет – торжественно проскрипела нотариус. – Но в случае обращения к нам кого-нибудь из родственников или их поверенных мы обязательно уведомим всех членов семьи Милтонов об этом.

Редлифф не знал, что делать, но инстинктивно чувствовал, что содержание завещания не должен знать пока никто, кроме конечно, полиции. Несколько секунд он колебался, нотариус продолжала вопросительно смотреть на него. Наконец, Дик решил.

– И еще, миссис Хьюстон, могли бы вы поддержать завещание у себя, не разглашая его содержания никому. Повторяю – НИКОМУ. Кто бы к вам не обратился.

– Даже тем, кого оно напрямую касается?

– Тем более. Никто не должен знать содержания завещания. Хотя бы несколько дней.

– Сколько? – деловито поинтересовалась городская нотариус.

– Так, сегодня суббота... До понедельника надо продержаться точно, а там я вам позвоню и сообщу наш план дальнейших действий.

– Хорошо – с пониманием кивнула нотариус, придав себе вид крайне заговорщицкий, будто то, на что она согласилась, было очень опасно для её жизни.

Сразу было видно, что миссис Хьюстон любит подобного рода таинственные истории, а сейчас она была, своего рода, в самом центре событий и это ей весьма льстило.

– Да, миссис Хьюстон, – немного помолчав, добавил Редлифф – Если кто-то в этот самый период времени поинтересуется у вас информацией о завещании и его содержании, прошу вас немедленно сообщить мне лично. Вот номер моего сотового и рабочего телефонов.

Дик протянул городскому нотариусу свою визитную карточку. В это самое время в кабинет миссис Хьюстон вошел верзила и протянул младшему инспектору копию завещания Теодора Милтона. Редлифф поблагодарил верзилу, подшил копию к протоколу допроса нотариуса и вернулся к разговору с миссис Хьюстон.

– Миссис Хьюстон, вы меня поняли?

– Конечно, мистер Редлифф – зачем-то полушёпотом произнесла нотариус и снова таинственно, с пониманием дела, кивнула Дик – Сделаем все от нас зависящее.

Редлиффу не терпелось закончить этот непонятный и неприятный ему разговор. Он быстренько дописал протокол, сунул бумажку на стол нотариусу и пробурчал что-то нечленораздельное о том, мол, что надобно бы расписаться.

Миссис Хьюстон аккуратно взяла протокол ее допроса, тщательнейшим образом изучила его содержимое, потом извлекла из кожаного футляра с тиснением золотое перо и поставила свою подпись.

– Видите ли, это подарок близкого человека – извиняющимся голосом сказала она, указывая на перо, – использую его только в исключительных случаях. Сейчас думаю, именно такой случай.

Редлифф понимающе закивал миссис Хьюстон, дескать, конечно, конечно, именно сейчас и стоит использовать ей свое золотое перо. На самом деле ему, конечно же, было безразлично, чем будет расписываться нотариус в протоколе, лишь бы она поскорее это сделала.

Наконец-то заполучив протокол с автографом миссис Хьюстон, Редлифф живехонько убрал все бумаги в свой портфель, и уже было поднялся, чтобы уйти, как городской нотариус совсем обычно, как в начале беседы остановила его вопросом, скрипуче сказав.

– Как вы думаете, мистер Редлифф, вы сможете найти тело мистера Милтона?

Вопрос, прямо скажем, немного обескуражил Дика. Он встал со стула, неторопливо засунул портфель себе под мышку, поправил очки на переносице, попереминался с ногу на ногу, а потом все же ответил.

– Мы сделаем все возможное и невозможное. До встречи, миссис Хьюстон.

С этими словами младший инспектор Редлифф круто повернулся на каблуках и быстрым шагом вышел из кабинета городского нотариуса. В приемной, мимоходом, он пожелал всего наилучшего верзиле, сидящему за своим столом и что-то набивающему на своем компьютере.

Выйдя на улицу, Дик полной грудью вдохнул свежий весенний воздух. Он буквально всем телом почувствовал его запах, резко контрастировавший с затхлым канцелярским смрадом, царившим в городской нотариальной конторе.

«Как хорошо я здесь сработал – мысленно похвалил себя Дик. – Интересная зацепка, это завещание. Есть над чем подумать. Но рано расслабляться, еще не все версии рассмотрены. И, самое главное, не найдено тело мистера Милтона».

Мысленно взбодрив себя подобным образом, Редлифф живо направился к своему автомобильчику, припаркованному на стоянке для посетителей, не переставая думать над решением этой сложнейшей задачи, записывая поочередно всех известных фигурантов по делу в

подозреваемые и предполагая их мотивы и ход их дальнейших действий. Но всякий раз он так и не находил у них никаких мотивов к похищению трупа Милтона. В конце концов, Дик решил посоветоваться с Майком, а там уже выдвигать какую-нибудь стоящую версию и отрабатывать ее по полной программе.

Но сейчас с добытой информацией и вещественными доказательствами необходимо было вернуться в участок, где шеф намеревался провести летучку по этому делу. Редлифф, запустив движок своего «фордика» и включив первую передачу, направил машину в полицейский участок.

...

С места происшествия комиссар юстиции Майк Стэмп направил свою любимую урчащую громадину напрямик к себе домой. Он решил все же побриться, позавтракать, наконец-то, и, может быть, чуток вздремнуть. А то вся эта канитель вконец выбила его из колеи.

К дому Майк добрался, когда уже совсем рассвело и с крыш мелодично закапало. Войдя в квартиру и оглядевшись вокруг, он с ужасом отметил яркий контраст между жилищем четы Милтонов и своей собственной лачугой. Хотя и жил Майк в собственном коттедже, расположенном на самом краешке уважаемого района в центре Вурджвилля, порядка внутри дома, как впрочем, и снаружи не было. Крыша давно потеряла свой первоначальный лоск, а вместе с ним и часть кровельной черепицы. Краска на фасаде дома и окнах потрескалась, а местами и вовсе осыпалась. Петли на дверях ужасно скрипели. Ремонта дом давно уже не видел. Раньше всем этим занималась Розалин. Ворча и причитая, что в доме нет хозяина, она все же следила за внешним состоянием их семейного гнездышка. После развода и отъезда бывшей жены с сыном, Майк окончательно махнул рукой на домашние заботы и налаженный быт, переложив все это сначала на своего напарника Редлиффа, а затем и вовсе пустив на самотек. Внутри дом комиссара ничем не отличался от своего экстерьера. Та же захламленность, та же грязь и ощущение одиночества.

«Нет, надо точно поискать женщину, которая бы навела здесь хоть какой-нибудь порядок, чтобы дом на дом стал похож. А то карикатура какая-то на жилище, получается» – гневно подумал Стэмп. Потом он разделся, бросил верхнюю одежду и китель прямо там, где стоял, и, не обувая домашних тапочек (наверное, и они где-то по квартире «бродят»), в одних носках прошлепал в ванную комнату.

Майк снова долго простоял у зеркала, придирчиво рассматривая свою небритую физиономию и причесывая коротенькие усики, прежде чем он достал бритву и гель для бритья и, не спеша, с ужасным скрежетом принялся удалять лишнюю растительность на лице. После бритья комиссар еще некоторое время посмотрелся в зеркало, с неудовлетворением отмечая на лице новые порезы от лезвия бритвы, самые крупные из которых он тщательно заклеил пластырем.

Затем Стэмп не спеша направился на кухню, где надеялся разыскать что-нибудь съестное и позавтракать этим. Но его ждало полное разочарование. Ни в холодильнике, ни в кастрюлях на газовой плите, ни в каких-то емкостях под кухонным столом он ничего не нашел. Тяжело выдохнув, Майк принялся мастерить на сковородке яичницу с ветчиной, а затем сляпал пару увесистых бутербродов с сыром.

«Вечерком надо бы что-нибудь сварить, а то сидя на сухом пайке недолго и язву обострить» – Майк с отвращением вспомнил свое последнее обострение и те три недели, которые ему пришлось провести в больнице. Его даже передернуло при мысли, что придется опять проваляться на больничной койке, хотя и кормили там своевременно и даже весьма вкусно, но уж больно скучно. А скуки комиссар юстиции терпеть не мог с детства.

«А может быть куплю чего-нибудь готовенького в каком-нибудь ресторане» – с облегчением подумал Майк, радуясь своей придумке и тому, что не нужно будет готовить – «И все-

таки надо бы найти женщину» – мысленно подытожил Майк спор с самим собой по поводу приготовления пищи и уборки дома.

В то же самое время он снова вспомнил Сару Милтон, ее глубокие голубые глаза, изящные руки, милую улыбку и грациозные позы и движения. И снова сердце забилося чаще, а лицо налилось краской. Майк машинально погладил свои усики, не в силах справиться с нахлынувшими эмоциями, и ему стало не по себе от подобного рода переживаний в связи с воспоминаниями об очередной свидетельнице, а, может быть, и того хуже – подозреваемой. Стэмп, имея за плечами многолетний опыт следственной работы, никогда и никого не исключал из числа подозреваемых по расследуемым им делам. А здесь его чутье сыщика буквально кричало о том, что мисс Милтон что-то скрывает от полиции, что-то, что могло бы весьма пригодиться в расследовании. И сейчас его, Майка Стэмпа как комиссара юстиции, задача как можно скорее выяснить все эти тайны и увязать их с материалами дела об исчезновении трупа Теодора Милтона.

– Но, черт возьми, какая же она все-таки обворожительная! – не удержался Майк и высказал свои мысли вслух.

За своими размышлениями Майк и не заметил, как умякал все приготовленное, запивая съестное очень крепким черным кофе. А после хорошего приема пищи неплохо было бы и вздремнуть, пополнив свои весьма истощенные силы. Без этого даже хорошо думать не получится, и комиссар решил дать своему измученному телу пару-тройку часов спокойного сна. Едва устроившись на койке, предусмотрительно отключив сотовый телефон, Майк задышал размеренным сном спящего человека.

Сработавший в смартфоне будильник прервал глубокий сон Стэмпа и он был ужасно раздражен этим обстоятельством. Майк посмотрел на часы, стрелки которых показывали без четверти девять. За окном стояло тихое и спокойное утро очередного выходного дня в маленьком провинциальном городке Среднего Запада. И ничто не говорило о том, что прошедшей ночью неизвестные открыто, прямо из дома, похитили тело простого городского работяги.

«Кстати, такого ли простого?» – задал сам себе вопрос комиссар. – «Уж больно квартира у него обставлена роскошно для зарплаты простого рабочего учетчика. Но, может быть, у них деньги остались еще от переезда? Или просто дочь и сын помогают деньжатами? Тоже может быть. Вопрос, конечно, интересный и надо бы его аккуратно прощупать». При воспоминании обстановки квартиры Милтонов и сравнив ее с его собственной лачугой лицо Майка опять перекосилось.

С этими мыслями Майк встал с кровати и снова принялся разыскивать разбросанные по квартире вещи. Через полчаса комиссар юстиции был полностью собран (он даже удосужился отутюжить форму) и готов к отбытию к месту службы.

Но сначала Стэмп решил все же наведаться на рабочее место Теодора Милтона и провести там осмотр.

Дорога до мусороперерабатывающего комбината заняла у Майка почти сорок минут, так как завод находился за городом, хотя дорога была полупустой. Люди отдыхали после очередной рабочей недели.

На проходной завода его встретила парочка ребят крепкого телосложения, вооруженных автоматическими винтовками нового образца М-18М.

«Здорово у них здесь налажена охрана» – подумал Майк – «Почти как на режимном объекте».

Комиссару еще не приходилось бывать по работе на комбинате, ничего здесь не происходило криминального до настоящего времени. Хотя сейчас ведь он приехал сюда, значит, все же уже что-то случилось.

– Ваши документы? – деловито, и даже по наглomu, задал вопрос один из охранников, вероятно, начальник смены, подошедший к автомобилю комиссара. Это был невысокого роста,

весьма широкоплечий малый с короткой стрижкой «под ежик», под мешковатой одеждой которого хорошо читалось мускулистой тело.

Майк достал свои служебное удостоверение и полицейский жетон и предъявил их охраннику. Тот очень долго и внимательно изучал содержимое документа, а потом махнул кому-то в будке рукой, чтобы он открыл ворота и впустил машину комиссара внутрь.

Припарковав свою урчащую махину на служебной автостоянке, Майк проследовал напрямик к этой самой будке возле ворот, где его снова встретили уже знакомые ему охранники.

– Простите, ребята – с широкой улыбкой спросил Стэмпа. – Вы не подскажете, как пройти в цех готовой продукции?

– Конечно, комиссар – пробурчал начальник смены. – Пройдете всю стоянку, повернете направо и идите до упора. Там будут синие ворота, это и есть склад готовой продукции.

Майк откозырял охраннику и тот в ответ тоже, по щегольски, козырнул и бегом вернулся к своему месту работы, а комиссар юстиции неспешным шагом направился к цеху готовой продукции.

В указанном месте его ждали настезь открытые синие ворота, в проеме которых стоял огромный тягач прицепом внутрь. Неподалеку стояли еще три тягача, ожидавших своей очереди для погрузки. Вокруг них толпилась кучка людей, видимо, водители, экспедиторы и грузчики с этих фур. Они весело разговаривали между собой, приплясывая на мартовском морозце. В цеху же кипела работа – видимо тягач загружали продукцией переработки завода для отправки на другие предприятия США, где она пригодится в технологическом процессе последних. Мимо комиссара то и дело сновали крепкого телосложения люди, автокары перевозили упакованные продукцией коробки и загружали их в фургон тягача. Вокруг слышалась человеческая речь, сопровождаемая матерными выкриками и руганью. Несмотря на субботний день, отгрузочная работа шла нешуточная. Объемы производства продукции не позволяли делать выходных дней для рабочих, занятых сбытом готовых товаров.

Майку пришлось остановить несколько рабочих, чтобы спросить у них, где найти начальника смены, прежде чем он нашел тучную барышню-негритянку невысокого роста с длинными барашками на голове. Миссис Диксон, так звали начальника цеха готовой продукции, (именно она сегодня выполняла обязанности начальника смены), непрерывно отдавала команды, ругалась с подчиненными и рабочими сторонних организаций, прибывших для погрузки готовой продукции.

– Что вам надо? – кричала миссис Диксон на Стэмпа, хотя он был одет по форме, но, видимо, ей это не говорило ни о чем.

– Меня зовут Майкл Стэмпа. Я комиссар юстиции – спокойно ответил Майк, не собираясь вступать в конфликт со сварливой бабой-начальницей. – Здесь я нахожусь по служебной необходимости. Скажите, пожалуйста, миссис Диксон, могу ли я осмотреть рабочее место Теодора Милтона, который по нашим сведениям работал у вас на заводе учетчиком готовой продукции.

Начальница цеха была дамой не робкого десятка, так что нарочитый официоз Майка не произвел на нее должного внимания.

– Так ведь Милтон умер несколько дней назад, так что его личное дело сейчас находится в отделе кадров, а на его месте сейчас работает другой человек.

– Но я надеюсь, что этот новый человек еще не выбросил все вещи Милтона?

– Что вы, что вы – запричитала миссис Диксон. – Мы сложили все личные вещи Теодора в отдельный ящик, чтобы его родные смогли бы их потом забрать.

– Скажите, а никто из родных еще не приходил за ними? – поинтересовался Майк.

– Пока нет – уверенно ответила начальница цеха. – Правда, вчера днем звонила мисс Милтон, его дочь, она хотела прийти за вещами сегодня днем. Кстати, а почему смертью Теодора занимается криминальная полиция, ведь насколько я знаю, его смерть не была насильственной?

– Вы абсолютно правы, миссис Диксон, смерть мистера Милтона не носила насильственного характера, по предварительным данным – Майк специально сделал акцент на последних словах. – А криминальная полиция занимается делом об исчезновении трупа Теодора Милтона.

– Какой ужас – всплеснула руками миссис Диксон. – Как так исчезновении? Его тело что, похитили?

– Да. Сегодняшней ночью мы получили телефонный звонок от родных мистера Милтона, в котором они сообщили, что тело их мужа и отца исчезло прямо из квартиры.

– Бедный Теодор, бедный Теодор – начала причитать начальница цеха готовой продукции, а потом, обращаясь к Майку, сказала.

– Вы знаете, он был таким тихим и мирным человеком. Всегда был в себе. Даже поспорить с ним было нельзя – он никогда ничему не противоречил и не возражал. Бывает так, захочешь на кого-нибудь накричать, выместить свою злобу, а тут Теодор собственной персоной. Начнешь к нему придирааться, искать зацепки, а он молчит или говорит: «Да, миссис Диксон, обязательно приму к сведению, миссис Диксон, исправлюсь, миссис Диксон. Ну и так далее». Плюнешь на него, а там, гляди и желание кричать пропадает. А так, хороший человек был, отзывчивый. Что ни попросишь, все выполнит.

С этими словами миссис Диксон препроводила комиссара на второй этаж цеха в небольшую комнатку, плотно обставленную металлическими стеллажами, в которых впритык, бок о бок, стояли толстые папки в кожаных переплетах. В дальнем углу комнаты, за небольшим столиком сидел, сгорбившись, небольшой человек в клетчатой жилетке и допотопных нарукавниках и что-то чиркал в очередной папке, лежащей перед ним.

– Виктор – обратилась к нему миссис Диксон. – Это комиссар юстиции Стэмп. Покажи ему личные вещи Теодора и выполни все, что скажет мистер Стэмп.

– Хорошо, Хлоя – не оборачиваясь, ответил учетчик писклявым голоском – Только сейчас допишу...

– Ты меня слышал – пронзительно закричала миссис Диксон так, что у Майка зазвенело в ушах, отчего он рефлекторно закрыл уши руками. – Сделай побыстрее то, о чем я тебе говорю, а потом занимайся текущими делами.

В отличие от Майка, учетчик даже ухом не повел, только вполборота развернулся к вошедшим, и спокойно ответил.

– Я тебя прекрасно слышу, Хлоя, не надо так орать. Сейчас допишу, мне осталось две цифры свести. А если ты будешь так кричать, то я еще долго буду их сводить.

Видя, что спорить с ним бесполезно, миссис Диксон махнула на него рукой, коротко кивнула Майку «дескать, разбирайтесь здесь сами» и быстро удалилась. Майк остался в комнатке один на один с новым учетчиком (а может быть и сменщиком Милтона, которого заставили поработать в одиночку, пока не найдут нового рабочего).

«Надо бы выяснить, не работал ли этот учетчик с усопшим вместе. Может он что-нибудь сможет пояснить по поводу смерти Милтона, а может быть наведет и на похитителей его тела».

Ждать Стэмпу пришлось действительно недолго. Уже через пару минут, мужчина в клетчатой жилетке аккуратно вставил шариковую ручку в секретер, вложил в папку закладку, закрыв ее, встал и направился навстречу Майку, протягивая свою жилистую руку для рукопожатия.

– Доброе утро, господин комиссар. Меня зовут Виктор Нюнсберг, я сейчас в одиночку работаю на учете готовой продукции. Нового учетчика еще не приняли, поэтому Хлоя так злится. Да вообще, она почти всегда злится, по любому поводу. Мы уже не обращаем на это внимания.

Майк пожал жилистую руку Нюнсберга, на удивление весьма сильную и сухую, что вызвало у комиссара уважение к собеседнику.

– Здравствуйте, мистер Нюнсберг. А Вы давно здесь работаете?

– Да уж лет десять как. Сперва был простым грузчиком. А как здоровье стало прихрамывать, так сюда перевели. Пока справляюсь, не жалуется никто.

– Так значит, вы с самого начала работали с мистером Милтоном?

– Да. Он устроился сюда, когда я уже работал.

– А вам случайно не доводилось слышать от Теодора Милтона историю их переезда в Вурджвилль, его причины?

– Да, в общем-то, Теодор никогда не распространялся на эту тему. Ну, переехали и переехали. Может стали нужны деньги. Кстати, здесь совсем неплохо платят, все-таки вредность. А может, и другие причины вынудили. Не знаю точно.

– Жаль, жаль, что вы не можете назвать причины их переезда. Но вернемся ближе к начатому разговору. Может, вы покажете, где работал мистер Милтон?

– С превеликим удовольствием – прокряхтел Нюнсберг. – Пройдемте.

И пожилой учетчик жестом руки пригласил комиссара за собой к небольшому столику, за которым он только что восседал сам. Майк немного удивился, но вида не подал.

– У вас одно рабочее место на двоих? – поинтересовался Стэмп.

Нюнсберг в голос рассмеялся.

– Это у вас в полиции у каждого свое собственное рабочее место, а у нас все по-простому – один стол, один стул и куча макулатуры для заполнения. В конце года нам обещали компьютер дать, но видно еще руки пока не дошли. Осматривайте, пожалуйста, раз уж просили.

С этими словами учетчик отошел подальше от стола, предоставив комиссару возможность самому осмотреть их с Милтоном рабочий стол.

– А, может быть, начнем с личных вещей Милтона? – предложил Майк, обескураженный подобным поворотом событий.

– А чего же не начать – поддержал Нюнсберг. – Тогда нам сюда.

И он снова жестом руки пригласил Стэмпа за собой и провел его за металлический стеллаж, заставленный многочисленными учетными папками.

Все личные вещи Теодора Милтона были уложены в спортивную сумку, причем весьма потертую. Вещей оказалось, как и думал Майк, совсем немного – чашка, ложка, еще какая-то посуда для личного потребления, всевозможные грамоты, выданные за отличную работу, парочка семейных фото, несколько визиток. Внимание Майка привлекла небольшая визитка красного цвета с синими продольными полосками фирмы «РОБОЛЕНД и Ко».

«Так, так. Интересно, зачем рядовому учетчику мусороперерабатывающего комбината визитка фирмы, занимающейся производством робототехники. Робототехника, робототехника... Что-то знакомое. Кажется, сегодня я уже слышал нечто подобное. А где уж трудится его дочь?.. Точно! Это же как раз та самая контора, где работает Сара Милтон. Ну, тогда, может быть, Теодор просто распространял здесь эти визитки на комбинате, ведь Нюнсберг сказал, что рабочим тут неплохо платят. А эта – последняя оставшаяся. Все может быть, все может быть...»

Майк продолжил осмотр вещей, но найденная визитка прочно засела у него в голове и мешала сосредоточиться. Что-то в ней было не так. Но что точно, комиссар не знал. Но одно он знал точно – это зацепка в деле. По личному опыту Стэмп знал, что любая вещица, которую никак невозможно ассоциировать с фигурантами дела, является зацепкой.

Нехотя порывшись в вещах Милтона еще пару минут, перекладывая их с места на место, Майк решил закончить осмотр содержимого спортивной сумки и осмотреть рабочее место учетчиков. Мистер Нюнсберг любезно освободил стол для комиссара, отойдя в самый дальний угол комнатухи, чтобы не мешаться под ногами.

Майк и тут не стал долго задерживаться. Бегло оглядев стол и не найдя здесь ничего стоящего, Стэмп закончил свои дела и, прихватив с собой найденную визитную карточку «РОБО-ЛЕНДА и Ко», направился на выход.

– Большое спасибо, мистер Нюнсберг, за помощь – перед уходом крикнул Майк учетчику, продолжавшему возиться в углу комнаты. – Всего вам доброго. Смею надеяться на вашу гражданскую сознательность и поддержку в случае необходимости.

– Конечно, господин комиссар, всегда к вашим услугам – прокричал в ответ Нюнсберг, не отрываясь от своих дел. – До свидания!

Уходя, Майку пришлось снова пройти через цех готовой продукции. В воротах снова стоял тягач с прицепом, но это был уже другой автомобиль. А картина, между тем, несколько не изменилась – также сновали люди и автокары, загружая товар, перекрикивались и ругались рабочие и между собой, и с пришлыми водителями тягача, и с их экспедиторами. В центре всей композиции располагалась миссис Диксон, то и дело отдавая команды направо и налево, и ужасно матерясь по поводу и без такового. Ее кучерявые волосы, казалось, вообще встали дыбом от напряжения.

Проходя мимо, комиссар Стэмп не стал подходить к начальнице цеха, издав выкрикнув прощальные слова. Но, видимо, миссис Диксон так была увлечена своей работой, что пропустила его слова мимо ушей и вообще, даже не обратила на него никакого внимания. Скажем прямо, это обстоятельство несколько не огорчило Майка и он, погрузившись в свои размышления, быстро скользнул через массивные железные ворота и был таков, направившись к своему автомобилю-монстру.

На проходной машину Майка уже встречали все те же хмурые охранники. Они-то как раз не только заметили приближение громадины комиссара, но и на прощание, вразнобой, кивнули ему, и он, не опуская стекла, коротко кивнул им в ответ. Когда комиссар подъехал вплотную к выходу, входные ворота, как по мановению волшебной палочки, открылись, выпуская урчащего монстра наружу. Майк резко нажал на педаль акселератора, обдав охранников густыми клубами дыма, и удалился прочь в морозное субботнее утро.

...

На стоянке перед полицейским участком было уже полным полно машин. Майк едва нашел место, чтобы припарковать своего грохочущего монстра. Ко всему прочему по пути от стоянки до участка Стэмп два раза попал в лужи, образовавшиеся на солнышке после ночного морозца, замочив при этом ноги.

Когда комиссар добрался до участка, ночная смена дежуривших полицейских уже ушла по домам на отдых, и Майк обрадовался, что ему не придется встречаться с этим нахальным и хамоватым Харрисом. Ух, до чего же он не любил, если не сказать ненавидел, этого молокососа в погонах. До чего же ему, иногда, хотелось съездить по его рыжей физиономии, да так, чтобы зубы разлетелись по разным углам. И только должностное положение комиссара не позволяло Майку опуститься до такого унижения и охлаждало его пыл.

В кабинете инспекторов собралась уже вся его группа, которая живо что-то обсуждала. Долгожданное весеннее солнышко, проникающее сквозь огромное во всю стену окно, наполняло помещение ярким светом и мягким теплом. Столы, за которыми в служебное время восседали инспектора, размещались почти как в школе – вдоль длинных стен по три с каждой стороны с проходом посередине. Один стол пустовал. И Майк, при проведении своих совещаний пользовался рабочим столом Редлиффа, так как тот стоял в самом конце кабинета, так, что столы остальных сотрудников отдела оставались позади него. Это было удобно комиссару, который во время совещаний переносил кресло Дика на другую сторону стола и оказывался при этом лицом ко всем своим сотрудникам. Во время, так называемых летучек, сам

Редлифф занимал пустующий стол в самом конце кабинета, почти у выхода. Кабинет был образцом чистоты и порядка. Прекрасного качества крашенные обои кремового цвета были подобраны в тон натяжному потолку, оснащённому превеликим множеством светодиодных лампочек со встроенным изменением гаммы цветов. В кабинете присутствовала даже школьная доска. Правда, никто уже не мог вспомнить, для чего она вообще предназначалась изначально. Сейчас же ребята, в основном, использовали ее для развлечения – чертили на ней всевозможные карикатуры друг на друга, либо просто рисовали для снятия нервного напряжения. И самой большой загадкой для Майка было то, откуда берется мел для письма. Каждый раз, когда Стэмп специально забирал какой-нибудь очередной кусок мела, на следующий день на полочке под этой самой доской снова лежал новый мелок. После некоторых подобных фокусов Майк все же сдался и оставил и доску, и прилежащий к ней кусок мела в покое. Все инспектора сидели по своим местам, кроме Редлиффа, разместившегося возле стола младшего инспектора юстиции Йенса на маленьком стульчике для посетителей. Больше всех говорил Редлифф, и это было неувидительно для Майка. Ведь с самого поступления юнца Дика на службу в полицию, Майк сразу же почувствовал в нем стержень, способный превратить зеленого сопляка-очкарика, коим и являлся сейчас Редлифф, в толкового старшего инспектора, а может быть, в дальнейшем, и самого комиссара юстиции или добротного окружного шерифа. При появлении комиссара Дик тут же уселся за свободный стол, готовый слушать начальника и записывать все необходимое в свой блокнот.

«И эта вертихвостка здесь! – гневно подумал Майк, увидев в комнате Линду Саммервуд – Чего ей дома в законный выходной-то не сидится? Все чего-то доказывает, все чего-то жилы рвет. А кому это нужно? Кому? Мне? Да ни черта мне не надо ни ее стараний, ни ее умений. Да и, вообще, я бы с удовольствием обменял ее сейчас на толкового малого в брюках, а не в юбке. Ведь все равно я уверен, что не место женщинам в полиции. Грязная это работа, а женщина должна украшать мир, а не копать в грязи».

И тут же Стэмп неожиданно для самого себя вспомнил Сару Милтон. Он был очень обескуражен этим обстоятельством. В памяти всплыли благородные черты девушки, ее безупречную точеную фигурку и, конечно же, просто по-царски грациозные движения. Майк постарался прогнать мысли о девушке.

«Вот что значит долгое отсутствие женской ласки – уже и на подозреваемых кидаюсь. Надо позвонить Элеоноре и договориться с ней о встрече, а то это просто так не пройдет».

Войдя в кабинет инспекторов (предусмотрительно оставив кожаный плащ и шляпу в своем кабинете), Майк принял максимально суровый вид, на который только был способен, дабы показать своим подчиненным всю степень значимости, которой наделен их начальник, и весь груз ответственности, которая на него возложена. Сухо кивнув присутствующим и что-то пробормотав себе под нос, Майк тяжелой походкой прошлепал за самый дальний стол, принадлежавший Редлиффу, который в это время сидел за соседним столом вместе с Николасом Йенсом, тоже младшим инспектором юстиции, но в отличие от Редлиффа, не обладающего особыми талантами в сыске и не выказывающего особых рвений по службе. Пройдя за стол, Стэмп также тяжело плюхнулся в черное канцелярское кресло, поскрипывающее при каждом неловком движении седока, положил руки на стол, сложил ладони в замок и обвел подчиненных испытывающим взглядом прежде, чем начать «летучку». При виде своего начальника, да еще такого особенно грозного, каким был Майк сегодняшним утром, все собравшиеся немного приутихли, только Йенс по-прежнему продолжал что-то тараторить прямо в ухо Винстону, который, в свою очередь, полностью сконцентрировал свое внимание на комиссаре.

– Доброе утро, если, конечно, его можно назвать добрым, учитывая тот факт, что все мы собрались здесь, в свои выходные дни, по служебной необходимости – поздоровался Майк с присутствующими в кабинете инспекторами юстиции, внимательно уставившись при этом на младшего инспектора Йенса, который, заметив его пристальный взгляд, опустил глаза вниз

и принялся разглядывать свои принадлежности. – Я собрал вас всех здесь по очень серьезному делу. Сегодняшней ночью у нас произошло весьма странное и, вместе с тем особо тяжкое преступление – похищение трупа. Я думаю, младший инспектор Редлифф успел ввести вас немного в курс дела. Так вот, похищен труп некоего Теодора Милтона, рядового учетчика мусороперерабатывающего комбината. Мы вместе с инспектором Редлиффом успели подсобрать кое-какую информацию относительно расследования данного дела. Сейчас нам необходимо обобщить ее и выдвинуть рабочие версии. Если есть какие-нибудь вопросы до начала, милости прошу, задавайте.

«Тишина гробовая» – подумал Майк, хотя ему сейчас вовсе не хотелось использовать именно это сравнение, но ничего другого в голову не приходило.

Выдержав театральную паузу, Стэмп продолжил.

– Если у вас нет ко мне вопросов, тогда давайте обсудим сложившуюся ситуацию. Утром я побывал на рабочем месте Милтона и нашел там одну очень интересную вещь, но об этом позже. Сейчас я хочу дать слово младшему инспектору юстиции Редлиффу, чтобы он полностью доложил о материалах дела и сообщил о выполнении моего поручения.

По кабинету пошли тихие перешептывания между инспекторами. В отделе уже многие догадывались об истинном отношении шефа к Дикю Редлиффу, но вслух эти домыслы высказывал всего один человек – старший инспектор юстиции Рубен Ван Гистон, метивший на место Стэмпа и терпеливо ожидавший своей очереди. И ему было совсем не по душе осознавать, что какой-то там молокосос, едва закончивший полицейскую академию, может бесцеремонно нарушить все его планы и сам занять место комиссара юстиции. Да и то, высказывался он только в очень узком кругу проверенных людей, стараясь, чтобы его слова не дошли до самого Стэмпа. Но мир всегда был не без добрых людей, и Майк хорошо знал об этих разговорах, стараясь ничем не выдавать своих знаний. Стэмп, действительно, уже давно предлагали участие в выборах на должность окружного шерифа (а шансы их выиграть у Майка были хорошие) и многие в участке поговаривали, что долго комиссар не сможет сопротивляться этому давлению и в скором времени место комиссара юстиции станет вакантным. Вот этого момента и ждал Ван Гистон. Майк хорошо относился к старшему инспектору юстиции, даже в прошлом помог ему занять эту должность. Рубен неплохо справлялся со своими обязанностями, был очень исполнительен, имел хороший послужной список по раскрытым делам. Но не было у него чего-то, не дал Бог какой-то изюминки, живого мышления, чтобы занять пост комиссара. А у Редлиффа было. Но не было у Дика большого послужного списка, такого как у Ван Гистона, в силу своей молодости, не было и устоявшегося мнения начальства в участке. Поэтому Майк хотел в случае своего повышения по службе воспользоваться связями, чтобы комиссаром был назначен именно Редлифф, а не Ван Гистон. И потому сегодняшние перешептывания ему особо понравились.

Дик немного помялся, прежде чем начать свой доклад, видимо, тоже поняв, о чем судачат его коллеги. Но потом все же приступил к описанию дела.

– Сегодняшней ночью, примерно в один час семь минут по местному времени в участок по телефону позвонила мисс Сара Милтон и сообщила о пропаже тела своего покойного отца – Теодора Милтона, 19.. года рождения, уроженца города Нью-Бетлехем, Пенсильвания, работавшего учетчиком готовой продукции на мусороперерабатывающем комбинате. В Вурджвилль семья Милтонов перебралась почти три года назад и с тех пор, ни в каких криминальных событиях замечены не были. Правда, у сына Милтона – Филиппа – было несколько приводов в полицию, но все они были за чрезмерное потребление спиртного. Связей с уголовниками Милтоны не имели. Только тот же самый Филипп Милтон некоторое время назад водил приятельские отношения с Джоном Драггером, известным в городе торговцем легкими наркотиками до момента их полной легализации, а теперь предпринимателем средней руки,

снабжающим почти всё Восточное побережье и большую часть Среднего Запада марихуаной и изделиями на основе каннабиса.

Здесь Редлифф сделал остановку, чтобы перевести дыхание и ответить на вопросы, которые могли возникнуть у инспекторов. Но никто даже не сделал попытки открыть рот, один только Йенс, будучи до конца верен себе, что-то бормотал в ухо теперь уже инспектору юстиции первого класса Винстону, сидевшему позади него. Поэтому Дик продолжил.

– Так вот, как я уже говорил, труп Милтона предположительно пропал около часа ночи. Никто ничего не видел.

– А может быть, просто посмотреть записи с видеокamer – с пренебрежением выкрикнул с места Ван Гистон, не выдержав напыщенности, которую, по его сугубо личному мнению, демонстрировал сейчас Редлифф, зачитывая свой доклад. Старший инспектор юстиции Рубен Ван Гистон был невысокого роста, крепкого телосложения и весьма широкоплеч. Лицо его не было ничем примечательным, хотя женским вниманием Рубен обделен не был никогда, в основном, благодаря своему отменному чувству юмора и какой-то сокровенной, одному ему присущей сексуальности, почти животной. Он менял женщин, как говорят в таких случаях, словно перчатки, никогда не задерживаясь на одной, стараясь держать их всех на расстоянии. Именно поэтому к своим тридцати пяти годам был холост, ни разу не связав себя брачными узами. Да и детей не имел тоже, даже внебрачных. Характер у Ван Гистона был ему под стать, ужасно колюч. В отношениях с коллегами Рубен никогда не отличался особо теплыми чувствами, всегда и во всем тянул одеяло на себя, всякий раз стараясь доказать всем свою правоту и беспрекословность своего и только своего мнения. В общем, человеком он был совсем не простым, если не сказать жестче, хотя всегда был у начальства на особом счету с прицелом на скорый карьерный рост.

Майк внимательно посмотрел на старшего инспектора юстиции. Его взгляд выражал немой укор в адрес подчиненного, но он промолчал. А Редлифф нет.

– Мы с комиссаром сразу же нашли записи со всех камер, расположенных в нескольких кварталах вокруг дома Милтонов, но на них ничего не оказалось. Вернее сказать, на них было все, кроме того момента, когда предполагаемые преступники могли бы попасть в зону видимости камер. В это самое время на всех, без исключения, записях начинается рябь, которая заканчивается через пару минут. Мы предполагаем, что злоумышленники орудовали специальными приборами, способными воздействовать на записывающие устройства – Дик мельком взглянул на Стэмпа и тут же в упор посмотрел на Ван Гистона. – Так что видеозаписи не самое полезное доказательство в этом деле, Рубен. Предвещая твой следующий вопрос, отвечаю – мы также опросили соседей и возможных свидетелей, но никто ничего не видел и не может ответить даже на такой, казалось бы, простой вопрос – на каком автомобиле были преступники, и сколько их было.

Дик продолжал пристально смотреть на Ван Гистона, не отводя от него глаз, словно бы испытывая своего собеседника на прочность. Старший инспектор юстиции первым отвел взгляд, сделав вид, что ему нужно срочно что-то сказать впереди сидящему Винстону. Редлифф буквально всем нутром почувствовал остроту момента и радость от того, что вышел победителем из этого короткого поединка взглядов. В полной мере насладившись своей маленькой победой, младший инспектор юстиции Редлифф продолжил зачитывать свой доклад.

– Так вот, сегодняшней ночью, при посещении места преступления мы с комиссаром Стэмпом пришли к выводу, что к преступлению могут быть причастны члены семьи Теодора Милтона. В таком случае необходимо было выяснить, кому из них выгодно исчезновение трупа главы семейства. Ведь по нынешним законам до церемонии нейтрализации, пока автомат не выдаст свидетельства о смерти, человек считается живым, наследство не открывается и наследникам невозможно вступить в право наследования. Поэтому утром, по заданию комиссара, я

посетил городскую нотариальную контору, где и обнаружил, что покойный Милтон еще при жизни составил завещание по распоряжению своим имуществом на случай его смерти – в это время Дик остановился и снова поглядел на Майку. Он был ужасно недоволен тем, что комиссар пришел в участок прямо перед самой «летучкой» и не дал Редлиффу возможности доложить о своей находке и обсудить с ним, как следует ситуацию. Именно поэтому сейчас он немного мялся, прежде чем продолжить.

– Ну не томи душу – выкрикнул неумный Йенс. – Давай уж побыстрее версии выдвигать, а то развел здесь мыльную оперу с театральными паузами.

– Прекратить разговорчики – прикрикнул Стэмп и даже ударил ладошкой по столу, но не сильно, больше для проформа, а потом, обращаясь к Редлиффу сказал. – Действительно, Дик, не перегибай палку, выкладывай поскорее всю свою информацию.

– Хорошо, хорошо, комиссар – поспешно отрапортовал Редлифф и продолжил свой доклад. – В завещании единственным наследником всего имущества Милтона является Сара Милтон, дочь усопшего Теодора Милтона.

– Так, так – протянул Стэмп. – Очень интересный факт. А ты полностью уверен, что жена и сын ничего не получают по завещанию, Дик?

– Абсолютно, комиссар. У меня на руках копия этого завещания. Я попросил разрешения у миссис Хьюстон сделать копию, чтобы у нас были хоть какие-то зацепки.

– Молодец, Редлифф, – похвалил его Майк, искренне радуясь в душе, что у него есть такой смысленный напарник, которого, в отличие от остальных его подчиненных, вовсе не надо контролировать в работе. – Дай-ка мне копию.

Редлифф подошел к своему столу, за которым сейчас восседал комиссар, и протянул Майку бумажную копию завещания Теодора Милтона.

– Господин комиссар, кроме всего прочего я распорядился, чтобы миссис Хьюстон пока повременила с оглашением этого документа и, вообще, не распространялась ни с кем на эту тему. По крайней мере, до понедельника.

Теперь Майка буквально распирало от гордости за своего подчиненного.

«Ведь ничего и говорить не надо, сам все понимает, а самое главное, сам принимает единственно правильные в конкретных ситуациях решения и претворяет их в жизнь. Золото, а не подчиненный!» – подумал Стэмп и даже немного покраснел (благо он был темнокожим и этого никто не заметил). Правда, в это самое время Майк принялся поглаживать свои усики-щетки – а это выдавало в нем особое волнение, о чем все его подчиненные, без исключения, хорошо знали. Опомившись, комиссар прямо-таки заставил себя убрать руки от усов и продолжить совещание.

– Правильно, Дик. Не надо знать пока никому об этом завещании, а тем более о его содержании.

Приняв копию завещания, Майк бегло пробежал документ глазами, заострив свое внимание на той его части, где указывались данные наследников или наследника как в данном случае, и убедился в правоте слов своего напарника. Убедился, в общем-то, без особого восторга, потому что всецело ему доверял.

– Итак – попытожил комиссар, отложив листки бумаги копии завещания на стол в сторону. – Наличие этого документа означает, что единственным членом семьи Милтонов, кому категорически не выгодно исчезновение трупа, является его дочь – Сара Милтон. Ибо в результате проведения процедуры нейтрализации она бы получила свидетельство о смерти отца и стала бы полноценной наследницей всего его имущества.

В душе Стэмп был ужасно рад, что Сара не причастна к этому преступлению. Даже счастливым, что его предчувствие сыщика на этот раз его подвело и что не нужно терзаться угрызениями совести по её поводу. Гора сошла с плеч комиссара, и он буквально всем нутром, всем телом и рассудком почувствовал томительно приятное облегчение.

– А много ли там наследовать? – поинтересовался неумный младший инспектор Йенс со своего места. – Может там и наследовать-то особо нечего.

– Да, Дик, резонный вопрос – обратился Майк к Редлиффу. – Каково богатство усопшего? Но судя по современному ремонту в квартирке, в которой он проживал, и по обстановке в ней, деньжата действительно водились в их семье.

– К сожалению, я еще не успел навести справки по этому поводу, но этот вопрос действительно надо бы прояснить. А то, если нет имущества, способного вызвать к нему интерес, это завещание – он указал на листки бумаги, лежащие у него на столе – пустышка, ложный след.

И тут же добавил:

– Сегодня же я все выясню насчет имущества Милтона.

Редлиффу было ужасно стыдно, что он не выполнил поручения комиссара по поводу имущества, принадлежавшего Милтону, но он так торопился в участок, чтобы доложить о неожиданно найденном завещании, что напрочь позабыл об этом поручении. И только придя в участок, Дик с ужасом понял, что не выполнил задания шефа полностью, но было уже поздно – пропускать совещание было бы еще хуже. Во-первых, комиссар очень не любил, когда на его «летучках» отсутствуют подчиненные, даже когда те были где-нибудь на выезде с опергруппой. Во-вторых, ведь именно ему, младшему инспектору юстиции Редлиффу, выпала честь довести всю имеющуюся информацию по этому делу до сведения отдела, а этой возможности Дик никак не хотел упускать.

Между тем, комиссар Стэмп был полностью согласен с Редлиффом, но в спор снова вмешался Ван Гистон. Все время после их словесной дуэли с Редлиффом, он сидел молча, внимательно слушая младшего инспектора юстиции с видом человека, дозволившего никчемному человечешке высказать свою бредовую идею, и теперь, когда вся бессмысленность этой затеи раскрыта, пришло и его время для её развенчания.

– Ерунда все это – густым басом негромко высказался старший инспектор юстиции Ван Гистон и с насмешкой поглядел на Дика. – С какой стати члены семьи усопшего вместо того, чтобы достойно провести процедуру нейтрализации и пристроить очередную табличку с именем Теодора Милтона к Стене Памяти, будут выносить тело из дома, тайком, да так, чтобы никто ничего не заметил. При этом у них еще должно быть оборудование для создания помех видеокамерам. Полный бред! Не там ищешь, Редлифф.

Глаза Ван Гистона хитро искрились, а уголки рта немного приподнялись в полуулыбочке. Он не обращал никакого внимания на Стэмпа, полностью сосредоточившись на своем прямом противнике. Майк сразу же постарался пресечь эту продолжавшуюся словесную дуэль между подчиненными, хотя отчетливо понимал, что это возможно сделать только на данную минуту. В дальнейшем это противостояние непременно продолжится, и будет иметь весьма неприятный оттенок. Комиссар, как настоящий руководитель, знал, что конкуренция в отделе должна носить лишь конструктивный характер. Тогда и только тогда возможен поступательный рост каждого сотрудника как профессионала в своем деле. Она же помогает в работе, производя на свет Божий версии, выдерживающие любую критику, и помогая при этом в поиске действительно надежных улик. Конкуренция же, основанная на личной неприязни друг к другу и, прямо скажем, зависти, не сулит ничего хорошего кроме этой самой пресловутой конкуренции, сводящей всю работу всего отдела и все потуги подчиненных к нулю.

– Может быть, все может быть – задумчиво протянул Майк Стэмп, обращаясь сейчас к Ван Гистону. – Но в настоящее время я считаю эту версию самой перспективной. Но если ты, Рубен, считаешь по-иному – то вперед, действуй. Но, сперва, я хотел бы выслушать твою версию, со всеми раскладками и мотивами на основании озвученных здесь данных.

Ван Гистон молчал, теперь переведя свой взор на Стэмпа. В его глазах Майк отчетливо видел, что старший инспектор не может сейчас выдвинуть ни одной версии, способной выдержать хотя бы какую-то мало-мальски достойную критику, но все равно считает их совместную

с Редлиффом версию абсурдной и не заслуживающей проверки. Наконец, Ван Гистон просто отвел взгляд, так ничего и не ответив.

– Я понял тебя, Рубен – прямо по-отечески произнес Майк. – Буду ждать от тебя стоящую версию с ее обоснованием, а пока продолжим обсуждать версию Редлиффа. У кого-нибудь еще есть возражения?

Ответом ему стала полная тишина. И тогда слово снова взял Дик.

– Кстати, я забыл еще одну вещь. При опросе вдовы Теодора Милтона – Виктории Д. Милтон – я выяснил, что между братом и сестрой, мягко говоря, не самые теплые отношения – при этих словах Дик извлек свою засаленную записную книжку из внутреннего кармана пиджака и открыл в необходимом ему месте.

– Вот – он ткнул пальцем в листок своей записной книжки. – На мой прямой вопрос, каковы отношения между Сарой и Филиппом, Виктория Милтон ответила, что их отношения не совсем хорошие, но открытой неприязни ни он, ни она друг к другу никогда не проявляли. При этом – Дик поднял вверх указательный палец правой руки, показывая, что произнесенное им в дальнейшем, действительно важно и заслуживает особого внимания. – Миссис Милтон не очень-то охотно ответила на этот, казалось бы, простой вопрос. Долго раздумывала над ответом, несколько раз при этом поправляла свою прическу и пару-тройку раз промокнула носовым платком высохшие слезы на щеках. На основе данных криминальной психологии и собственного опыта я сделал вывод, что Виктория Милтон либо что-то недоговаривает, либо откровенно лжет. И в том и в другом случае у меня есть все основания полагать, что взаимоотношения между братом и сестрой в семье были напряженными. Кроме того, в пользу этой версии выступает и тот факт, что Филипп не проживает со всей семьей, а снимает отдельную квартиру на Северной сорок второй улице. Учитывая площадь и планировку квартиры Теодора Милтона, Филипп вполне бы мог жить и вместе с родителями. Кроме того, я также бегло опросил Сару Милтон – Ричард искоса посмотрел на Майка и поспешно добавил – полный опрос провел комиссар Стэмп. Я же в свою очередь, досконально ознакомившись с протоколом ее допроса, задал ей несколько вопросов, которые, по моему мнению, могли бы быть немаловажны для проведения расследования. Так вот, на мой вопрос об их отношениях с братом, ответила также как и мать, добавив при этом (впрочем, довольно неубедительно), что она очень любит брата, который, по ее мнению, просто глубоко заблуждается и ее задача, как любящей сестры, наставить его на путь истинный. Но – тут Редлифф снова поднял указательный палец вверх – при ответе на вопрос мисс Милтон не смотрела на меня вообще, делала большие паузы между словами, очень нервничала (постоянно теребила свой носовой платок). Отсюда я сделал обоснованный вывод, что и мать и дочь откровенно лгут следствию по поводу взаимоотношений между Сарой и Филиппом Милтонами. Вкупе со всеми выше сказанными доводами считаю версию о причастности к исчезновению тела Теодора Милтона его сына Филиппа основной, в первую очередь подлежащей проверке.

Дик взял небольшую паузу, оглядел присутствующих в кабинете, немного задержался взглядом на комиссаре, а затем выдохнул.

– У меня все.

Майк внимательно выслушал доклад своего напарника и, в целом, был доволен речью Редлиффа. Но осталась какая-то горчинка, еле уловимая, но от этого не менее чувствительная. Стэмпа зацепило то обстоятельство, что Дик не полностью доверился ему, своему напарнику, своему начальнику, в конце-то концов, и самостоятельно передопросил Сару Милтон. А, может быть, и не в этом дело? Может быть, это простая ревность? Но Майк тут же отмахнулся от этой идеи как от назойливой мухи. Ну не может, не может он ревновать какую-то очередную свидетельницу по очередному делу, да еще к кому – к своему напарнику, человеку, которому он всецело доверяет и прочит его на свой пост как одного из самых успешных и талантливых своих сотрудников. Нет, но все же ему не понравилась перепроверка Редлиффа и точка. Но

факт остается фактом, Дик передопроеил Сару Милтон и это пришлось не по душе Майку и точка. Вслух же он своим обычно томным голосом спросил.

– У кого-нибудь есть вопросы к младшему инспектору? – и внимательно поглядел на Редлиффа. А тот, будто нутром почуяв что-то неладное, отвел взгляд в сторону.

Оказалось, что вопрос оказался только один, у Линды Саммервуд.

«Вот чертовка! – гневно подумал Стэмп. – Что она все лезет, чего ей все нейметя?».

Тем не менее, Майк дал ей слово, вставив при этом колкую шуточку про «новую при-ческу младшего инспектора Саммервуд, с которой ей прямая дорога на мировой модельный подиум». В кабинете раздался грохот смеха. Смеялись все, за исключением, конечно же, самой Саммервуд. Обстановка в отделе немного разрядилась, что сделало возможным продолжить работу по продуктивному расследованию этого запутанного дельца.

– А где работает Филипп? – спросила Линда.

– А тебе зачем? Неужели хочешь хоть кого-нибудь затащить к себе в постель? – едко заметил Йенс, уколов девушку в самое сокровенное, ибо в последнее время все мысли Саммервуд были заняты вопросом обустройства личной жизни и об этом в отделе знали все, не упуская при этом момента при каждом удобном случае задеть девушку побольнее. В кабинете снова гулким эхом пронесся раскат громогласного хохота. Линда совсем смутилась, даже при-крыла лицо ладонями.

Между тем, Редлифф, хорошенько отсмеявшись и прокашлявшись в кулак, ответил на поставленный коллегой вопрос.

– Филипп Милтон работает на том же мусороперерабатывающем комбинате, где работал и его отец. Только в цехе по первичной переплавке металла. А какое, собственно, значение это имеет для расследования настоящего дела?

– Нет, Дик, ты не прав – вмешался в разговор комиссар. – В данном деле все детали, даже не заметные на первый взгляд, могут сыграть важную роль. Есть еще какие-либо вопросы?

Больше вопросов не оказалось и Майк, выдержав нужную в данной ситуации паузу, про-должил.

– Я искренне благодарю младшего инспектора Редлиффа за его подробный доклад и вве-дение всех в курс дела. Теперь настал мой черед изложить свою точку зрения по данному делу, в частности, по вопросам, которые у меня возникли при допросе Сары Милтон – тут Майк снова принялся неспешно поглаживать свои усики-щетки. Воспоминания о красавице-свидетельнице вновь накатили на комиссара.

– Так вот, при допросе свидетельницы я так и не смог выяснить два момента, которые могут оказать влияние на ход расследования: во-первых, мисс Милтон мне так и не смогла раскрыть причину переезда их семьи в Вурджвилль. Во-вторых, она не ответила на мой вопрос по поводу ее ухажера в настоящее время. Я считаю, что ответы на данные вопросы необходимо выяснить в ближайшее время.

– Я, конечно, понимаю, как может повлиять вопрос об ухажере на ход расследования – снова без спроса встрял в доклад Ван Гистон. – Но какое значение может иметь установление причин их переезда с семьей в наш город?

Комиссар, будучи человеком широких взглядов, всегда допускал дискуссии с подчинен-ными при изложении обстоятельств дел по поводу определения версий, которые необходимо отработать и их очередность, мотивов преступления, причин, способствовавших совершению преступления и так далее. Но сегодня вклинивания старшего инспектора юстиции просто раз-дражали Стэмпа. Вот и сейчас, нелепый вопрос Ван Гистона, да еще заданный без разрешения, вызвали в нем шквал негодования. Внутри у Майка все кипело и бурлило, но он, как истинный начальник, не подал вида и спокойно ответил на этот вопрос.

– Честно признаться, я понятия не имею, каким образом ответы на эти вопросы могут повлиять на ход, а самое главное, на результат расследования. Но я точно знаю, что что-то в этом есть.

Он помолчал, дав своим подчиненным успокоиться. Во время его диалога с Ван Гистонном в кабинете совершенно неожиданно пошел тихий гул. Все что-то с кем-то обсуждали, даже Редлифф. Обсуждали ли они какие-то свои версии по поводу настоящего дела либо просто сплетничали о последних новостях в участке, Майк не знал. Особенно здесь упорствовал, как всегда младший инспектор юстиции Йенс, втолковывавший какую-то очередную свою ахинею инспектору юстиции первого класса Винстону и активно при этом жестикулируя, разбрасывая свои тощие руки во все стороны. Когда присутствующие в кабинете поняли, что комиссар и старший инспектор уже давно молчат и ждут, когда все собравшиеся успокоятся, гул закончился сам собой также неожиданно, как и начался. Стэмп продолжил.

– У меня все. Если есть еще какие-то вопросы, то милости прошу.

– А действительно ли было похищение трупа? – впервые за все время «летучки» подал голос Джек Винстон, инспектор юстиции первого класса. Голос его был могуч, да и сам его обладатель выделялся своими незаурядными габаритами. Высокий, широкоплечий, с густыми черными бровями и шевелюрой на голове, и вечно небритыми щеками, доставшимися ему по наследству от матери – итальянки. А большая квадратная челюсть выдавала в нем тяжелый характер и могучую волю. По большей части Винстон был молчалив до такой степени, что все другие сотрудники отдела уголовного преследования считали его слушателем от бога и каждый раз, когда у кого-то из них возникала необходимость излить кому-нибудь душу, он неизменно обращался к Винстону. А сам Джек просто не мог им в этом отказать, садился и внимательно выслушивал каждого. Хотя, при этом, думал о совершенно других вещах, далеких от предмета разговора собеседника, поддакивая, тем не менее, всегда в нужных местах. По службе он продвигался со скрипом, считался очень медлительным не только в делах. Многие в руководстве полицейского участка считали его тугодумом, что в действительности было не так. Винстон был довольно сообразителен, быстро схватывал информацию и мог проанализировать ее в два счета, поэтому мог бы свободно посостязаться в этом умении с Редлиффом, но, в отличие от последнего, инспектор юстиции первого класса Винстон никогда не выпячивал этого своего качества напоказ, особенно перед начальством. Иногда позволял себе слегка отлынивать от исполнения должностных обязанностей, поэтому комиссар ценил его, но целиком на него положиться не мог и не поручал ответственных заданий. А без них далеко по служебной лестнице не продвинешься. А Винстон и не хотел по ней двигаться, его вполне устраивало текущее положение дел, а взваливать на себя тяжелый груз ответственности за подчиненных было вообще выше его сил.

– Может быть, это была просто инсценировка? – продолжал басить Винстон. – Если никто не видел, как выносили труп, то кто тогда может дать гарантию, что похищение было на самом деле?

Все были немного обескуражены таким поворотом событий. В особенности негодовал Редлифф, который потратил целое утро, сначала досматривая место происшествия, сбившись с ног и с полчаса уламывая охранников и консьержей соседних домов выдать ему видеозаписи с наружных камер слежения. Потом копаясь в бумажной рухляди нотариальной конторы, выслушивая нудятину городского нотариуса. А теперь, по мнению какого-то умника, выясняется, что все это было проведено впустую! Нервы Дика не выдержали и он, весь кипя от негодования и еле-еле сдерживая свои эмоции, отыскал-таки в глубине себя и выдал некие слова, возможно, способные оправдать и его версию расследования преступления, и, вообще, само наличие события преступления.

– Но ведь труп Теодора Милтона был? Был. Это зафиксировано медицинской службой – Редлифф буквально при каждом слове теребил душку своих очков. – Когда мы прибыли на

место его в квартире не было? Не было. И этот факт тоже зафиксирован уже нами по пришествии...

– А обыск в квартире проводили? – не унимался Винстон. – Может быть труп все это время находился и сейчас по-прежнему находится на своем месте, то есть в квартире Милтонов? Ведь, насколько я понял из всех речей, произнесенных здесь, обыска не было.

В душе Майк был ужасно рад, что заразил своих подчиненных этим делом, и такие вот неудобные вопросы, ответы на которые могут быть неоднозначными, способны пролить больше света на это темное дело.

– Нет – упавшим голосом ответил Редлифф, не переставая теревить очки. – Обыск в квартире потерпевших, подчеркну еще раз, ПОТЕРПЕВШИХ, не проводился. Да и был ли в нем смысл, ведь никогда полиция не проводит обыск у потерпевших. В этом нет надобности. Ведь мы априори считаем людей, заявивших о преступлении в отношении себя или своих близких потерпевшими, и стараемся всеми законными способами и средствами защитить их нарушенные гражданские права. И уже потом, при наличии веских оснований, можем кого-либо из потерпевших перевести в категорию подозреваемых и тогда проводить весь комплекс мероприятий по розыску и фиксации следов преступления, улик и сбору доказательств причастности этого лица к совершению преступления. А сегодня утром у нас таких оснований не было. Быть может, сейчас, когда выяснены некоторые обстоятельства, указывающие на причастность сына покойного к совершению преступления – Редлифф многозначительно посмотрел на комиссара, а затем продолжил – Мы могли бы...

– Что мы могли бы? – продолжил свое нещадное разоблачение Винстон. – Провести обыск в квартире Филиппа Милтона, который проживает по другому адресу?

Майку эта перепалка начинала нравиться все больше и больше.

«А ведь действительно, почему мы сразу не предположили, что все это инсценировка. При таких обстоятельствах мы могли бы спокойно провести обыск по поводу возникновения оснований совершения преступления, классифицированного как умышленное сообщение о преступлении, которого в действительности не было. Даже у меня не возникло в этом сомнения, наверное, просто после сна. А ведь молодец Винстон! Ай молодец! Не зря я его держу в отделе. Может же ведь когда захочет».

На последние слова Редлиффа не нашелся что ответить, стоял столбом и как рыба машинально открывал и закрывал рот. Майк решил взять на себя ответственность за дальнейший ход дискуссии.

– Мы тебя поняли, Джек. И в какой-то степени я даже согласен с твоими рассуждениями. Действительно, мы должны были еще утром провести обыск на квартире Милтонов. Но время уже ушло, заявление о преступлении зафиксировано в надлежащем порядке и по нему необходимо работать. Но если в ходе расследования мы выясним какие-нибудь обстоятельства, косвенно подтверждающие твои слова, обязательно проведем обыск в квартире Милтонов.

Инспектор юстиции первого класса Винстон хотя и получил ответ на свой вопрос, но было видно, что этот ответ ему не по душе. Он демонстративно отвернулся от Стэмпа и продолжил что-то бурчать себе под нос, ни к кому не обращаясь. А Майк продолжил совещание.

– Итак, подведем итоги нашего собрания. Что у нас имеется в активе? Мы имеем похищенное тело. По крайней мере, по документам – Стэмп внимательно поглядел на Винстона. – Также имеются два вопроса, ответы по которым не установлены при предварительном сборе данных. Имеется завещание, указывающее на Филиппа Милтона в качестве одного из главных подозреваемых. Ну, в общем-то, и все.

Про визитную карточку «РОБОЛЕНДА и Ко», найденную при осмотре рабочего места Теодора Милтона, Майк специально умолчал, дав тем самым себе возможность самому первоначально выяснить историю ее попадания на мусороперерабатывающий комбинат в личные

вещи Теодора Милтона, а затем преподнести (если, конечно, будет что) своим подчиненным, дав им возможность обмозговать и эту деталь.

– Теперь мне бы хотелось выслушать ваше мнение по поводу рабочих версий, по которым необходимо проводить расследование. Наша с младшим инспектором юстиции Редлиффом версия вам только что была представлена и мы намерены дать ей самый полный ход. Я бы хотел услышать что-нибудь новенькое. С кого начнем? – Майк сделал небольшую паузу, хотя уже давно знал с кого будет начата экзекуция – Давай Рубен, вещай.

Видимо, сам Ван Гистон тоже был морально готов к тому, что первым получит слово, когда дело дойдет до выдвижения рабочих версий. Он нехотя встал, тщательно оправил свой китель, окинул взглядом всех собравшихся и начал свой монолог.

– Я уже высказался по поводу рабочей версии Редлиффа – он специально выделил, что версия, только что озвученная комиссаром, с Филиппом Милтоном в качестве главного подозреваемого, принадлежит именно перу младшего инспектора юстиции. Рубен снова посмотрел в сторону Дика.

– Все это туфта! Кстати, если рассуждать трезво, то в словах Джека есть здоровое зерно. В самом начале надо было бы провести обыск в квартире потерпевших и покончить с этим вопросом раз и навсегда. Но коль заявление уже зарегистрировано и по нему надлежит провести проверку, то я полагаю, что здесь в качестве основной версии можно рассматривать деятельность неких местных, а может и заезжих трансплантологов или что-нибудь в этом роде. Видимо, кому-то из их клиентов понадобилась какая-нибудь «запчасть» бедного Милтона и они воспользовались случаем отсутствия в доме мужчин, чтобы безнаказанно вынести труп.

«Пошел по пути наименьшего сопротивления, выдвигает версию, лежащую на самой поверхности. Никакой живости ума нет и в помине. Жаль. Но, с другой стороны, ведь именно такая твердолобость и позволила ему добиться должности старшего инспектора юстиции с надеждой на пост комиссара и всеобщее уважение со стороны руководства. Ну что ж, и эта версия жизнеспособна».

– У кого-то есть вопросы к выступающему? – задал вопрос к собравшимся Майк, теперь уже ни на кого не смотря. Для него было очевидно, что вопросов не будет, версия более чем понятна. Но он ошибся.

– Да, комиссар – со своего места поднялся Дик. – У меня есть один очень важный вопрос.

– Слушаю тебя – комиссар не ждал ничего хорошего от Редлиффа, приготовившись к очередной словесной перебранке подчиненных.

– Рубен, а как ты думаешь, много ли в Вурджвилле практикующих трансплантологов, как местных, так и заезжих?

Ван Гистон пожал плечами. Он понятия не имел, есть ли в городе вообще люди с медицинским образованием в области трансплантологии, не то чтобы еще и действующие.

– Нет, не знаю. Не изучал вопрос досконально, но если задаться целью, то к вечеру, наверное, смогу.

– Так вот – не унимался Редлифф, почуявший запах крови противника. – По моим сведениям, достаточно точным, в Вурджвилле есть только два человека, имеющих специальное медицинское образование и наличие медицинской практики. Это Крис Монтье – нынешний патологоанатом и Джон Ватерсон, его предшественник. Ни тот, ни другой в каких-либо криминальных наклонностях, да и вообще, связях с преступностью до настоящего времени замечены не были.

– Ну и что – Ван Гистон, зарядившись отрицательными эмоциями Редлиффа, теперь был готов отстаивать свою версию и перед Редлиффом и перед самим комиссаром.

– Ты сейчас сам сказал, что они не были замечены именно до последнего времени. А что, если кому-то из них срочно понадобились деньги или еще что-то заставило их свернуть с пути

праведного. А тут как раз и заказик нарисовался. Да к тому же почему это сделали именно они? Может кто-то из заезжих? Мало ли.

– За последнее время в город не приезжали люди с медицинским образованием.

– А может быть кто-то уже давно приехал к нам, а проявил себя только сейчас? А может быть это вовсе не врачи?

– А кто же тогда? – вопросом на вопрос ответил Редлифф. Его лицо пылало от негодования и ярости, неожиданно возникших в этой короткой стычке с Ван Гистоном.

– Ветеринары – также яростно парировал Рубен – А может быть, вообще, какие-нибудь генные инженеры или, скажем, опытни́ки, приехавшие на очередной симпозиум.

И тут Редлифф поутих. Сразу было заметно, что такой поворот событий он не обдумывал.

«Молодость. Отсутствие большого опыта и практики. Ничего, это как раз поправимо. Но каков Ван Гистон. Проиграв один раунд словесной дуэли, он не отчаялся и выдал сразу целую серию доводов. Весьма интересно. Нелегко придется Дику, если он займет мое кресло. Ой, как нелегко!»

Тем не менее, Майк решил прекратить эту перепалку.

– Мы поняли, старший инспектор Ван Гистон, суть вашей рабочей версии и причины, по которым необходимо ее проверить. Присаживайтесь. Следующим выступит младший инспектор Йенс. Прошу, Николас.

Непоседливый Йенс по комичному, как бы по частям, поднялся со своего места, чуть не опрокинув кресло. Несколько раз что-то поправил на столе перед собой, при этом перекинулся парой фраз с Винстоном, прежде чем начать. Наметанным глазом профессионала Майк сразу увидел, что и здесь не будет особого креатива со стороны подчиненного, но ошибся.

– У меня будет пара вопросов, прежде чем начать – Йенс продолжал мяться, переступая с ноги на ногу. – Дик... А ты не мог бы сказать, путешествовал ли наш покойничек куда-нибудь в последние недели или месяцы? Ну... Скажем за границу? Или просто по штатам?

Редлифф поднялся со своего места, прямо скажем, обескураженный таким поворотом событий. Он смотрел на комиссара и видел такую же рассеянность на лице начальника.

– Знаешь, Ник. Я сейчас загляну в свой блокнот. Кажется, я что-то в этом духе спрашивал у миссис Милтон. А к чему тебе это знать? – Редлифф вновь полез во внутренний карман пиджака за своим блокнотом.

– Ну... У меня есть свое мнение по этому поводу... – Йенс мялся, шевырял бумаги на столе, постоянно крутил головой, словно ища поддержку у собравшихся.

– Я думаю, что тело могли бы похитить контрабандисты, воспользовавшиеся услугами Теодора Милтона еще при его жизни, но не получившие по каким-то одним им известным причинам своего товара, перевезенного Милтоном через границу – продолжил Йенс.

– Ах, вот оно что! – сказал Редлифф – Да, действительно, Теодор Милтон два раза за последние полгода ездил к себе на Родину, в Пенсильванию.

И обратившись к Майку, извиняющимся тоном добавил.

– Я ради интереса спросил миссис Милтон по этому поводу, хотел нащупать хоть какие-нибудь новые знакомства, связи и дополнительные зацепки для расследования.

– Да, Йенс – забурчали окружающие. – Ну ты и дал маху. Что там можно привезти из Пенсильвании? Ты не скажешь? Может горстку снега или значок хоккейного клуба «Пингвинз»!

В кабинете раздался грохот всеобщего смеха.

– Да, брат Йенс, это слишком!

– Ну, ты и фантазер, старик!

Даже Ван Гистон и комиссар смеялись от души над незадачливым положением младшего инспектора юстиции Йенса, который окончательно впал в краску, даже прилично оттопыренные уши Николаса стали пурпурно-красными. Теперь он тупо уставился в стол, не обращая внимания на окружающих и продолжая теревить какие-то бумаги на столе.

Хорошенько отсмеявшись, Майк, тем не менее, заметил в рассуждениях своего подчиненного здоровое зерно.

– А кто-нибудь знает, какие вещи запрещены у нас, но, одновременно, которые можно достать в Пенсильвании?

Полицейские понемногу тоже успокоились, и до них потихоньку стал доходить смысл слов комиссара, воспринявшего весь бред Йенса за чистую монету. И это было для них настоящим откровением, потому что никто, включая даже робкую Саммервуд, от всего сердца хохотавшую сейчас над неудачей своего коллеги, не посчитал рабочую версию младшего инспектора юстиции Йенса хоть сколь-нибудь стоящей и подлежащей проверке. Но, оказывается, все они ошибались. Никто из собравшихся так и не смог на память назвать комиссару хотя бы несколько вещей, запрещенных в Вурджвилле, но одновременно разрешенных в Пенсильвании, поскольку просто их не знали, если такие вообще имели место быть.

Майк продолжил развивать идею Йенса, добавляя ей объем и наполняя ее смыслом.

– Надо бы прояснить этот вопрос – сказал Стэмп. – Ведь я думаю, что есть же предметы, изъятые у нас из гражданского оборота, но которые можно достать в Нью-Бетлехеме. Кроме того, Милтон мог бы привезти из Пенсильвании что-то запрещенное на всей территории США, предварительно завезенное в нашу страну еще кем-то. Надо бы выяснить с кем в Нью-Бетлехеме встречался Милтон. Это крайне важно.

Комиссар пробежался глазами по всем подчиненным и остановил свой взгляд на Йенсе, продолжавшем неуклюже стоять, как школьник у школьной доски, и сверлить глазами стол под собой. Он, кажется, даже не заметил, что Майк не только всецело поддержал его рабочую версию, но и немало развил ее и дал все шансы на полноценное ее расследование.

– Молодец, Николас. Крайне неожиданное предложение. Я, признаюсь, даже и не ожидал от тебя такой живости ума.

Йенс только сейчас заметил поддержку со стороны комиссара, и это придало ему уверенности в собственных силах. Он даже изменил свою позу и теперь стоял как-то по-особенному, широко расправив плечи, подняв голову и открыто смотря на своих коллег, продолжавших, тем не менее, исподтишка похихикивать над ним.

– Спасибо, комиссар. Я обязательно учту все ваши заметки и отработаю все вопросы, которые необходимо прояснить. Я постараюсь сделать это как можно скорее.

– Присаживайся, Ник – одобрительно произнес Майк. – Теперь твоя очередь, Саммервуд. Давай, Линда, выложи свой занимательный романчик на суд общественности. Удиви людей своими таинственными небылицами.

При этом Майк скорчил жуткую гримасу, будто бы ему только что вкололи самый больной в мире укол, который ко всему прочему вовсе и не помог избавиться от болезни.

Линда Саммервуд, «приободренная» напутственными словами комиссара, медленно встала со своего стула, ни жива, ни мертва. При этом она умудрилась опрокинуть довольно увесистый стол (никто так и не понял как у нее это получилось), обронив с него канцелярские принадлежности, тут же разлетевшиеся по всем углам в кабинете. Пучок волос у нее на макушке, нелепо нанизанный на длинную спицу, лихо подпрыгивал и трясся в такт движениям Линды и придавал ей еще более нелепый вид, когда она попыталась собрать рассыпавшиеся вещи и поднять тяжелый стол. Вовремя опомнившись, что от нее сейчас требуется не это, Линда косо застыла в смешной позе, что-то будто бы по стойке смирно только в полусогнутом положении.

«Что может выдать это подобие человека? – гневно думал Майк. – Да еще этот дурацкий пучок на голове. Вечно накрадется как чучело. Никогда она не сможет стать хорошим инспектором и уж тем более, у нее отсутствуют какие бы то ни было перспективы для продвижения по карьерной лестнице. Ну что ее здесь держит? Да и чьей-то женой стать перспектива туманная».

Линда стояла в этой неестественной позе и тупо смотрела на комиссара как крыса на удава перед его кормлением. У нее в голове роились тысячи, миллионы мыслей по поводу всего

на свете, кроме выдвижения стоящей рабочей версии по делу о похищении трупа Милтона. Она честно силилась, напрягалась (и это было хорошо заметно по ее лицу), пытаясь прямо на ходу придумать хоть что-нибудь, какую-нибудь зачуханную идейку, чтобы не быть проглоченной этим ужасным удавом. Но, несмотря на все эти нечеловеческие усилия, ничего кроме «а как была накрашена Сара Милтон сегодня утром?», «а красива ли она?», «а чем сейчас занимается Филипп Милтон?» и так далее и тому подобное, не приходило ей на ум. Линда пыталась отогнать все эти мысли разом, чтобы освободить место для работы, но это получалось у нее слабо. Ведь сразу же освобожденное место занимали другие, не менее никчемные мысли, вроде «а как я сейчас выгляжу?», «сегодня нужно еще сделать пробежку», «опять эта ненормальная Сьюзи увела у меня парня», «что бы такого-эдакого приготовить вечером на ужин?». Но у нее начисто отсутствовали идеи по делу. Единственное, что Линда смогла выдавить из себя, было.

– Ну.... Это... Я думаю... Честно признаюсь...

Все эти слова сопровождались всевозможной мимикой, сопряженной с гримасой отчаяния, ведь Саммервуд так и смогла выдать даже тех версий, которые лежали на поверхности. Она сама это ясно понимала, но как ни старалась, не могла ничего с этим поделать.

Стэмп честно дал ей три минуты чтобы начать свой монолог, которые протянулись, казалось, целую вечность. Собравшиеся уже начинали потихоньку подтрунивать девушку, нашептывая ей самые разные абсурдные версии, типа «труп похитили инопланетяне», «тело растворили в растворе серной кислоты» и тому подобное. Никто не отказал себе в этом удовольствии. По столам пробежали смешки. Наконец, Майк решился покончить с этими бессмысленными муками Саммервуд, чтобы самому поскорее завершить затянувшееся совещание.

– Мы поняли тебя, Линда. Присаживайся – и, обращаясь к подчиненным, продолжил. – Трудно, трудно младшему инспектору Саммервуд. Просто она очень устала. Видимо, устала вчера на какой-нибудь очередной вечеринке в своем клубе для неугомонных дрыгоногов и всевозможных нюхальщиков.

С обиженным лицом, но по сути своей, наконец, освобожденная от страшной экзекуции, Линда на ватных ногах бухнулась в свое кресло. Подоспевшие Редлифф и Винстон подняли стол, а Ван Гистон и Йенс, только-только отправившийся от прошедшего испытания, быстро подобрали рассыпавшиеся по кабинету со стола канцелярские товары. В общем, в скором времени стол Саммервуд приобрел вид, который имел несколько минут назад. Несмотря на все насмешки и подтрунивания со стороны коллег, ребята ценили Линду как верного товарища, не слишком смышленного, конечно, но своего, закадычного друга.

– Итак, все успокоились. Продолжим совещание. Давай, Джек, вещай.

Винстон мягким молниеносным движением поднялся со своего кресла и застыл в позе уверенного в себе человека, скрестив руки на груди.

– Господин комиссар, я по-прежнему настаиваю на версии об инсценировке похищения трупа Милтона...

Майк неспешным движением прервал его на полуслове.

– Я же тебе обещал, что мы обязательно с этим разберемся. А теперь прошу тебя высказаться по существу дела.

– Хорошо, хорошо, комиссар, попробую высказать свое мнение по поводу настоящего дела. Попробую абстрагироваться от своей основной версии...

Джек ненадолго замолчал, видимо, обдумывая свою рабочую версию, взвешивая все «за» и «против», доводя мысль до логического завершения. Думал он несколько минут, почесывая правой рукой свой волевой подбородок. Наконец, зычно выдохнув, он продолжил.

– Тогда я думаю, что есть два возможных варианта: либо это сатанисты или лица с другой нетрадиционной вероисповедальной ориентацией. К тому же скоро день весеннего равноденствия. А в этот день как раз у них отмечают всевозможные праздники – Остара там, Комо-

едица, Навруз и другие языческие и сатанинские празднования. Ну, а если это все-таки не они, тогда можно рассмотреть еще одну версию.

«Интересно трактует – про себя отметил Майк. – С обоснованием. Обыкновенную, тривиальную версию, вон под каким соусом, подает, да еще с какой эрудицией».

– Это, так сказать, преступление может оказаться чьей-то дурной шуткой. Но, тогда тут тоже все будет крутиться вокруг домашних Милтона. Эта версия тесно перекликается с нашей основной версией, поэтому их проверку можно будет проводить параллельно. У меня все – выдохнул Винстон.

– У собравшихся будут вопросы к докладчику? – томно спросил Стэмп, привычно обводя подчиненных пристальным взглядом и разглаживая свои усики.

Оказалось, что вопросов к докладчику ни у кого не возникло, тогда Майк поблагодарил Винстона и сам взял слово.

– Теперь наступило время подытожить все рабочие версии, прозвучавшие здесь.

Подходила самая ответственная часть совещания, самая, так сказать, важная его составляющая – распределение обязанностей между подчиненными по отработке всех версий, озвученных на совещании. Майк всегда не любил эту часть, потому что среди его подчиненных всегда находился человек, не довольный доставшимся ему поручением. Тогда он начинал ныть, постоянно и, как всегда некстати, путаться у него под ногами (интересно, почему именно после получения не интересующего его задания подчиненный чаще других начинал попадаться на глаза комиссару), причитая, молясь и даже требуя дать ему новое, более интересное или менее опасное (бывало и такое) поручение. Но жизнь есть жизнь, и как бы ни было неприятно ему назначать поручения, сейчас пришло время заняться именно этим. В последние несколько минут, уже окончательно очертив круг всех возможных версий, Майк крутил в голове вопрос, кому какое поручение дать. Конечно, в отношении Редлиффа и самого себя он уже точно знал, какие задания они с ним будут выполнять. Оставалось только распределить поручения между оставшимися сотрудниками отдела уголовного преследования: Ван Гистонем, Винстоном, Йенсом и Саммервуд. Обычно, Стэмп распределял задания между подчиненными по версиям, которые те выдвигали. А если версий наскребалось меньше, чем сотрудников, то Майк делил несколько поручений по одной версии на двух-трех полицейских для экономии времени. Сейчас же все было по-другому. Майка задела за живое перепалка Ван Гистона и Редлиффа. Особенно ему не понравился тон старшего инспектора, с которым он позволил себе критиковать версию Редлиффа, ехидный взгляд, которым он смотрел не только на Дика, но и на него – комиссара юстиции Майка Стэмпа. Сама по себе перепалка ничего плохого собой не представляла. Даже, наоборот, любая критика раскрывала все слабые и сильные стороны версий, выдвигаемых инспекторами. Но только не сегодня и только не со стороны Ван Гистона. Здесь и сейчас он перегнул палку и за это должен понести заслуженное наказание. Теперь Майку надлежало сначала определить круг возможных поручений, которые придется распределять, а затем найти какую-нибудь самую неприятную, а может быть, и опасную работенку и отдать ее зарвавшемуся Ван Гистону.

Майк сложил ладони в замок на столе, положив свою записную книжку прямо перед собой. В нее в течение всего совещания он записывал все прозвучавшие версии.

– Основной версией по настоящему делу я считаю версию младшего инспектора Редлиффа о заинтересованности родственников Милтона в пропаже трупа (он намеренно не связал себя с этой версией, чтобы не нагнетать и так взрывоопасную обстановку в отделе) и каким-то образом причастных к совершению преступления.

Майк не отрывал глаз от своего раскрытого блокнота, целенаправленно сосредоточившись именно на этом клочке бумаги. Но он буквально кожей чувствовал, как злопыхают его подчиненные. И все их внимание сейчас сосредоточено на Редлиффе (любимчике комиссара!). Стэмпу было ужасно жаль Дика, неплохого по сути своей сыщика, дотошного инспектора, гото-

вого день и ночь пахать на ниве уголовного сыска, да и просто хорошего человека. Но поде- лать сейчас он ничего не мог. Редлиффу самому было необходимо пройти этот нелегкий путь, чтобы закалить свой характер на пути к должности комиссара, человека, способного выстоять при любом натиске со стороны любых сил и отстоять при этом свою правоту.

– ... Вторая версия – монотонно продолжал бубнить Майк – Версия старшего инспектора Ван Гистона о причастности к преступлению трансплантологов либо других специалистов, специализирующихся в области использования человеческого материала. Третья версия – Йенса – о том, что преступление могли совершить контрабандисты, воспользовавшиеся телом Теодора Милтона еще при его жизни, для доставки в Вурджвилль каких-то запрещенных предметов, но не получившие от него по независящим от них причинам свой товар. И наконец, четвертая версия – Джека Винстона – о совершении преступления сатанистами или другими членами оккультных сект. От младшего инспектора Саммервуд мы так и не дождались хоть сколь-нибудь связных слов.

В кабинете вновь раздался взрыв смеха, обстановка немного разрядилась.

– Конечно, разве инспектору Саммервуд есть хоть какое-нибудь дело до исчезновения трупа какого-то там Теодора Милтона – Майк пристально разглядывал Линду, стараясь про- сверлить в ней дырку насквозь.

– У нее есть дела поважнее. Хотелось бы узнать о них поподробнее. Но, наверное, этого нам не удастся никогда. Не доросли мы до уровня Саммервуд. Верно я говорю, Саммервуд? – комиссар обратился к Линде, не ожидая, впрочем, ответа на поставленный вопрос.

Девушка полыхала от стыда. Проглотив язык и закрыв лицо руками, она тихо плакала, как и всегда, когда комиссар ловил ее на какой-нибудь оплошности. Пучок на голове весело подпрыгивал в такт ее всхлипываниям, что делало ситуацию трагикомичной. Сейчас она была не в силах что-то вымолвить. Но все собравшиеся с удовольствием посмеялись над издеватель- ствами Стэмпа в адрес своей коллеги, не придавая, правда, при этом, в общем-то, слишком большого значения конкретным его словам.

После того, как шум и гомон в кабинете поутих, а обстановка вошла в более-менее рабо- чее русло, Майк продолжил.

– Так вот, раз уж я остановился на Саммервуд, то первое поручение будет адресовано именно ей.

Девушка к этому моменту понемногу пришла в себя, прекратила плакать, тщательно отдулась на ресницы и протерла руками глаза, размазав при этом и так не слишком хорошо наложенный макияж. Теперь же к этому горе-мэйкапу подмешивались еще черные разводы под глазами и потеки по щекам. Тем не менее, Линда, надо отдать ей должное, держалась просто стоически. У нее под рукой уже лежал ее ежедневник и шариковая ручка, а сама девушка, как прилежная школьница, была полностью сосредоточена и готова записывать суть адресованного ей поручения, а также вопросы, необходимые выяснить при его выполнении.

– Сегодня мы уже решили, что необходимо выяснить причину смерти Теодора Мил- тона. Поэтому, Саммервуд, тебе прямо сегодня нужно нанести визит лечащему врачу Милто- нов и посетить городскую поликлинику при муниципальной больнице. При этом надо, по воз- можности максимально, установить возможные причины, повлекшие смерть Милтона, а также собрать всю имеющуюся информацию о состоянии его здоровья.

«Никчемная баба! Но хоть здесь-то, надеюсь, не слишком оплошает» – подумал Майк. Сам он, конечно же, вообще не мог себе представить, как можно опростоволоситься в таком легком деле. Но жизнь показала, что Саммервуд способна облажаться и не на таких простец- ких заданиях. Одного только допроса Гарсиа ему хватило с головой. На этого закоренелого мошенника были собраны все доказательства его вины. А Саммервуд ухитрилась и тут наля- пать. Она допросила его с таким «пристрастием», что по итогам этого допроса весь участок, да что там участок, вся городская мэрия должна была объявить негодяю благодарность за рас-

крытие в обманутых им жертвах их губительной тяги к самообману, а также вручить «Золотую медаль Конгресса США» за его самоотверженность и альтруизм при выполнении своих подвигов. После этого Майк стал очень тщательно взвешивать поручаемые Линде задания, пытаясь заранее предвидеть все возможные подводные камни, способные свести к нулю старания Саммервуд, и устранить их еще до появления путем подробного инструктажа. О поручении Линде в дальнейшем проведения допросов с тех пор, само собой, не могло быть и речи. Вот и сейчас Майк решил выдать младшему инспектору подробный инструктаж, ведь, несмотря на личную к ней неприязнь, деловой интерес, который комиссар всегда ставил во главу угла, не должен был пострадать ни на йоту.

– Ты поняла, Саммервуд. Вся информацию, касающуюся здоровья и причин смерти Милтона необходимо выяснить сегодня же. Абсолютно все. Сначала посети лечащего врача их семьи. Разузнай поподробнее, чем болел потерпевший, как часто обращался к нему. Да, вообще, как часто все Милтоны к нему обращались. Его дочь говорила о больном сердце Милтона, поэтому проясни и этот вопрос. Все документы, которые сможет дать доктор, скопируй или сфотографируй, на худой конец.

Линда старательно записывала наставления комиссара, ловко орудуя по бумаге шариковой ручкой, и аккуратно делила их все по номерам в столбик. От недавнего унылого настроения девушки почти не осталось и следа. Она вся была поглощена работой и только размазанная по щекам тушь напоминала о прошедшем инциденте. Линда хорошо помнила обо всех своих бывших промахах и просчетах, поэтому теперь всячески пыталась встать на путь исправления, чтобы вновь заслужить уважение комиссара Стэмпа.

– Теперь, Саммервуд, насчет клиники. Там выясни два вопроса: как часто проходил Теодор Милтон обследования и получал ли он клиническое лечение в муниципальной больнице – продолжал Майк свои наставления. – И там тоже копируй все документы. У меня к тебе все, Линда.

Майк впервые за вечер назвал младшего инспектора Саммервуд по имени. Это было для всех собравшихся хорошим сигналом – значит, комиссар был полностью поглощен работой (только в этом состоянии он забывал обо всех своих неприятностях и личных неприязнях). Своих подчиненных на службе он привык называть по имени и в охватившем его в подобных ситуациях экстазе уже не замечал, когда и Линду тоже начинал называть по имени.

– Теперь вот что. Дик, – обратился Майк к Редлиффу. В его голосе собравшиеся сразу же услышали те мягкие нотки, которыми он практически всегда разговаривал с Диком. И вновь волна шушуканья и негодования прокатилась по кабинету. – В своем докладе ты уже упомянул, что необходимо выяснить обо всем имуществе Милтона, оставшегося после его смерти, в том числе и о денежных средствах на счетах в банке. Это и будет твоим заданием. Кроме того, свяжись с Нью-Бетлехемом. Попробуй разузнать у местных сыщиков причины, заставившие семью Милтонов покинуть насиженное место без видимых к тому оснований и перебраться в Вурджвилль. Может быть им известно, может, ходили какие-нибудь слухи про это. Заодно разведай у них, может быть они в курсе того, с кем встречался Теодор Милтон в свой последний приезд в Нью-Бетлехем. Может быть, что-то попало в объективы камер, и они могли бы с нами поделиться этой информацией.

– Хорошо, сэр, – охотно откликнулся Редлифф, который при посторонних называл Майка исключительно по должности и с уважением. – Будет исполнено.

– Николас. Сегодня тебе придется заняться архивами, нашими и городскими. Прежде всего, разыщи все возможные файлы и документы, касающиеся прибытия, проживания и деятельности трансплантологов, патологоанатомов и других специалистов, в сферу деятельности которых может входить работа с биоматериалами, в Вурджвилле за последние десять лет. Запиши имена, адреса проживания в городе или адреса выбытия (если они уже покинули город, а также, если они просто приезжали к кому-то в гости либо по служебной необходимости),

а также профессию, направление деятельности. Попробуй все это хоть как-то систематизировать.

Итак, троих я уже озадачил. Теперь оставались только Ван Гистон и Винстон и два поручения – оба не самые приятные, а одно из них еще и потенциально опасное. Но Майк уже выбрал из них самое гнусное и неприятное, которое хотел всучить именно Ван Гистону не только в наказание за недостойное поведение последнего. Некоторое время, еще в самом начале своей полицейской карьеры, Ван Гистон был ответственным по контролю над деятельностью тайных обществ и сект Вурджвилля. Комиссар также совершенно точно знал, что старший инспектор юстиции не порвал всех своих старых связей и имел надежную агентуру в закрытых организациях. Кроме того, Майк был почти уверен, что и сам Рубен знает, какое задание ему достанется, поэтому-то и старается всеми путями и способами перевести все на инсценировку исчезновения трупа Милтона.

Некоторое время прошло в кабинете в полнейшей тишине. Было даже слышно как за окном весело журчит весенняя капель, а под потолком копошатся и жужжат сонные после зимы мухи. И только Йенс по-прежнему пытался, перекинувшись всем телом через свой стол, что-то втолковать сидевшему позади него за своим столиком Винстону, который всячески отмахивался от него как от надоедливого комара.

Наконец, Майк, выждав театральную паузу, обратился к Винстону.

– Джек, тебе достанется самое неприятное задание, от результатов которого будет многое зависеть. Тебе предстоит посетить городской Центр Скорби и выяснить там как можно больше о возможной причине смерти Теодора Милтона. Насколько я понимаю, их специалист предварительно посещал квартиру потерпевших и может с большой долей вероятности назвать нам причину кончины Милтона.

Винстон хмыкнул носом, не очень-то обрадовавшись только что услышанному поручению. По сути своей Джек был отважным полицейским, способным самоотверженно броситься на преступника и в трудную минуту помочь любому нуждающемуся без колебаний. Он уже неоднократно доказывал это. Стоит вспомнить хотя бы эпизод с тем, как Винстон, в одиночку, обезвредил вооруженного и особо опасного убийцу, на которого Джек наткнулся случайно, повторно зайдя к очередному свидетелю, чтобы уточнить его показания. Оказалось, что этот свидетель несколько недель укрывал преступника у себя дома. Так вот, Винстон не спасовал в такой опасной для жизни ситуации. Он опередил противника, ценой собственного ранения обезоружил его и вызвал наряд полиции. К тому же он еще и арестовал того самого горе-свидетеля, в дом которого он пришел. Долго потом Джек в больничке провалялся. Или вот еще ситуация. Как-то раз Джек, проезжая по федеральному шоссе (а ехал он, между прочим, на свадьбу родной сестры), стал свидетелем ужасной аварии, в которой участвовало сразу несколько машин, с множеством пострадавших. Одна из машин, которой особенно не повезло, была просто обезображена до неузнаваемости, внутри кто-то дико стонал, кричал, зывал о помощи. Изуродованная махина дымилась, а языки пламени уже начали пробиваться из-под капота. Еще чуть-чуть и произойдет взрыв. Остановившиеся водители, ставшие невольными свидетелями катастрофы, вместо того, чтобы броситься на помощь пострадавшим, просто стояли и глазели во все со стороны. Некоторые даже снимали происходящее на свои телефоны. И никто, никто не помог пострадавшим. Хорошо еще хватило ума позвонить в службу спасения. Винстон, одним из последних остановившихся водителей, даже не стал дожидаться, пока машина полностью остановится. Буквально на ходу выскочив из нее, он бросился к искореженной гряде металла. За пару мгновений до прогремевшего взрыва, Джек успел вытащить последнего, самого крохотного пассажира машины, и даже успел прикрыть его своей спиной. Мальчик, к счастью, не пострадал, а вот сам Винстон изрядно подпалил себе шкуру и опять-таки угодил в госпиталь. И что самое страшное было для него в этой ситуации, так это то, что он не попал на свадьбу сестренки. Так вот, Джек никогда и никого не боялся, но он органически не

переваривал нудной работы. А поручение, которое он только что получил от комиссара, было самым настоящим нудняком и тягомотиной. Да к тому же, как решил сам Винстон, дело это было вообще бесполезным и ненужным. Но и жаловаться на судьбу было тоже не в его характере, поэтому он похмыкал-похмыкал, потер кончик носа пальцем, но промолчал. В отличие от многословного Йенса, который снова начал что-то говорить ему прямо в ухо. И только тут окружающим стал понятен смысл его слов. Он жаловался Винстону на свою судьбу, наделившую его сегодня самым скучным и пыльным заданием на всем белом свете.

«Итак, очередь дошла и до Ван Гистона» – подумал Майк.

– Рубен, тебе, как самому опытному и ответственному сотруднику отдела, имеющему связи в определенных кругах (ты и сам знаешь, о каких кругах идет речь) остается отработка версии о сатанистах и других оккультных маньяках. Собери самую полную и подробную информацию обо всех подобных сектах в Вурджвилле, наведи справки, подними свою агентуру. Может быть, кто-то что-то слышал, может быть, даже видел или знает. Ну, в общем, не мне тебя учить. Ты сам хорошо знаешь, что делать.

Майк, конечно же, хорошо понимал, что не ошибся и дал-таки провинившемуся Ван Гистону самое гнусное и, возможно, самое опасное задание из всех и был очень доволен тем, что опыт, полученный последним задолго до сегодняшнего дня, позволял беззастенчиво отрядить старшего инспектора юстиции на это опасное задание.

С чувством выполненного долга Майк внимательно оглядел собравшихся в кабинете сотрудников, ожидая от них вопросы или какие-нибудь предложения. Не дождавшись ничего, кроме шепотного речитатива Йенса в ухо Винстону, комиссар подвел черту совещанию.

– Я так понимаю, что все поручения всем понятны и по ним нет никаких вопросов. Тогда считаю совещание оконченным, и прошу всех присутствующих приступить к выполнению полученных заданий.

С этими словами Майк тяжело поднялся с кресла Редлиффа, тем самым освободив тому его рабочее место, и неспешной походкой начальника направился к выходу, чеканя каждый шаг по кафельному полу.

После совещания Стэмп вернулся в свой кабинет, чтобы дать себе возможность немного подумать над этой серьезной задачей и как следует обмозговать свои дальнейшие действия, которые ему необходимо будет выполнить сегодня.

Кабинет комиссара резко контрастировал с общим кабинетом инспекторов. В отличие от него, это было маленькое помещенье, с крохотным окошечком посередине длинной стены, которое, впрочем, Майк всегда держал скрытым темными жалюзи. Поэтому здесь редко гостил солнечный свет, уступая свое место холодному дневному свету люминесцентных ламп. Кабинет был аскетично обставлен. Стэмп вообще не любил излишеств. Никаких плакатов, никаких настенных дисплеев, кроме одного, обязательного для полицейского участка противопожарного и антитеррористического монитора. Стол, за которым в рабочее время сидел Майк, стоял вдоль противоположной от входной двери стены. Он был выполнен в современном стиле, как и кресло, в котором восседал комиссар (так было положено для всех начальников подразделений в участке). На столе располагался ультраплоский монитор современного нейронного компьютера с повышенным объемом памяти, которые также полагались исключительно руководству участка. Майк не понимал для чего ему такой наимоощнейший компьютер с нереальным размером памяти в 1000 Экзабайт!, если он проводит за ним не больше часа за весь рабочий день. И, если и включает машину, то только для того, чтобы раздобыть немного информации о каком-нибудь очередном негодяе. А для этого хватило бы и нескольких Гигабайт оперативной памяти.

Впрочем, несмотря на отсутствие лишних вещей, порядка в рабочем кабинете Майка не было, как и у него дома за тем лишь исключением, что в кабинете отсутствовало такое большое количество бытовых предметов. Но беспорядок нашел для себя применение. Он царил среди

вороха всевозможных деловых бумаг, что не могло не выводить из себя комиссара, но поделаться с этим он ничего не мог, как ни старался. Сколько раз Майк давал себе зарок выбрать, наконец, денек-другой, спокойно сесть, разобрать все бумаги, отсортировать их в зависимости от назначения и срока хранения. Лишние документы, уже не нужные, но с не истекшим сроком хранения, сдать в архив, а остальные либо выбросить за ненадобностью, либо сдать в камеру хранения документов. Но каждый раз он находил очередной предлог для того, чтобы не исполнять задуманного. То он ужасно устал, потому что целый день гонялся за очередным преступником, то его отвлекало какое-нибудь «особо важное» собрание у руководства, то еще находился добрый десяток причин, позволявших увильнуть от разбора деловой корреспонденции. Накануне днем Майк даже дал зарок миссис Вегер, уборщице в полицейском участке, что наведет порядок на своем рабочем столе. Но ни вчера, ни, тем более, сегодня он этого сделать не мог.

Тяжело усевшись в свое кресло, Майк сразу же откинулся на спинку и закрыл глаза. Он думал. В его голове вертелось множество мыслей, так или иначе связанных с этим загадочным, нелогичным с любой точки зрения делом. Несмотря на то, что они с Диком выстроили более-менее стройную, выверенную с точки зрения имеющихся улик (а вернее сказать с их отсутствием) рабочую версию о причастности к исчезновению трупа близких родственников, Майк никак не мог представить себе Филиппа Милтона (хотя он никогда и не видел Филиппа вживую, его воображение смело рисовало ему картинку высокого худосочного паренька, сутулого, длинноволосого, и обязательно с потухшим взглядом), тащащего на себе тело своего покойного отца. А тем более он не мог себе представить в роли злоумышленников ни Сару Милтон, ни Викторию Милтон. Ну никак не вязался внешний вид этих хрупких женщин с физической силой, которой надо было бы обладать для совершения подобного преступления. Хотя, возможно у них были сообщники. Конечно, если в деле замешаны родственники Теодора Милтона, то без соучастников здесь не обошлось. А если в деле фигурируют люди, кровно не заинтересованные в исходе дела, надо начинать расследование именно с их поиска и допроса.

Майк машинально достал из кармана форменных брюк флэшку, которую ему утором передал Дик. Повертел ее в руках, внимательно изучил все надписи на ней. Затем небрежно бросил магнитный носитель на стол. Несмотря на то, что комиссар всецело доверял Дику, ему стало ужасно интересно, что же действительно содержится на записях с наружных камер наблюдения, смонтированных на фасадах домов на Восточной тридцать первой улице. Майк развернулся к компьютеру, чтобы запустить машину. Как бы между прочим он бросил взгляд на плоский монитор, стоящий на столе, а вернее сказать, на маленькую эмблему в его левом верхнем углу.

«Где-то я уже видел подобное изображение» – подумал Майк и нажал кнопку на системном блоке машины.

«Вспомнить бы где» – не унимался Стэмп, пока на голубом мониторе бегали циферки, иконки и прочие программистские заклинания перед приведением вычислительного аппарата в боевую готовность.

«Точно! Вспомнил!»

Майк достал из внутреннего кармана кителя визитку, найденную им сегодня утром в недрах спортивной сумки на мусороперерабатывающем заводе. Он внимательно осмотрел визитку, изучил все надписи и картинки на ней. Действительно, компьютер, стоявший на рабочем столе комиссара, был разработан компанией «РОБОЛЕНД и Ко» и собран в Вурджвилле. Никогда до этого самого дня комиссар даже не задумывался над тем, откуда родом его могучий чудо-компьютер. Да ему это, собственно говоря, было и неинтересно.

Майк довольно хмыкнул над таким удачным совпадением и воткнул флэшку в специально предназначенное отверстие в системном блоке.

После запуска программы по воспроизведению видеофайлов на мониторе Майк увидел знакомые очертания ночных домов Восточной тридцать первой улицы, правда, слегка в непри-

вычном виде – сверху вниз и слегка сбоку. Это была видеозапись с камеры, расположенной на доме номер восемь, где проживает семья Милтонов. В поле зрения камеры, располагавшейся слева от двери, как раз попадала входная дверь первого подъезда, в котором и жила семья Милтонов. Редлифф взял запись за весь день, предшествовавший совершению преступления, вплоть до двух часов ночи, когда опергруппа прибыла на место. Стэмп не стал просматривать всю пленку. Пролистав запись до нужного ему времени, он остановил прокрутку и принялся внимательно разглядывать содержимое файла.

На мониторе ничего особенного не происходило – полуоблупившийся фасад здания, входная дверь, изображенная как бы с боку. Несколько раз дверь подъезда открывалась и оттуда, то вываливалась группа подвыпивших мужчин, одетых в потрепанную и засаленную одежду, висящих друг у друга на плечах, то выпорхнула молодая счастливая парочка, тесно прижимающаяся друг к другу, то выползала какая-нибудь очередная старушенция, неся трясущимися руками корм для бездомных собак и кошек. А то наоборот, кто-то входил в подъезд. Вот какой-то мужчина, постоянно озирающийся по сторонам, осторожно остановился возле двери, очередной раз посмотрел направо и налево, сморкнулся пальцами и нажал на кнопку домофона. В руке у него был какой-то увесистый и объемный полиэтиленовый пакет. А вот женщина ведет под руки мужчину, не способного даже толком держаться на ногах, не то, чтобы идти самостоятельно. Вероятно, жена вела своего мужа, хорошенько отметившего с друзьями окончание рабочей недели и не рассчитавшего нормы выпитого. Парочка еле вползла в дверь. При этом мужчина, судя по клубам пара, густо валившим у него изо рта, что-то весело горланил (благо запись велась без звука), старался любым способом зацепиться за какой-нибудь предмет, чтобы только не попасть в беспощадное нутро подъезда. Женщине потребовалось немалых усилий для того, чтобы, наконец-таки, впихнуть своего благоверного в открытую дверь. Или вот уже компания из трех женщин, одетых неряшливо, если не сказать облезло, шатаясь, ввалилась в подъезд. Видимо, это были работницы того же комбината, тоже праздновавшие окончание рабочей недели. После закрытия питейного заведения, кто-то из них, а может быть и сама хозяйка квартиры, предложил продолжить праздник дома. И дамы, весьма грузные, мрачные, но уж очень довольные собой и сегодняшней выпивкой отправились в дом номер восемь продолжать поглощать горячительные напитки.

Ничего сверхъестественного возле подъезда номер один дома с номером восемь Восточной тридцать первой улицы не происходило. До поры, до времени. И вот!

Майк посмотрел на таймер камеры наблюдения. Часы показывали двенадцать часов сорок пять минут.

И вот дверь подъезда распахнулась и... И все. На экране предательски заплясала рябь, хотя таймер по-прежнему работал, а секунды на нем отсчитывали свой мерный ход. Судя по часам, прошли не менее трех минут, прежде чем картинка восстановилась. На записи Майк видел все тот же подъезд, все ту же дверь и больше ничего. Никаких следов, свидетельствующих о том, что только что, на этом самом месте было совершено тяжкое, гнусное по своей природе, преступление. И никаких признаков, указывающих на возможных преступников.

А примерно через полчаса к дому стали стягиваться силы полиции, коронеры, а позже к ним присоединились вездесущие журналисты и зеваки. Кстати, вот и он сам собственной персоной. Дальнейшее Майк знал наизусть.

Комиссар отмотал запись назад в надежде найти хоть какие-нибудь зацепки, тщетно пытаясь разглядеть на пленке хотя бы приход преступников. Особенно Майку не понравился один из посетителей, который попал в поле его зрения. Не понравилось ему постоянное озирание гостя по сторонам, неуверенность его походки, да и тот тяжелый пакет вполне мог оказаться как раз тем самым техническим устройством для создания камерам помех. Мужчина явно нервничал, чего-то боялся. А вот чего именно он опасался, и необходимо было выяснить в ближайшее время.

«Кто знает, может быть одни из этих вошедших в дом людей и был пособником близких родственников Милтона. Надо найти всех их, установить их личности. Ведь явно же, что часть вошедших в дом людей здесь не проживали. Надо их всех допросить и допросить как можно подробнее, с чувством, ритмом, расстановкой. Да и вообще, надо разузнать у наших спецов, может быть, все-таки у них имеются какие-нибудь приборы или технологии, с помощью которых возможно будет восстановить потерянную часть записи».

Майк продолжил отматывать запись назад и прокручивать снова вперед, пытаясь разглядеть на ней малейшую зацепку, хоть что-то, что бы указывало на возможных преступников. А вот, кстати, и Филипп Милтон, выходит из подъезда. Спешно, прямо на ходу напяливая свою шапку. Опрометью молодой Милтон бросился прочь от дома.

«Что же заставило его так стремглав нестись прочь от родительского дома. Интересно! И это тоже надо бы прояснить».

Комиссар нашел место на записи, когда Филипп пришел к своей матери и усопшему отцу. Он вошел в подъезд вчера рано утром. Его поведение и повадки не выдавали в нем ничего подобного, что произошло всего через несколько минут. Майк пожал плечами и принялся снова изучать пленку. На ней он нашел и прекрасную Сару Милтон, несколько раз выходящую и входящую в подъезд. Каждый раз она либо что-то выносила, либо, наоборот, что-то приносила домой. И всякий раз почему-то то, что она выносила, было явно тяжелее того, что приносила. Майка это очень даже заинтересовало.

«А может быть, и не было никакого похищения трупа и все гораздо проще. Тогда дочь и жена должны быть в сговоре. А сын, возможно, и нет. Тогда понятно, почему он так кинулся прочь от их дома как черт от ладана».

Комиссар представил себе как Сара Милтон или же ее мать, Виктория Милтон, расчлениют тело своего отца и мужа. Ножами, пилой, топором. Запихивают куски плоти по мешкам, аккуратно завязывают мешки, помогая друг другу, выносят их поочередно, а потом половой тряпкой моют испачканные полы. Как ни в чем не бывало, по-хозяйски переставляя мебель для удобства уборки, по-деловому при этом переговариваясь между собой. Майку стало противно, противно до тошноты от такой мысли. Ну не мог, не мог он себе представить этих милых женщин в качестве умышленных расчленителей.

Однако, запись с видеокамер, возможно, говорила об обратном. И как истинный поборник закона и справедливости, Майк был просто обязан рассмотреть и эту версию. Весьма неприятную, надо сказать, но вполне жизнеспособную в отличие от версии, предложенной Йенсом. Несмотря на то, что на совещании комиссар поддержал его версию, он ни на секунду не сомневался, что она не сможет выдержать и мало-мальски серьезной критики. Однако, при своих подчиненных он не стал публично высмеивать ее, а вместе с ней, и самого Йенса потому, что, во-первых, это было бы не педагогично и ставило бы под удар все дальнейшие усилия младшего инспектора, способствующие профессиональному росту в качестве инспектора. А, во-вторых, была здесь особенная, своеобразная, понятная одному Йенсу, логика. Но все-таки она была. В отличие от никчемной Саммервуд, которая вообще не смогла выдвинуть ни одной путной версии. Да что там путной, просто ни одной.

После просмотра записи с Сарой Милтон, мысли Майка снова вернулись к этой прекрасной блондинке с Восточной тридцать первой улицы. Комиссар вспомнил ее прекрасные округлые плечи, гладкие руки, красивые ножки, мягкие нежные губки, плавные и грациозные движения и почувствовал внутри какое-то непонятное колыхание. Вернее сказать, ощущение это ему было знакомо и очень хорошо. Но он никак не ожидал подобных проявлений в отношении свидетельницы, а не исключено что и подозреваемой, по тяжкому преступлению. Однако, ничего с собой он поделаться не мог. Да, в общем-то, и не хотел.

«Может быть, все-таки рискнуть и пригласить Сару куда-нибудь поужинать. В какой-нибудь шикарный ресторан. Обязательно шикарный и обязательно дорогой, потому что такой

роскошной женщине не подобает столоваться в дешевых забегаловках» – бредовая мысль молнией проскочила в голове Майка, и он сперва ее испугался. Испугался до ужаса, до оцепенения в связи с простотой, и в то же самое время опрометчивостью, этой самой идеи. Но все же, это пока еще не совсем зрелое, где-то еще совсем зеленое, зерно уже заронилось в душу комиссара, уютно пристроилось там, обжилось, и было готово приносить свои плоды.

В своих сладостных мечтаниях комиссар снова откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза, целиком отдавшись нахлынувшим эмоциям.

Внезапно входная дверь кабинета тихонько скрипнула, впус­тив внутрь зашуганного Йенса. Младший инспектор осмотрелся по сторонам и, убедившись в отсутствии посторонних, направился напрямик к Майку.

– Господин комиссар, сэ­р, – начал Йенс свой унылый монолог.

«Ну вот и началось!» – с ужасом подумал Стэмп, отрываясь от приятных дум.

Он, конечно, ждал этого визита, но не так быстро. Еще на совещании Майк видел, что задание, полученное Йенсом для исполнения, было тому вовсе не по душе и по всем законам жанра он должен был прийти к комиссару просить о другом.

– Сэр, я бы хотел поговорить с Вами по поводу моего задания.

– Да, Ник, я тебя внимательно слушаю. Что не так с твоим поручением? По-моему, оно предельно ясно и вполне выполнимо.

– Да, конечно... – начал было Йенс, но запнулся на полуслове. – Понимаете, сэ­р, я думаю, что это бесполезная трата времени и средств. К тому же, Вы сами знаете, какой из меня бумажный червь. Все эти отборы, сортировка, выписка. Да еще все это надо проанализировать. Может, я лучше пойду в помощь старшему инспектору. У него явно задание посложнее будет, да и опаснее. А так, я прикрою, если что. К тому же, вдвоем мы это дело одолеем гораздо быстрее.

По своей натуре, Николас Йенс не был ни смелым, ни умным, ни сильным. Но если выбор вставал между работой головой и кулаками, младший инспектор всегда выбирал последнее. А уж если выдавался случай поработать с Ван Гистоном, сильным, умным, уверенным в себе, способным самостоятельно решить любую поставленную задачу, его помощь была чисто формальной. Но уж, если дело выгорало, то ордена и медали получали все участвовавшие в операции, в том числе и скромный младший инспектор Йенс.

– А не думал ли ты, Ник, что все задания я раздаю не просто так, ради красного словца или галочки в блокноте – Майк принялся втолковывать своему нерадивому подчиненному всю соль и суть руководящей работы в отделе уголовного преследования.

– Или ты думаешь, что правильно найти нужную информацию, грамотно ее отсортировать, разбить на группы, выявить все совпадения, а особенно несовпадения в деталях, менее важно, чем гоняться за преступниками или заниматься их выслеживанием. Так вот, милый Йенс, это не так. К тому же, в прошлый раз я давал тебе задание, связанное с риском для жизни, в котором как раз требовалась грубая сила. А чтобы сотрудник нашего с тобой отдела гармонично развивался и мог расти по карьерной лестнице, необходима постоянная смена умственной и физической нагрузки. Теперь настал черед поработать и твоей голове.

– Ну, комиссар, сэ­р, ну пожалуйста – нудил Николас. – Отдайте это задание кому-нибудь. Например, Саммервуд. У нее это получится лучше.

– Ты думаешь, Ник? Скажи мне сейчас на память хотя бы одно задание, которое бы не провалила Саммервуд? Хотя бы одно. Не можешь? То-то же – назидательно вскинув вверх указательный палец, сказал Майк. – Иди и выполняй свое поручение. Кроме того, Ник, сейчас более девяноста процентов преступлений раскрываются инспекторами в тихих и уютных служебных кабинетах, где на помощь служителям закона приходит весь мыслимый и немыслимый технический потенциал, созданный силами всего человечества. И только на заключительной стадии расследования бывают погони, засады и прочая атрибутика минувшей уже эпохи ганг-

стеров. Пойми, работать мозгами трудно, нудно, но в настоящее время просто жизненно необходимо.

– Тогда, Редлиффу – не унимался Йенс. – Ну, пожалуйста!

– Ник, я тебе все сказал. Иди и работай.

И пока Йенс продолжал что-то бубнить себе под нос по поводу того, чтобы задание перепоручили, что он никак не справится с ним, дверь кабинета распахнулась, и на пороге возник сам Редлифф собственной персоной.

«Смотри-ка и этот туда же» – раздраженно подумал Майк, глядя на Дика. – «Им что, мои слова как об стену горох. Похоже, что здесь никто и не собирается ничего делать! Одним словом, разгильдяи!»

Несмотря на свой праведный гнев, Стэмп был рад появлению Редлиффа.

– День добрый, сэ́р, – поздоровался Дик, как всегда при посторонних назвав Майка с уважением. – Разрешите войти?

– Да, конечно, входи Дик. Рад тебя видеть.

– Господин комиссар, я бы хотел уточнить у Вас...

Майк перебил своего напарника.

– Я думаю, Ник, – сказал комиссар, обращаясь к Йенсу, – Мы с тобой уже достаточно обо всем поговорили. Иди, работай.

Йенс, по-прежнему недовольный текущим положением дел, но поверженный комиссаром в первом раунде их длинной войны по замене полученного поручения и его перепоручения другому инспектору, любому, только не ему, Йенсу, побрел, опустив голову, к входной двери. Проходя мимо Редлиффа, Ник, единственный раз за все время пути, поднял голову, жалостливо посмотрел на него, хотел было что-то сказать, даже открыл рот, но передумал и снова медленным шагом двинулся на выход.

Как только входная дверь кабинета закрылась за спиной Йенса, Дик сразу же изменился в своем поведении. Исчезла внутренняя напряженность, натянутость, деловой стиль общения, да и, вообще, Дик изменился кардинально. Так происходило всегда, когда они с Майком оставались наедине. Несмотря на все издёвки и подтрунивания комиссара в отношении него при остальных сотрудниках отдела, Дик нутром чувствовал его поддержку, его твердое дружеское плечо в любой ситуации. Даже когда Редлифф ошибался, когда вел себя в силу возраста еще по-мальчишески наивно и иногда немножко глупо, он всегда мог рассчитывать на своего напарника и начальника. Дику даже нравилась их с Майком игра в начальника и подчиненного, он с удовольствием подыгрывал ему. Но, так было не всегда.

Стэмп вообще никогда не любил новичков из числа выпускников полицейских академий, особенно, элитных. Всегда считал их выскочками, не способными ни на что, кроме как хорошо стоять по стойке «смирно», да начищать до блеска свои казенные ботинки. Так было и с Редлиффом. Поначалу, Майк с ним не церемонился, всегда давал самые трудновыполнимые и безнадежные поручения, не ожидая их выполнения. Но Дик, с особым упорством и остервенением, пытался как-то их выполнять. И иногда, ему это даже удавалось, но это было, скажем прямо, очень редко. Иногда, не полностью выполнив задания, он находил при этом какие-то новые, одному ему открывавшиеся зацепки в расследовании дела, выкладывал их комиссару. Каждый раз получал по голове за проваленное поручение. Но именно в таких случаях Редлифф замечал в глазах комиссара озорные огоньки в тот момент, когда до того доходил весь смысл слов Дика и он понимал, какие перспективы открывались с их помощью для дальнейшего расследования дела.

Со временем подобных неисполненных поручений становилось все больше и больше, но также росло и число раскрытых отделом преступлений, и не последнюю роль в этом играл Редлифф. Стэмп это отметил. По-прежнему продолжая давать ему «дохлые» поручения, он все же сбавил давление на своего подчиненного при разборах полетов за их невыполнение. А

Редлифф не сбавлял обороты, продолжая «пахать» по полной, пытаясь в очередной раз довести до конца полученное задание, даже, казалось бы, самое безнадежное.

Но однажды, все изменилось. Это был рядовой сентябрьский серый денек. Да и задание было рядовым. Где-то в городских трущобах на окраине Вурджвилля надежно обосновался заурядный воришка-«домушник», подозреваемый в налетах на несколько десятков домов добропорядочных горожан. Мелочь, шушера, по масштабам криминального мира, ничего серьезного из себя не представляющий. Информация о месте его пребывания была стопроцентной, поэтому задержание и арест этого преступного дельца было делом техники. По Уставу полиции, для проведения подобных операций требовалось наличие трех полицейских. Майк, немного подумав, решил взять с собой молодого Редлиффа (для его приобщения к действительной службе, а также в целях обучения) и уже повидавшего виды Нойлза, инспектора юстиции первого класса. Прибыв на место, в соответствии с требованиями Устава, полицейские расставились по своим, заранее ими определенным, местам с целью перекрыть все возможные пути отхода злоумышленника. Сам Майк направился к входной двери, а инспекторов направил караулить окна этой кривой и скособоченной лачуги. Все шло своим обычным ходом. Но вдруг комиссар почувствовал что-то неладное, буквально всем нутром. Но в чем дело, что вызвало у него такое чувство, он не смог бы объяснить даже сейчас. Стэмп медлил, прежде чем постучать в дверь, тщательно взвешивая все свои ощущения и сличая их с той информацией, которую получил от своих агентов.

Наконец, Майк решился и постучал в облупившуюся и перекошенную деревянную дверь. Но, вопреки всей агентурной информации, в ответ он услышал не шаркающие шаги, не вопрос удивленного хозяина о цели визита непрошеного гостя, а несколько свинцовых подарков крупного калибра, угодивших в дверь изнутри и пробивших ее насквозь всего в нескольких дюймах от комиссара. Если бы не отменная реакция Майка, одна из пуль прошла бы его грудь насквозь.

«Значит, чертов воришка уже был предупрежден о приходе полицейских и ждал их во всеоружии» – молниеносно пронеслось в голове Стэмпа. – «Да и про оружие мне ничего не доложили. Выберусь, придушу Колченогого, этого продажного тошнотика и ублюдышного торчка».

Майк имел при себе служебный пистолет и, быстро выхватив его из плечевой кобуры, снова кинулся к двери, чтобы самостоятельно открыть ее. Но он ошибся. И эта ошибка могла оказаться для комиссара фатальной. Дверь открылась сама и на пороге возникла фигура крупного мужчины с автоматическим оружием в руках. И это был вовсе не тот «домушник», которого им предстояло здесь задержать. Кто он и почему оказался здесь вместо шупленького воришки, выяснять было некогда. Комиссар только и успел вскинуть свой «кольт», когда ударила новая очередь свинцового дождя. Громила находился в двух шагах от Майка и смертельные ранения от этих пуль были неизбежны. Однако, все они просвистели над головой Стэмпа. Правда, одна из них гулко ахнула о стену дома, отщепив от нее увесистый кусок штукатурки, крошки от которого посекали лицо Майка. За плотной пеленой из огня и порохового дыма комиссар заметил шуплую фигурку Редлиффа, отчаянно навалившегося всем телом на верзилу и поднявшего дуло автомата вверх. Силы, конечно, были неравны, и Дик начал было проигрывать схватку. Воспользовавшись образовавшейся передышкой, Майк все-таки нажал на спусковой крючок «кольта». Просто так, не целясь, наугад. Прогрели два выстрела и верзила, зажав свой живот руками, мягко опустился вдоль стены, выронив при этом автомат, и обмяк. Он был убит на месте или, как выражались политкорректные полицейские боссы, был нейтрализован при задержании. В ту же секунду запыхавшийся и изрядно утомленный Редлифф подлетел к лежащему на крыльце комиссару, чтобы выяснить у того состояние его здоровья. Майк был искренне удивлен таким отчаянным поступком молодого инспектора и отсутствием здесь более опытного Нойлза. Оказалось, инспектор юстиции первого класса Роберт Нойлз

лежал неподалеку, сраженный шальной пулей автоматной очереди, и истекал кровью. Ранение было смертельным, и он умер еще до приезда кареты скорой помощи. Но самое страшное для комиссара случилось потом, когда выяснилось, что пуля сразила полицейского в спину. В спину! То есть, этот опытный и отчаянный коп попросту хотел удрать с поля боя, когда почувствовал что пахнет жареным, и попросту испугавшись какого-то заурядного уголовника. Но был настигнут самой судьбой. Последнему обстоятельству, конечно, не дали хода, чтобы не бросить тень на весь отдел. Сам же Нойлз был похоронен со всеми причитающимися полицейскому, погибшему при исполнении служебного долга, почестями и регалиями. Был посмертно представлен к ордену Мужества, а его осиротевшие дети (а было их целых четыре) получили полный пансионат. Майк же, в свою очередь, получил неоценимый опыт о том, что доверять можно не всем, даже, казалось бы, своим в доску, проверенным временем людям. Ведь еще утром того самого злополучного утра комиссар дал бы руку на отсечение, что из этих двоих в трудную минуту его спину может прикрыть только Нойлз, но уж никак не этот молокосос Редлифф. И ошибся! Почти фатально ошибся!

Майк оценил отвагу и самоотверженность Дика, которая вкупе с его самоотдачей и рвением в работе, дала тому определенные висты в глазах комиссара. С тех самых пор, Стэмп волей-неволей стал относиться к молодому инспектору как к равному, при этом, правда, не отказывая себе в удовольствии подколоть его всякий раз, когда тот все же ошибался. Кроме того, после этих трагических событий, Майк сделал Редлиффа своим напарником вместо погибшего Нойлза.

– Проходи, Дик, присаживайся – Майк указал на стул, стоявший рядом с его столом. – Так что же ты хотел уточнить?

Редлифф, дождавшись, пока захлопнется дверь за Йенсом, стремительно подошел к столу Майка, сел на предложенный тем стул, закинул ногу на ногу и уставился на комиссара.

– Нет, Майк, ты это видел. Что себе позволяет этот Ван Гистон?

Лицо Майка не изменилось. Он пристально смотрел в упор на Дика и молчал. Молчал и сам Редлифф. Наконец, Майк решил начать разговор.

– А что ты хотел, Дик? Рубен отлично понимает, что именно ты претендуешь на должность комиссара в случае моего назначения на должность окружного шерифа. И как каждый амбициозный человек, он всеми способами старается принизить твой авторитет среди коллег. Кроме того – Майк сделал паузу, и это не сулило Редлиффу ничего хорошего. – Ты сам, Дик, дал ему сегодня повод для такого поведения. Остались в нашей с тобой версии прорехи, недосмотрели мы все ее тонкости. Поэтому, на будущее, тебе необходимо всегда быть на чеку, держать ухо востро, каждый раз ожидая удара в спину. И с этим придется жить, с этим придется засыпать ночью, с этим придется вставать рано утром и с этим же придется работать весь день.

– Да понимаю я, Майк, – немного усмирив свои эмоции, ответил Редлифф. – И версия у нас недоработанная. И это я тоже понимаю. Я одного не могу понять – как Ван Гистон осмелился так дерзить в твоём присутствии?

– А чего ему меня бояться? – невозмутимо ответил комиссар, разглаживая свои усики. – Не сегодня, завтра меня здесь не будет, поэтому чего церемонится. А тебя ему выбивать надо в любом случае. Так что, как говорится, на войне все средства хороши.

Майк замолчал и принялся разглядывать свои ногти, не обращая абсолютно никакого внимания на Дика. Он ждал, когда Редлифф продолжит разговор. Однако, тот, озадаченный высказыванием комиссара, сидел, по-прежнему закинув ногу на ногу, но взгляд его был стеклянным, ничего не видящим. Он задумался. Думал он о том, что после ухода Майка из отдела его, Дика Редлиффа, жизнь в этом маленьком, обжитом и таком знакомом мирке станет совсем в тягость. Что уже не будет того крепкого дружеского плеча, на которое можно будет всецело положиться. Не будет таких до боли знакомых и в такой же степени до боли обидных подковырок, которым Майк всегда встречал всех своих сотрудников, попадавших в неловкое положение.

ние. Не будет этих осточертевших «летучек», на которых выдвигались рабочие версии и раздавались поручения, а затем обсуждались результаты их выполнения. Наконец, не будет целого куска жизни самого Редлиффа, который он провел под непосредственным руководством этого медлительного угрюмого толстяка.

Пауза затягивалась. Майк, почувствовав это, первым продолжил беседу.

– Кстати, Дик. Ты что-то хотел уточнить у меня по поводу полученного поручения.

– Да... Да, Майк, – растерянно начал Редлифф, растирая ладонями свои виски и поне­многу приходя в себя. – О чем ты меня спрашиваешь?

– Я говорю, зачем ты хотел меня видеть? Ты хотел что-то спросить относительно твоего поручения.

– Да, нет, Майк, – с натяжкой улыбнулся Дик. – Просто я хотел поговорить с тобой по поводу прошедшего совещания, а когда увидел в кабинете Йенса, на ходу придумал подходящий повод. Задание мне было понятно и так. Кроме того, я постараюсь выжать из этого поручения максимум информации, способной пролить хоть какой-нибудь свет на это поистине темное преступление.

– Хорошо, Дик. Я надеюсь на твой природный нюх сыщика и твою хваленую логику. Тогда не смею тебя больше задерживать – Стэмп пристально посмотрел на настольные часы. Стрелки показывали пять минут второго часа дня.

Редлифф понял, что разговор на сегодня закончен. Майк всегда подводил черту в раз­говоре без лишних сантиментов. Видимо, у комиссара накопилось много неотложных дел, либо он хотел что-то хорошенечко обдумать. В любом случае, Дик решил ретироваться и заняться подготовкой к выполнению своего поручения, а затем и к непосредственному его выполнению.

Подходя к входной двери, Редлифф услышал мелодичную трель рабочего телефона на столе комиссара. Майк снял трубку и прорычал:

– Да! Стэмп на проводе!.. А, это ты Стив... – голос комиссара смягчился, было слышно, как он расслабленно откинулся на спинку кресла и взял телефонный аппарат к себе поближе.

Дальнейшего разговора Дик уже не слышал, поскольку вышел из кабинета, плотно при­крыв за собой дверь. Но он сразу же догадался, что Майку звонил сам мэр Вурджвилля – Сти­вен Раковски. Они с комиссаром были старинными друзьями. Говорят, что дружат они еще со школьной скамьи. Вместе прошли и школу, и колледж, затем и полицейскую академию. Но как ни старались друзья, поступить им вместе удалось только в какую-то второстепенную, зачухан­ную академию у черта на рогах, на Аляске. Причем, самого Стэмпа неоднократно приглашали к себе две полицейские академии высокого ранга, но Майк также несколько раз отказывался от их предложений, поскольку его закадычный друг Раковски не подходил им всем по своим критериям. После учебы они вместе вернулись в родной город и поступили на службу в отдел уголовного преследования. Однако, Раковски, вовремя смекнув, что служба и защита насе­ления Вурджвилля в полицейском чине это не его и что карьере в полиции ему построить не удастся, сменил служебный китель на гражданский пиджак и целиком ударился в политику. Уже скоро он прошел путь от мелкого клерка до начальника одного из ведущих департаментов в городской администрации. А через несколько лет Раковски уже занимал ни много ни мало пост вице-мэра Вурджвилля. Ну а дальше сам Бог велел ему баллотироваться на пост мэра города. Что он с успехом и сделал. И, выиграв выборы, заселился в местный «Белый Дом».

Однако, заняв столь высокий пост в Вурджвилле, Раковски не забыл и про своего старого приятеля Стэмпа. И теперь одолевал Майка тем, что просил его выставить свою кандидатуру на выборах на место окружного шерифа. Сперва Стэмп отнекивался, старался сразу же сме­нить тему разговора, когда речь заходила о выборах и о должности шерифа, пытался всячески отшучиваться, дескать, ему и своего отдела для командования вполне достаточно, зачем ему еще кто-то, или вроде того, что как же отдел-то без него, комиссара, обойдется. Но чем дольше Стивен уговаривал Майка, тем чаще сам Стэмп задумывался над тем, чтобы действительно

сменить сферу деятельности. А уж после развода с женой, он окончательно решил выставить свою кандидатуру на пост окружного шерифа. Тогда-то и встал вопрос о преемнике на должность комиссара. Поначалу Майк решил рекомендовать на эту должность Ван Гистона, как самого опытного и достигшего в служебной карьере определенных успехов. Но затем, когда в отдел уголовного преследования пришел молодой и энергичный Редлифф и зарекомендовал себя в качестве ответственного и исполнительного работника, точка зрения Майка изменилась. Он уже не был на сто процентов убежден, что Ван Гистон единственно правильный выбор на место комиссара юстиции и что Редлифф мог бы справиться не хуже. А может быть и лучше.

Окончательно Дик отвоевал себе место фаворита в гонке за комиссарское кресло после того, как рискнул собственной шкурой и остановил особо опасного преступника, пытавшегося застрелить Стэмпа возле дома мелкого уголовника. После того памятного инцидента они с комиссаром очень сблизились друг с другом и их отношения стали больше, чем просто отношения начальника и подчиненного. Кроме того, в свободное от работы время Редлифф помогал Стэмпу в домашних делах, поскольку тому было очень трудно после драматичного развода со своей супругой Розалин. Однако, вся помощь Дика сводилась на нет из-за вечной безалаберности самого Майка, способного всего за один день съесть все приготовленное съестное на несколько дней и разметать по квартире все свои вещи одним разом. Поэтому Редлифф после нескольких тщетных попыток хоть как-то наладить быт комиссара, стал приходить к нему все реже и реже, пока окончательно не передал бразды правления Элеоноре, очередной длительной любовнице Майка. Впрочем, и она уже скоро сдалась в своих попытках привести квартиру Майка в божий вид и появлялась в его жизни только в том случае, если сам Майк ей звонил. Одновременно, и Редлифф, и Элеонора в душе сочувствовали Розалин, бывшей жене Майка, худо-бедно справлявшейся с этой поистине титанической работой.

Выйдя из кабинета комиссара, Дик отправился в кабинет инспекторов весьма веселый и довольный их с Майком разговором. Особенно тем, что после этого самого разговора Майку позвонил Раковски и он знал, что в своей беседе они обязательно снова просмакуют тему с выборами окружного шерифа, и обязательно Майк, в очередной раз, замолвит за него словечко по поводу должности комиссара юстиции. Но в то же самое время Дику вновь припомнились все те страшные, веющие вселенской безысходностью, эмоции, которые он испытал в кабинете комиссара, когда отчетливо понял, что уже скоро Майк покинет их отдел и что уже ему самому придется решать все проблемы, самому. И никто, никто больше не подставит ему свое крепкое плечо, не поддержит мудрым советом и не пожурит в нужное время по-дружески. Да еще и этот проклятый Ван Гистон, будь он неладен, словно гвоздь, торчащий из седушки старого любимого кресла – и выкинуть жалко и сидеть неудобно. Теперь Дику всегда придется быть начеку. И от этого ему снова стало грустно.

Вот с такими смешанными эмоциями младший инспектор юстиции Редлифф открыл дверь кабинета инспекторов и вошел вовнутрь, чтобы как следует подготовиться к выполнению своего поручения.

...

После утренней «летучки» комиссара Джек Винстон постарался вернуться к нормальному распорядку дня и сосредоточиться на текущих делах прежде, чем отправиться в Городской Центр Скорби Вурджвилля. Прежде всего, он включил свой компьютер и открыл нужные ему файлы. До сегодняшнего дня Джек был занят работой по выслеживанию преступной группировки, занимавшейся кражей дорогостоящей бытовой техники из квартир горожан, уехавших на длительное время из города. Особенно их интересовали домашние роботы и аппаратура для 3-D печати. Во-первых, в условиях, когда вся эта техника была еще не по карману многим гражданам Америки, ворованные и очень сильно уцененные они разлетались как горячие

пирожки. Во-вторых, запчасти, на которые иногда приходилось разбирать похищенных роботов, именно роботов, потому что в последнее время все собранные в США бытовые роботы оснащались магнитным кодом, по которому, как по автомобильным номерам, можно было сразу же установить место нахождения робота и его законного владельца. При помощи этих кодов можно было запросто вернуть робота обратно хозяину. Но что удивительно, этот магнитный код действовал, только когда робот был целиком в сборе. Но как только его разбирали хотя бы наполовину, код переставал работать. Более того, при запуске магнитного счетчика для выяснения места расположения робота и его магнитного кода, датчики, отвечающие за активизацию магнитного кода, установленные на роботе, начинали попросту врать, каждый раз выдавая новую точку на карте местности, где предположительно находился робот и его новый магнитный код. Все модели роботов с магнитными кодами были, конечно, известны членам группировки, занимавшимся домашними кражами, поэтому они, после похищения таких моделей роботов сразу же их разбирали, прямо в фургоне, а затем по-быстрому «толкали» запчасти скупщикам краденного.

Винстон уже почти докопался до всех членов группы. По крайней мере, он точно установил троих ее участников, хотя сама банда, опять же по предположениям полиции, основаным на донесениях «стукачей» состояла минимум из десяти человек, четко исполнявших свою работу, каждый из которых знал только еще двух членов данной группы. Такая конспирация позволяла, в случае провала некоторых членов банды, остальным её членам быть уверенными, что они останутся вне подозрений, что обеспечит им судебную неприкосновенность. При таких раскладах Винстону надлежало установить сразу всех участников данной преступной группы, чтобы затем произвести операцию по одновременному задержанию их всех и не дать возможности кому-то ускользнуть.

Это дело захватило Джека, он целиком погрузился в него и уже был готов к точному установлению данных всех бандитов и последующей передаче этого дела в суд. А дело-то было нешуточное. На счету банды было несколько десятков эпизодов, а общий ущерб, по мнению специалистов, составлял более двух миллионов долларов. А тут как снег на голову новое дело, да еще такое глупое, никому не нужное поручение в Центре Скорби! Как некстати!

Сказать, что Винстон был недоволен этим заданием комиссара, значит не сказать ничего. Он был просто вне себя. Ну ладно, оторвали от дела, по которому он работал уже несколько недель и был готов к его закрытию, ну ладно, заставили поковыряться в своей голове, чтобы «родить» хоть какую-то рабочую версию. Но всучить такое «тухлое» поручение, на которое, к тому же, надо будет потратить весь остаток дня, поскольку Центр Скорби находился у черта на рогах, это было уже слишком! Ведь эта поездка ничего не даст. Саммервуд сама выяснит у семейного доктора или в клинике причину смерти Милтона. Да и нужно ли это вообще выяснять. Ведь расследуется дело не об убийстве, когда выяснение причины смерти потерпевшего напрямую указывает на то, каким способом он был убит, каким орудием преступления, какие улики стоит искать, что впоследствии может навести на след преступника, а дело об исчезновении трупа. То есть, к моменту похищения потерпевший был уже несколько дней как мертв. Винстон был в бешенстве. Читая на мониторе файлы по делу о «домашних роботах», он честно старался вникнуть в суть информации, которую читал, но сделать это ему никак не удавалось. Каждый раз, когда он только-только нащупывал суть отображенного на экране, его мозг, как по сигналу, возвращал его к теме пропажи трупа Милтона и этому ненавистному поручению.

И можно было бы попробовать, как Йенс, пойти к комиссару, поплакаться ему в жилетку, понять, может быть, поторчать в его кабинете какое-то время, чтобы изрядно поднадоесть начальству. Но Винстон был не из таких, ему была противна сама мысль о подобном поведении. Это было ниже его достоинства. Лучше так как сейчас. Поскрипеть зубами, про себя пожаловаться на судьбу, понять, попросить. Но только у себя, внутри, ни к кому не идя и не прося. За продолжительную службу в полиции Джек крепко-накрепко зарубил себе на носу, что ныть и

просить – самое последнее дело и ни к чему не приводящее. Никто тебя не поддержит, никакой начальник не изменит своего решения, которое он уже принял и поручил тебе, как бы нелепо оно не выглядело. Ни за что и никогда. Поэтому сейчас инспектор юстиции первого класса Винстон попытался успокоить свои нервы за работой, которую вел вот уже несколько месяцев и знал ее как свои пять пальцев. Но сейчас и это ему не помогало. Он ничего так и не запомнил из того, что только что прочитал, никаких дельных мыслей он тоже не сгенерировал. Тем не менее, он просидел за монитором больше получаса.

Наконец, Джек решил, что сегодня, кроме как пойти в Городской Центр Скорби и там добросовестно исполнить полученное им от комиссара поручение, ему уже ничего не поможет. Он еще какое-то время просидел за компьютером, бездумно потыкал кнопки на клавиатуре, особо не заботясь о том, что из этого получится, ведь сохранять он ничего не собирался.

Затем, собравшись с духом, Винстон нашел в электронном справочнике номер телефона Центра и набрал номер на своем смартфоне. Он выслушал добрый десяток холодных казенных гудков, прежде чем ему ответили.

– Городской Центр Скорби Вурджвилля – раздался приятный женский голос на другом конце провода. – Слушаю Вас.

– Здравствуйте, меня зовут Джек Винстон. Я работаю в полиции, веду расследование дела об исчезновении трупа мистера Теодора Милтона. С кем бы я мог у вас пообщаться по поводу возможных причин смерти мистера Милтона? Кто из вашего медперсонала выезжал на вызов в дом к Милтонам?

– Одну секундочку – деловито отрапортовала девушка из Центра и пропала.

В трубке что-то защелкало, затрещало, а затем Джек услышал уже мужской голос, низким басом поприветствовавший его.

– Здравствуйте. Меня зовут Джек Винстон... – он механически повторил все, что только что выложил девушке-диспетчеру с приятным голоском.

– Да, мистер Винстон, меня зовут Роберт Хильштейн. Это я выезжал домой к Милтонам на предварительную экспертизу тела покойного Теодора Милтона – голос медработника был немного надломлен после того как он узнал цель звонка Винстона. Интонация его голоса приобрела какой-то тусклый, шершавый оттенок.

– Вы сегодня на работе? – задал вопрос Джек.

– Да... Вам ужасно повезло, мистер Винстон, – трагическим голосом пробасил Хильштейн и звучно хмыкнул. – Именно сегодня я на работе. Дежурю.

– Мы могли бы с вами встретиться и поподробнее побеседовать на эту тему?

– Сегодня? – уточнил бас.

– Конечно – подтвердил Джек. – Время очень дорого.

– Хорошо, я жду вас в Центре – обреченно выдохнул Хильштейн.

– Тогда до встречи – буркнул Винстон и дал отбой на трубке.

Затем он выключил компьютер и, прихватив с собой планшетный компьютер последней модели с надкусанным яблоком на обороте (Джек всегда был сторонником современных цифровых технологий, по возможности меняя свои гаджеты на новые каждый раз, когда в свет выходили их усовершенствованные модели. По возможности, он старался полностью перейти на электронное ведение своих записей, отказавшись от использования «бумажек»), отправился на служебную стоянку, где его ждал «безликий» седан от фирмы «Шевроле».

Уже перед самым его выходом, в кабинет инспекторов вплыл сам комиссар Стэмп, как всегда неспешно шагая и без конца теребя полу мундира.

– Так – начал Майк прямо с порога, явно недовольный тем, что все до единого инспектора все еще находились на своих местах. Он даже недовольно скривил лицо, давая этим понять подчиненным, что весьма недоволен таким их фривольным поведением. Но затем, немного смягчившись, продолжил.

– Хорошо, что вы еще не разбрелись. Вернее сказать, это очень плохо, что вы еще не начали работать со своими поручениями и, прямо скажем, плюете на приказы своего начальства. Но, сейчас это даже не совсем плохо. В общем, слушайте меня внимательнее.

Как всегда, когда комиссар говорил что-то значащее для него, он высоко поднимал указательный палец правой руки, как бы говоря тем самым, что его слова очень важны для всех слушателей. Вот и теперь, Майк высоко держал свой указательный палец, привлекая внимание подчиненных.

– Только что мне звонил мэр. Он по каким-то своим каналам разузнал о случившемся сегодняшней ночью преступлении. Мэр очень возмущен этим варварским поступком, по своему кощунству сродни с некрофилией. – Стэмп перекрестился, дабы отвести от себя этот грех. – И он недвусмысленно дал понять, что раскрытие этого дела является самой приоритетной задачей для всего нашего отдела на ближайшие дни. Преступление должно быть раскрыто в самые кратчайшие сроки. Поэтому, прошу всех собравшихся как можно внимательнее и добросовестнее отнестись выполнению полученных поручений. От качества их выполнения зависит весь исход нашего мероприятия.

Весь отдел, как и Редлифф, знали о приятельских отношениях между комиссаром и мэром Раковски и отнеслись к этой новости с легкой долей иронии.

«Как же, по «своим каналам». Знаем мы эти каналы. Сам же и рассказал, да еще, небось, и приукрасил для пушей важности» – почти одновременно подумали инспектора, но все они очень сильно ошибались.

Несмотря на дружеские отношения между Стэпом и Раковски, никогда комиссар не разглашал служебную тайну. И это было для него законом. Как ни старался в свое время Раковски, будучи еще в должности начальника департамента информации мэрии Вурджвилля, выудить по старой памяти, да по дружбе, необходимые ему сведения относительно громких дел, расследуемых отделом уголовного преследования, ответ был всегда один – никаких комментариев, вся информация находится в отделе по связям с общественностью. В конце концов, всегда упираясь в стену безмолвия, Стивен Раковски сдался и прекратил допытывать Майка по поводу его служебных дел. Но никто, кроме них самих, об этом не знал и не догадывался. Именно поэтому, сейчас в головах молодых полицейских зародились такие неприятные для комиссара мысли. А ведь Майк действительно не знал, откуда Стивену стала известна информация о похищении трупа Милтона.

С чувством выполненного долга, комиссар Стэмп покинул кабинет инспекторов, как обычно, вразвалочку.

Путь Винстону был открыт. Он действительно потерял очень много времени, пока собиравшись с духом, пока злился на себя и на судьбу, преподнесшую ему такой нежданчик, пока выслушивал монолог комиссара о чрезмерной важности настоящего дела и необходимости раскрыть его в самые короткие сроки. Теперь необходимо было наверстывать упущенное. Поэтому он, выйдя из участка на морозное весеннее солнышко, прибавил ход, направляясь к служебной автостоянке и тщательно обходя свежие лужи на асфальте.

Его красный «шевроле», ни большой, но и ни маленький, ни красивый, но и ни совсем страшный, ни классический, но и не совсем современный, одним словом – безликий, как его называл сам Джек, сутулился на самом краешке стоянки, правой стороной свешиваясь на окраину дороги, словно брошенный пес. Винстон давно хотел поменять машину и купить себе новый, технологически подкованный, и очень красивый «мерседес», о котором он долго мечтал. Так ведь и деньги ведь были, и желание, но он все время откладывал свою затею, никак не решаясь продать своего верного безликого коня, прослужившему ему верой и правдой добрый десяток лет.

Пудобнее устроившись в водительском кресле (а это, учитывая габариты автомобиля и самого Джека, было сделать непросто) и запустив приятно урчащий двигатель автомобиля,

Джек еще немного постоял на стоянке, тщательно обдумывая вопросы, которые было необходимо выяснить в Городском Центре Скорби, попутно выдумывая новые, ответы на которые можно было узнать только там и которые впоследствии могли бы пригодиться при расследовании этого дела.

Наконец, Винстон выехал со стоянки и пустил свою машину по оживленным в этот час субботним улицам и улочкам Вурджвилля, направляясь к Центру Скорби.

Городской Центр Скорби в Вурджвилле был основан около двадцати лет назад взамен городскому кладбищу. Местные власти, после того как выяснилось, что мест на кладбище уже не осталось, провели городской плебисцит, основным вопросом, поставленным в нем на голосование, был вопрос о замене процедуры захоронения усопших в земле на процедуру кремации с последующей установкой небольшой урны с прахом в специально отведенную нишу на Стене Памяти. В связи с тем, что стена была высотой более трех метров, а урны можно было размещать по обе ее стороны, освобождалась значительная площадь земли, что в конечном итоге решало проблему с местами на кладбище. Горожане единогласно поддержали идею городских властей, и в скором времени было построено само здание Центра, а также возведена Стена Памяти, и уже «обжита» новыми «постояльцами». Но, в скором времени, выяснилось, что градообразующее предприятие Вурджвилля по переработке мусора было чрезмерно токсичным и приводило к росту смертности среди жителей городка. Да и урны для праха были немалыми. Поэтому через пять лет пришлось выстраивать новую Стену, по размеру больше первой и тем самым еще на неопределенное время отодвинуть проблему с усопшими.

Примерно около десяти лет назад, наука шагнула вперед и на смену кремации пришла процедура нейтрализации. Суть процесса заключалась в том, что тело умершего не хоронилось в земле и не сжигалось в печи, а при воздействии лазерных лучей просто в буквальном смысле испарялось. Совсем, без остатка, бесследно растворяясь в пространстве и во времени. Вместо урны с прахом родственникам выдавали табличку с данными о покойнике, кто, когда родился, когда умер, которую те самостоятельно обязаны были установить на Стену Памяти. Поскольку прежние две стены были приспособлены для урн с прахом, городским властям ничего не оставалось, как построить новую, со своими особенностями. Таким вот образом, к настоящему моменту на территории Центра Скорби располагались три Стены Памяти, длиной по двести метров каждая.

Кроме того, со временем, когда научные достижения в сфере судебной медицины позволили с помощью специальной техники производить дистанционное сканирование живых организмов, по всей Америке повсеместно стала внедряться процедура нейтрализации, совмещенная с процедурой виртуального вскрытия. По итогам всех процедур, родственникам умершего, кроме таблички с личными данными покойного, стали выдавать и свидетельства об их смерти, в котором указывалась причина смерти нейтрализованного человека. Таким образом, процедура нейтрализации совмещала в себе и процедуру вскрытия трупа для установления причин смерти, и процедуру захоронения тела, и выдачу свидетельства о смерти. Правда, виртуальное вскрытие допускалось только в случае естественной смерти людей. По криминальным трупам процедура вскрытия оставалась прежней. В связи с новой нормой права, при всех подобных ритуальных Центрах в качестве штатных сотрудников появились и люди в белых халатах. Они же первыми и выезжали на некриминальные трупы (о них оповещали органы полиции), предварительно на месте выясняя причины смерти человека. Поэтому в качестве экспертов во все без исключения Центры нейтрализации по всей стране принимались выпускники ведущих медицинских университетов США, окончившие их на уровне не ниже восьмидесяти баллов.

Дорога к муниципальному учреждению для погребения отняла у Винстона добрых полчаса.

Само здание вурджвилльского Центра Скорби было исполнено в соответствующем моменту духе. Это был трехэтажный особняк в стиле позднего постмодернизма, сложенного

из унылого серого кирпича, без каких-либо видимых признаков современных технологий, за исключением нескольких спутниковых тарелок, торчащих на крыше, одна из которых была просто нереально больших размеров, да допотопных кондиционеров, нелепо примостившихся на фасаде здания и еще более нелепо замаскированных однообразной и весьма скучной социальной рекламой. Даже ослепительное весеннее солнышко не придавало ему сколь-нибудь радостных ноток. С дороги к Центру вела длинная прямая узкая подъездная дорожка, вымощенная гигантским гранитным булыжником, ужасно неудобным не только для езды, но и просто для пеших прогулок. По-видимому, это было своеобразной задумкой местных архитекторов, которые хотели максимально усилить трагический эффект для всех присутствующих от прощания со своими близкими людьми, когда они в последний раз могут лицезреть покойного, перед тем как тот навсегда покинет этот бранный мир, растворившись в вечности.

Проезжая по этой гладильной доске, Джек всю дорогу чертыхался, вспоминая всех родных и близких всех рабочих, выкладывавших эту адскую тропинку. Его верный «шевроле», каждый раз переваливаясь с одного ухаба на другой, брыкался, пытел и скрипел всеми своими железными суставами, напоминая своему владельцу о том, что ему уже немало лет и что он ужасно устал.

Наконец, припарковав свою машину возле входа в Центр, Винстон напрямик направился к массивной железной двери с незамысловатой вывеской, гласившей о том, что «здесь находят свой последний приют все достойные граждане Вурджвилля».

В небольшом и тесном холле Джека встретила та самая девушка с приятным голосом, отвечавшая ему по телефону, которая тут же растянулась в приветственной улыбке. Ее внешний вид все-таки диссонировал с голосом, хотя девушка была довольно милостивой. Узнав, что вошедший мужчина из полицейского участка и желает пообщаться с господином Хильштейном, она в очередной раз широко улыбнулась (а вот улыбка у нее была действительно великолепной) и направила его по нужному адресу, предупредив, однако, что старший медицинский сотрудник Хильштейн сейчас находится на очередном выезде, но скоро должен вернуться и что он предупреждал ее о приходе полицейского.

Маршрут был не близким, ведь фасад здания был лишь шириной угрюмого прямоугольника Центра, а длина здания уходила вглубь двора. Кабинет, где располагались медицинские сотрудники Центра, находился в противоположном от входа конце помещения, да к тому же, на третьем этаже.

По пути к лестнице, располагавшейся тоже в другом конце здания, Винстон прошел мимо поминального зала, где проходила процедура нейтрализации очередного усопшего горожанина. Джек задержался возле входной двери, которая была настежь открыта. Около входа толпилась кучка людей, видимо, дальние родственники или просто хорошие знакомые покойника. Вид у них был хмур и озабочен, но, тем не менее, все они о чем-то негромко беседовали между собой, изредка бросая взгляд внутрь зала. Кто-то из них был искренне опечален потерей дальнего родственника, а может быть своего знакомого. Таковые меньше говорили, больше молчали, стояли, склонив головы. В самом зале народу было гораздо больше, все плакали. Кто открыто, не стесняясь, кто втихую, проглатывая свои соленые слезы и прикрывая лицо платками. Благодаря отменной акустике, присущей только католическим храмам, казалось, что все пространство зала было наполнено скорбью и плачем. Люди навсегда прощались с усопшим, отдавая ему последнюю дань уважения.

Сам Зал Поминовения представлял собой большую комнату, выполненную в стиле готического католического костела Средних Веков. До полного соответствия не хватало витиеватых оконных витражей, да огромного органа, играющего мрачную похоронную музыку. Но, проклятая политкорректность, не позволяла придавать этому помещению ярко выраженную конфессиональную принадлежность, поскольку здесь же проходили нейтрализацию представители и других религий, ислама, буддизма, православия, индуизма и прочих более мелких веро-

исповеданий. Стены и пол были сделаны из местного красного гранита с серыми прожилками, отполированного до блеска. Между большими окнами размещались фальшколонны, призванные подчеркнуть всю торжественность, присущую этому монументальному помещению.

Джек неоднократно присутствовал на подобного рода церемониях. Но каждый раз у него захватывало дух, когда он видел, как огромный лазерный луч сначала сканирует тело покойного, делая его при этом почти прозрачным, изредка останавливаясь, поочередно выхватывая отдельные внутренние органы. Это была процедура дистанционного вскрытия тела, предшествующая непосредственно основной процедуре нейтрализации. Винстон попал как раз в момент, когда луч уже начал свое движение. Завороженный зрелищем, Джек стоял, слегка приоткрыв рот.

– ... Да, замечательный был человек, золотой души – бормотали где-то рядом с ним.

– Да что там говорить, отличный человек. А друг какой? Бывает, спросишь у него взаймы до зарплаты, так ведь всегда даст. Даже когда сам на нуле. Побежит, сам займет, но обязательно выручит... – вторил ему другой голос.

А в это самое время, лазерный луч уже завершал свою работу по сканированию. Священник, работающий тут же при Центре, уже затянул прощальную поминальную молитву. В зале раздался новый шквал плача, смешанный с причитаниями, криками отчаяния, боли, воем родных и близких. В общем, сама процедура нейтрализации по эмоциональному накалу ничем не уступала традиционным видам захоронения.

Наконец, лазер еще раз пробежал по телу усопшего. Теперь он сделал это быстро, со сноровкой, выработанной годами. И в том месте, где проходил луч плоть бесследно исчезала. Вся процедура лазерной пробежки занимала не больше трех секунд, но для любого человека, наблюдавшего за этим, время, казалось, тянулось вечно. Все они могли наблюдать, как покойный растворяется в пространстве и времени, оставаясь лишь на фотографиях и памяти близких людей.

И вот все, процедура была окончена. Родные и близкие, продолжая рыдать, причитать и тихонечко всхлипывать, сгруппировались в кучку, до конца еще не веря, что их любимого, родного человека больше нет на этом свете.

Сотрудник Центра, отвечающий за проведение всей церемонии, деловито, по-канцелярски сухо, даже как-то буднично, что ужасно дисгармонировало с окружающей обстановкой, всучил безутешной вдове, поддерживаемой под руки детьми, положенную в таких случаях табличку с данными покойного и выдал схему Стены Памяти с отметкой на ней того места, куда ее следовало установить. И развернувшись на каблуках, также деловито и сухо удалился.

Джек не стал смотреть дальше, тем более что все основное уже закончилось, и продолжил свой путь в кабинет медицинских сотрудников.

На третьем этаже было довольно пусто – большой пустынный коридор, несколько пустых кабинетов без табличек (вероятно, в них никого уже давно и не было). Наконец, в самом конце коридора Джек нашел нужный ему кабинет, с красовавшейся на двери золотистой табличкой, на которой черными буквами было выведено: «Медицинская служба экспертов при Городском Центре Скорби Вурджвилля». Ниже были написаны фамилии и должности всех трех медицинских сотрудников данной службы.

Винстон осторожно постучался. Ответа не последовало. Он постучал еще раз, на этот раз уже немного громче. Опять тишина. Джек решил открыть дверь без разрешения. Осторожно потянув ручку, которая тут же беспрепятственно поддалась, он открыл дверь и просунулся внутрь.

Кабинет оказался на редкость просторным и кипельно белым, что очень резко контрастировало с общей атмосферой всего Центра в целом, в котором преобладали черные, серые, темные и мутно-красные тона. Весь кабинет был заставлен всевозможной современной техникой. Здесь были какие-то аппараты для сканирования различных размеров, несколько больших

3D-принтеров, не считая разных колбочек, штативов и еще множества всякой медицинской и химической утвари.

За всем этим многообразием, Винстон даже не заметил в самом дальнем от входной двери конце кабинета мужчину, который, сгорбившись, восседал за своим столом и над чем-то усердно колдовал, то и дело уныло вздыхая и хлопая в ладоши от неудовлетворения. Тот, в свою очередь, тоже не слышал ни стука в дверь, ни как Джек вошел в кабинет.

Винстон, войдя вовнутрь и заметив медицинского работника, напрямик направился к нему. По пути он задел какой-то прибор, стоявший в самом центре кабинета, который от прикосновения звякнул, брякнул и невыносимо завыл. От подобной неожиданности, эксперт чуть ли не подпрыгнул на своем кресле и тут же обернулся. На его лице отчетливо читался животный страх, смешанный, тем не менее, с неподдельным интересом к неожиданному гостю. Это был невысокого роста мужчина, средних лет, сухощавого телосложения, очень смуглый, по-видимому, мексиканец, с коротко постриженными волосами с проплешинами и такими же коротенькими усиками и бородкой, а-ля испанка.

Джек, на ходу доставая полицейский значок, попытался изобразить на своем лице располагающую улыбку. Прямо скажем, получилось это у него не очень хорошо. Улыбка вышла какая-то кривая, кособокая. Но небольшой успех это все-таки ему принесло. Озабоченность и страх с лица медицинского сотрудника сошли, остался только интерес.

– Здравствуйте. Меня зовут Джек Винстон, инспектор юстиции первого класса, я расследую уголовное дело... – он хотел сообщить этому незнакомому человеку полностью суть дела, которое привело его сюда, но передумал, посчитав, что не нужно знать постороннему человеку обо всех деталях расследуемого дела. – Впрочем, это неважно. У меня здесь назначена встреча с Робертом Хильштейном...

– А он сейчас на выезде – без какого-либо приветствия выпалил мужчина.

– Я знаю. Меня предупредила об этом девушка на входе – продолжил Джек. – Могу я здесь его подождать?

– Конечно – спешно выдал мужчина. – Кстати, я не представился. Меня зовут Хавьер Энрике, я работаю здесь младшим медицинским сотрудником. Вот, сегодня выходной, но ведь надо же доводить дела до конца – начал оправдываться он – поэтому работаю и в свой законный выходной...

Джек не обращал на его лепет абсолютно никакого внимания. Он сосредоточился на обстановке в кабинете. Ничего, конечно, нового, кроме того, что он уже увидел, едва заглянув сюда, не обнаружилось. Только изнутри все это многообразие приборов и техники не выглядели такими уж нелепыми и чужеродными. Наоборот, все было очень гармоничным и лаконично встроенным в работу Центра. Немного похажив по кабинету и рассмотрев все, что ему хотелось, Джек все же обратил внимание на сопровождающего его Хавьера Энрике, что-то бормотавшего ему всю дорогу и о чем-то непрерывно вздыхая.

– А как долго проходит каждый выезд? – осведомился Винстон у Энрике.

– Да как вам сказать – ответил тот, не ожидавший, что его так бесцеремонно остановят, но, видимо, привыкший к этому (вероятно, два других сотрудника тоже не в восторге от его болтовни). – Каждый раз по-разному. Когда и полчаса хватает, а иногда и трех часов мало...

– Понятно – обрезал его Винстон. – Тогда, с вашего позволения, я присяду вон туда.

Джек указал на стул, стоявший почти возле входной двери, максимально далеко от рабочего места Энрике. В его планы совсем не входило выслушивание нытья какого-то мало ему известного человека, который, по-видимому, еще был и специалистом-то так себе, раз уж в такие зрелые годы ходил по-прежнему в младших сотрудниках.

– Не смею вас больше отвлекать – сказал Винстон, своим тоном давая понять мексиканцу, что больше не намерен продолжать с ним разговор.

Джек устроился на стул возле самого огромного идеально белого прибора, находившегося в кабинете (Винстон, после долгого его изучения взглядом, решил, что это все-таки какой-то сканер), и принялся продолжать разглядывать обстановку вокруг, коротая время до прихода Хильштейна. Все эти приборчики и огромные приборы, штативы, колбочки с жидкостями разных цветов, баночки всевозможных размеров и форм, делали кабинет максимально похожим на рядовую медицинскую лабораторию в любой клинике штатов. Именно поэтому-то и показалось Джеку, когда он вошел вовнутрь, что кабинет дисгармонирует с окружающей обстановкой ритуального заведения.

Да и вообще, находясь здесь, в этом самом Центре, в этом самом кабинете, Джек невольно поймал себя на мысли о том, что начинает думать о вечном. О жизни и смерти, о загробной жизни, о переселении душ и прочих философских изысканиях. Все-таки, как ни крути, а многолетняя работа в полиции, да еще в отделе уголовного преследования, когда каждый день сталкиваешься со смертью, несправедливостью, самым дном городской жизни, накладывала свой отпечаток на личность любого человека. За этим нехитрым, но очень занимательным занятием, Винстон и коротал время, дожидаясь возвращения Роберта Хильштейна. Тем временем, Энрике, потеряв всякий интерес к Джеку, как к благодарному слушателю, снова вернулся к своей работе, продолжая уныло вздыхать и хлопать в ладоши в случае неудачи, не обращая никакого внимания на Винстона.

Время шло, а Хильштейна все еще не было. Джек раздраженно посматривал на часы в смартфоне, нервно постукивая указательным пальцем по белому прибору, который стоял поблизости. Несколько раз он порывался спросить у мексиканца номер сотового телефона Хильштейна, но каждый раз его останавливал страх, что тот опять начнет приставать к нему со своими нелепыми разговорами. И каждый раз Винстон передергивал плечами от такой перспективы и продолжал глазеть по сторонам.

Парочку раз в кабинет заходила молодая особа, которая тоже искала старшего медицинского сотрудника. Она привлекла внимание Винстона своей необычностью. Это была явно не сотрудница Центра, иначе бы она знала, что Хильштейн сейчас находится на выезде, ну а черный платок, скрученный в тонкую трубочку и повязанный на белоснежные длинные волосы, развеивал все сомнения по этому поводу. Да и вообще, девушка слишком диссонировала с теми безликими особами женского пола, которых он успел здесь увидеть. Это была яркая, самобытная девушка. Прочем, и красавицей ее назвать было трудно. Но было в ней что-то, породистое что ли. Именно это и приковывало внимание мужчин. А по-кошачьему грациозная походка, и сексуально пластичные движения, могли взять в плен любого представителя мужского пола. Джек лишь пару раз видел ее, да и то мельком, но общий образ девушки, именно общий ОБРАЗ (он ни за что на свете не смог бы по памяти нарисовать ее словесный портрет), а не отдельные части ее, безусловно, привлекательного тела, глубоко засел в нем саднящей занозой. Впрочем, и ножки безымянной незнакомки, заманчиво выглядывавшие из-под средней длины пальто и юбки чуть выше колен, тоже были выше всяких похвал.

Тем не менее, девушка была явно чем-то озабочена. Всё её поведение, все угловатые быстрые неловкие движения и постоянные теребления носового платка, выдавали в посетительнице невероятной силы напряжение и волнение. Голос у нее срывался всякий раз, когда она входила в кабинет и осведомлялась у Энрике, скоро ли прибудет мистер Хильштейн.

Наконец, когда Винстон уже отчаялся дождаться этого неуловимого слугу Эскулапа, пользующегося сегодня необычайной популярностью у посетителей, за дверью послышались громкие голоса. Голоса о чем-то оживленно спорили, но смысла дискуссии, Джек разобрать никак не смог, потому что слышал только отдельные слова. Вернее сказать, какие-то безумные выкрики, и только одного спорящего. Этим человеком оказалась та самая незнакомка, совсем недавно заходившая в этот кабинет. И по этим самым выкрикам, вроде «Но вы же обещали...», «Вчера ночью...», «Так нельзя...» и так далее, Винстон догадался, что вторым собеседником

незнакомки был как раз тот самый запропастившийся и невероятно опаздывающий доктор Хильштейн собственной персоной.

«Черт!» – гневно подумал Винстон, в отчаянии даже хлопнув себя ладонями по коленкам, чем невероятно испугал Энрике, тихоньки копошившегося за своим рабочим столом и от испуга привскочившего на стуле. – «И так уже проторчал здесь целую вечность, так еще и эта прет без очереди!»

Он уже было встал и направился в выходу, как дверь вдруг открылась с другой стороны и на пороге Джек увидел невысокого, около пяти футов трех дюймов роста, коренастого, но не слишком широкоплечего мужчину в белом халате с нагрудным бэйджиком на нем. Мужчина явно торопился, на ходу пытаясь отделаться от надоедливой посетительницы. И он был ужасно рад, когда увидел в кабинете незнакомого мужчину в гражданской одежде (он сразу сообразил, что это тот самый полицейский, звонивший днем), нелепо стоявшего посередине кабинета и хлопавшего глазами, наблюдая такую картину.

Вошедший мужчина буквально руками выталкивал наружу симпатичную девушку, которая, несмотря на всё его сопротивление, пыталась-таки войти в кабинет. Незнакомка упиралась, настаивала, умоляла и даже плакала, взывая к совести противника. Но сделать этого ей не удалось. Хильштейн, окончательно одержав победу над незнакомкой, быстренько щелкнул магнитным ключом в замке и прислушался, прислонив ухо в двери. Его никоим образом не смущало присутствие постороннего человека в лаборатории. После того, как он убедился, что девушка, продолжая плакать, стенать и что-то выкрикивать вслед, удалилась, старший медицинский сотрудник Центра повернулся лицом к Винстону.

– Добрый вечер... – начал было Хильштейн. – Прошу прощения за свою память, как вас...

– Винстон – подхватил Джек. – Инспектор юстиции первого класса Винстон. Джек Винстон – уточнил он в очередной раз.

Джек, тоже опомнившись от охватившего его совсем недавно мимолетного оцепенения, тут же принял боевую стойку, готовый к любой неожиданности. Он почтительно поклонился и, улыбаясь, подал Хильштейну руку. Тот охотно ее пожал. Рукопожатие оказалось каким-то вялым, неуверенным, а ладонь потной и склизкой. Джек всегда недолюбливал подобного рода людей, с мокрыми ладонями, считая их «овощами», людьми, не способными на поступки в широком смысле этого слова. Нет, на действия они, конечно же, были способны, но на поступки – нет. А эти действия могли быть только мелкими, в основной своей массе корыстными, и исключительно эгоистичными. Люди такого типа, как правило, не способны были оказаться преступниками (мешал тот самый эгоистичный и неуверенный склад), но они почти всегда были мелкими подонками (тайными или же, наоборот, не скрывающими своих истинных намерений). Джек вдвойне насторожился, имея в свидетелях человека с подобной «червоточинкой».

– Добрый вечер, мистер Винстон, – повторно поприветствовал Хильштейн. – Чем могу помочь правосудию?

Голос у него мелко подрагивал, изредка выделявая со своим хозяином головокружительные па в виде высоких ноток.

– Да мы, в общем-то, уже определились с темой нашей беседы. Вернее сказать, я так думал, договариваясь с вами сегодня о встрече. – удивленно ответил ошарашенный Винстон, но затем, немного придя в себя, пошел в атаку.

– Я здесь по поводу смерти Теодора Милтона – Джек, не давая опомниться своему оппоненту, пер в наступление дальше. – Вы ведь первым, не считая эксперта-криминалиста, осматривали его труп. Так вот об этом у нас и будет разговор.

Джек взял доктора под локоть, уверенно так взял, покрепче, и направился с ним вместе к стульчику, на котором только что сидел сам. Но старший медицинский сотрудник Хильштейн

оказался не робкого десятка, он сразу же заупрямился, поняв куда его ведет Винстон, и сам направил инспектора в другую сторону, как впоследствии оказалось, к своему рабочему месту. Впрочем, Джек тоже не стал особо упорствовать, полностью повинувшись доктору.

По пути неуклюжий Винстон снова пару раз задел какие-то колбочки и стаканчики, в хаотичном порядке уставленные по всей лаборатории и едва не опрокинул тот самый прибор, который он задел, впервые войдя в лабораторию. Пробор снова издал душераздирающие звуки и умолк. От этих звуков пришел в движение Энрике, о котором Джек совсем позабыл. Видимо, звук борьбы и стенания незнакомки в дверях тот пропустил мимо ушей и только невыносимый вой прибора отвлек младшего медицинского сотрудника от своих усердных занятий. Энрике выругался последними словами и тут вернулся к своей работе.

Между тем, Винстон и Хильштейн прошли к рабочему месту старшего медика. Роберт любезно предложил Винстону присесть на стул, стоявший неподалеку от его стола, и который он самостоятельно принес и поставил возле своего кресла. Винстон, по-деловому, уселся на поставленный стул, закинул ногу на ногу, вытащил из портфеля свой «яблочный» планшетник, включил на нем диктофон и принялся задавать интересующие вопросы. От бывшего уныния и скуки по поводу этого нудного задания не осталось и следа. Теперь Джек нашел себе достойного противника и решил его дожать, выжать из него все до доньшка, заодно и прошупать этого «мелкого человечка», которого после вялого рукопожатия того он вообще не ставил в один ряд с людьми.

– Итак, приступим к опросу – казенным голосом начал свой допрос Винстон. – Ваше полное имя, год и место рождения?

– Роберт Ф. Хильштейн, 20** года рождения, Вурджвилль, Средний Запад – голос доктора по-прежнему дрожал, руки потрясывались (он, прямо во время допроса, принялся перебирать на столе какие-то бумаги, переставлять с места на место какие-то колбочки и баночки), его глазки забегали (Хильштейн избегал прямо глядеть Джеку в глаза, отводя взор всякий раз, когда инспектор в упор смотрел на него).

Джек сразу же отметил это про себя.

«Значит и здесь не все так гладко. Ай, да комиссар, ай, да молодец! Почувствовал же, старый чертяка, своим наметанным носом, что и в Центре могут присутствовать свои подводные камни!».

– Род Ваших занятий? – не унимался Винстон, продолжая смысловую атаку.

– Старший медицинский сотрудник Городского Центра Скорби Вурджвилля.

– Как долго вы работаете в Центре? – Джек напирал на каждое слово в своих вопросах, давая понять собеседнику, кто здесь истинный хозяин положения, действуя словно бы по инструкции, написанной в полицейской академии, где он учился.

– Около пяти лет – голос Хильштейна стал еще больше дрожать, доктор расстегнул верхнюю пуговицу своей рубашки и резко рванул ворот.

– Где-то так – добавил он.

«Нервничаешь, голубчик. Правильно делаешь, что нервничаешь. Сейчас я тебя буду морально уничтожать. Сейчас я тебя выжму. Выжму полностью, без остатка как половую тряпку после мытья полов» – злорадно подумал Винстон.

Он остановил допрос, делая вид, что обдумывает свой следующий вопрос. Но это было не так. Свой следующий, да и все остальные вопросы, которые он собирался задать Хильштейну, Джек уже знал наперед. Сейчас же он просто наблюдал за поведением старшего медицинского сотрудника, пытаясь понять, что же так его напугало и что он скрывает. А то, что доктор что-то скрывал не вызывало у Винстона абсолютно никаких сомнений.

Хильштейн принялся ерзать в своем кресле, начал без конца оборачиваться на мексиканца, мирно корпевшего за своим столом.

Помолчав несколько минут и до последней капли измотав своего противника, Винстон продолжил свою экзекуцию.

– Несколько дней назад Вам приходилось выезжать на Восточную тридцать первую улицу дом номер восемь? – неспешно начал Джек.

– Да, я выезжал – теряя последнее самообладание, ответил Хильштейн.

– Хорошо – довольно сказал Винстон, почесывая подбородок. – Вы были первым медицинским сотрудником, осмотревшим труп Теодора Милтона?

– Да... – тут голос Хильштейна окончательно надорвался, и от бывшего густого баса не осталось и следа. Доктор просто сипел или начинал визжать неприятным фальцетом. Было сразу видно, что он ждал именно этого вопроса. Сгорал от нетерпения, теребил все попадающие ему под руки вещи и бумаги, но ждал. Ждал, холодея от страха, ждал до спазма внутренних органов.

– Да, это я осматривал труп Милтона несколько дней назад – спешно подтвердил доктор, пытаясь взять себя в руки, но это у него слабо получалось. – Конечно же, я был первым медицинском, осмотревшим труп, после криминалиста. Мы получили вызов из полицейского участка о том, что по указанному вами только что адресу есть некриминальный труп. Это как раз наш случай. Тем вечером дежурил я, поэтому мне и достался его осмотр.

– Тоже неплохо – как бы ободряя собеседника, промурлыкал Винстон.

– Какова, по вашему мнению, основная причина смерти Милтона?

– Видите ли, по словам его лечащего врача у него было плохое сердце... – затянул свою песню Хильштейн. Теперь доктор поигрывал в руках пуговицей от своего халата, но инспектор резко его оборвал.

– Мне не надо мнения его лечащего врача. Я спрашиваю именно вас, какова причина смерти Теодора Милтона?

– Я склонен верить доктору Мартинелли, лечащему врачу семьи Милтонов.

– То есть вы, официально, под запись в протоколе, подтверждаете, что причиной смерти Милтона была сердечная недостаточность?

– Скорее инфаркт – скрипучим голосом пропищал Хильштейн. – Синюшный цвет лица покойника, да и еще несколько видимых признаков говорили именно об этом. Но окончательный вывод по этому вопросу могла бы дать только дистанционная экспертиза трупа при нейтрализации. Но труп, как я понял, исчез...

– Да. Трупа теперь нет. Пока нет. Поэтому о причинах смерти Милтона мы можем сейчас судить только с ваших слов. Подчеркиваю, официальных слов.

Хильштейн будто бы переменялся в лице, сделался еще более серым и хмурым. Кажется, он, вдобавок ко всему, начал заикаться.

– Итак, уточним еще раз. Вы, как официальное лицо, наделенное полномочиями, данными властью штата, официально подтверждаете, что причиной смерти Милтона был обширный инфаркт Миокарда?

– Да, подтверждаю – после долгого молчания выдохнул доктор. – Возможной причиной смерти Теодора Милтона мог стать инфаркт Миокарда. Все признаки были налицо.

Кажется, после этих слов Хильштейну заметно полегчало. У него будто бы гора спала с плеч. Он, наконец-то, перестал брюзжать, теребить все, что попадало ему под руку, голос немного приободрился, прошло заикание.

– Ну что ж – подытожил Джек, нажимая на кнопку стоп в диктофоне своего планшетника и убирая его обратно в сумку. – Благодарю Вас, доктор, за оказанное Вами содействие в расследовании особо тяжкого преступления.

Винстон сделал особый акцент на последние слова о расследовании особо тяжкого преступления, жестоко наказуемого, между прочим, по законам штата, вплоть до смертной казни. Он по-прежнему сверлил Хильштейна взглядом. Свой эксперимент с этим «заморышем»

в белом халате Винстон еще не окончил, хотя формально сам допрос подошел к своему логическому завершению. И тут Джек решил нанести внезапный удар. Можно сказать, прямо в спину. Ничего не поделаешь, служба. Но не в этот раз. Джек по-настоящему получал удовольствие, издеваясь над этой никчемной «тлей» в белом халате, «слизняком» с потными ладошками, видя как тот мучается, отвечая на неудобные вопросы инспектора, вертится как уж на сковороде. И уже не под запись, а так, к слову, Джек сделал свой ядовитый выпад.

– Между прочим, Роберт – непринужденно сказал Винстон – А кто это та прекрасная незнакомка, которую вы так бесцеремонно вытолкали из лаборатории? И зачем она приходила?

Хильштейн обмер. Он снова затеребил свои бумаги на столе, принялся переставлять колбочки. Его руки тряслись, голос опять сорвался и он завизжал. Было видно, что Хильштейн не ожидал этого вопроса, хотя точно знал, что инспектор видел эту неллицеприятную сцену с непрошеной гостьей. Свой ответ он долго обдумывал, не зная с чего начать.

– Да так – принялся мямлить Хильштейн. – Она приходила на меня жаловаться.

Он растянулся в кривой, явно наигранной, улыбке и продолжил.

– Она считает, что я неправильно продиагностировал ее отца и не преминула все это высказать мне прямо в лицо. Она говорила, вернее сказать, кричала, что хочет посмотреть мне в лицо. В лицо человеку, которого она считает виновным в смерти отца.

– Да ну – также наигранно удивился Винстон. – А разве вы диагностируете живых людей? Вот никогда бы не подумал.

– Понимаете, мистер Винстон, я же по образованию – врач высокой категории. Несколько лет проработал в достаточно успешной частной клинике в Канзасе, у меня была весьма большая клиентура в городе. И когда стали проводить отбор сюда, то есть в Центры Скорби по всей Америке, а выбирали ведь самых достойных из практикующих врачей, как вам известно, сразу же обратились ко мне, несмотря на то, что жил я тогда на другом конце страны. Поначалу, я мягко отказывался, ссылаясь на то, что не могу бросить своих тяжелобольных пациентов, ведь я давал клятву Гиппократу. На самом же деле, мне просто не хотелось терять источник своего постоянного и весьма неплохого дохода. Ну, уж, а когда, за отказ от трудоустройства в Центры стал грозить уголовный срок, деваться было некуда, и я согласился. Правда, зарплата здесь, сами понимаете, не ахти, поэтому и приходится подрабатывать на дому. Конечно, в свободное от работы время. А у каждого врача всегда бывают недовольные клиенты.

– И что же случилось с отцом этой несчастной девушки? – с заметным сарказмом спросил Винстон. Он ни на йоту не поверил Хильштейну. Тем не менее, он с каким-то чудовищным злорадством наблюдал, как сотрудник Центра старается изворачиваться, на ходу сочиняя свою небылицу.

– Так вот, эта девушка, эта молодая особа, обратилась ко мне в частном порядке – голос доктора продолжал дрожать и периодически выдавать «петуха». – Обратилась она по поводу своего отца, который совершенно неожиданно занемог. В одночасье. У него стало болеть все тело, все внутренности. Я, конечно же, сразу осмотрел мужчину, назначил ему сделать все необходимые анализы, но не нашел ничего такого, что бы могло вызвать такой эффект. А самое главное, что результаты анализов не показали никаких воспалительных процессов в организме и, соответственно, невозможно было выявить очаг заболевания. Из всего этого я сделал обоснованный вывод о том, что отец девушки ничем физически не болен, а проблема могла быть в его психологическом состоянии.

– Вы хотите сказать, что этот мужчина был психически болен? – Джек уже пожалел, что рано отключил диктофон. Хотя, формально, тема разговора не относилась к цели его посещения Центра Скорби, Винстон нутром чувал, что здесь что-то не так и возможно сейчас он попутно сможет раскрыть еще какое-нибудь, не зарегистрированное, преступление.

– Не совсем так, мистер Винстон. Я этого не говорил. Строго говоря, это могло быть и не психическое расстройство в том виде, которое вы себе представляете. Это мог бы быть, так

скажем, эффект плацебо. Когда человек, ни с того ни с сего, внушает себе, что он неизлечимо болен. Его мозг дает сигнал всему организму. Человек начинает чувствовать боли там, где нет никакого видимого источника для подобного состояния. Человек, не понимая, что сам себе вредит, продолжает через свой мозг генерировать псевдосигналы какой-то неведомой неизлечимой болезни для всего организма. В конце концов, со временем человек заболевает по настоящему.

– Именно это и произошло в данном случае? – не унимался Винстон, продолжая издеваться над бедным доктором.

– Думаю, да – более твердым голосом ответ Хильштейн.

– И что же произошло с отцом девушки?

– Он умер. Через пару месяцев после моего обследования.

– Но вы же сказали, что болезнь может развиваться со временем? А здесь прошел достаточно небольшой промежуток времени.

– И опять же, не совсем так, ведь мы не знаем, когда мужчина внушил себе мысль о неизлечимой болезни. Может за несколько месяцев, а может быть и за год до обращения ко мне. Поэтому я думаю, да что там думаю, я уверен, что это, так называемый синдром Мюнхгаузена – психо-соматический синдром.

– Вы прописывали ему какие-нибудь лекарства?

– Да, конечно. Но мне кажется, что ни отец, ни его дочь сразу же не поверили моему диагнозу, поэтому я не уверен, что мужчина принимал прописанные лекарства.

– А разве вы можете выписывать лекарства, ведь у вас нет своей стабильной практики? – поинтересовался Винстон, сверля своего собеседника глазами.

Хильштейн буквально подпрыгнул в кресле. Взор его стал еще более мрачным, чем был, когда Джек допрашивал его по поводу Теодора Милтона.

– Понимаете, господин инспектор, – осторожно начал доктор, наперед зная, что с головой выдаст все свои секреты, все, что было наработано годами. – Я по-прежнему числюсь практикующим врачом во всех официальных реестрах Штатов, никто не лишил меня медицинской лицензии. Кроме того, у меня есть знакомый врач в Вурджвилле. Я пользуюсь его услугами, когда выписываю рецепты своим больным. Он выдает мне свои бланки.

– А подпись. Ведь подпись на них не его – Винстон по-настоящему заинтересовался неожиданно нарисовавшимся из ниоткуда криминальным делом.

– Стараюсь подделать подпись под его – совсем уже упавшим голосом с мелкой дрожью ответил Хильштейн.

– А как имя вашего «друга»? – задал Джек вполне логичный в данной ситуации вопрос, загадочно прищурился.

– Не скажу – севшим с хрипотцой голосом парировал горе-доктор. – Ни за что. И вообще, у вас нет ордера на мой допрос по этому поводу.

Хильштейн, наконец-таки, вспомнил все свои права гражданина США и попытался пойти на штурм.

– Хорошо, хорошо – как можно вежливее ответил Джек, тоже вспомнив закон о неприкосновенности личности, и решил свернуть зашедший не в то русло разговор. – На этом, я думаю, наш разговор можно считать оконченным. Еще раз спасибо. До встречи.

Винстон встал со своего стула и добродушно протянул руку для рукопожатия, мысленно представляя снова потную ладонь доктора, отчего его даже передернуло.

Старший медицинский сотрудник (оказавшийся к тому же еще и практикующим врачом) Хильштейн довольным тем, что его экзекуция окончена, тоже встал и с неподдельным удовольствием пожал протянутую Джеком руку. Как и ожидал Винстон, рука оказалась донельзя мокрой, липкой и сколькой.

«Вот мерзкий слизняк!» – с неподдельным раздражением и тошнотворным чувством подумал Джек.

Уходя из лаборатории, Винстон в очередной раз задел какие-то колбочки, баночки, штативчики и, конечно же, свой любимый прибор в центре комнаты, который издал свои громогласные, устрашающие звуки и, как-то на полуслове, полузвук, подозрительно замолк. Джек не на шутку испугался, что, в конце концов, окончательно повредил прибор (а стоять он мог, по прикидкам самого Винстона, несколько его годовых содержаний и выплачивать ущерб ему ой как не хотелось). По пути к двери он пару раз обернулся, чтобы убедиться, что прибор «ожил», но до самого выхода приборная панель устройства была темной, без каких бы то ни было признаков жизни. И этот факт окончательно расстроил инспектора. И задание «тухлое», и место мрачное, да еще и приобрел здесь кучу проблем напоследок.

Тем не менее, уже стоя в дверях, Винстон еще раз круто повернулся на каблучках, вперился взглядом в Хильштейна и сказал.

– А по поводу поддельных рецептов я еще загляну сюда, но уже со всеми положенными документами и полномочиями – и, не дожидаясь ответа осто́лбеневшего Хильштейна, Винстон вышел прочь из лаборатории.

Весь обратный путь до своего авто Джек думал о той незнакомке, которую так бесцеремонно вытолкнул из кабинета этот «слизняк» в белом халате. Несмотря на всю внешнюю привлекательность девушки, его занимало совсем другое. Зачем она приходила сюда? Что хотела от медицинского сотрудника Центра, в чьи обязанности входит лишь осмотр трупов, трупов, а не живых людей? Что она планировала получить от него? В то, что Хильштейн лечил когда-то ее тяжело больного отца и поставил ему неправильный диагноз, Джек не верил, как и во всю рассказанную им историю от начала и до конца. Здесь явно была какая-то загадка, ответ на которую мог быть весьма неожиданным. В этом он ни капельки не сомневался. Джек уже и забыл основную цель своего визита в Центр Скорби, полностью сосредоточившись на таинственной незнакомке. Наконец, Джек вспомнил, зачем сюда приезжал, соединил все это с разыгравшейся на его глазах картиной, и у него возник резонный вопрос.

«Интересно, а стоит ли говорить об этом инциденте с незнакомкой комиссару?» – задал сам себе этот вопрос Винстон. Ведь формально инцидент не был связан с допросом Хильштейна по поводу причины смерти Теодора Милтона. Но с другой стороны, он точно связан с личностью самого доктора. Поэтому Винстон пришел к логическому выводу, что обо всем здесь увиденном, услышанном и, самое главное, подмеченном, необходимо было доложить комиссару Стэмпу.

Всю дорогу, пока его тудяга «шевроле» со скрипом преодолевал колдобины подъездного пути, Винстон продолжал обдумывать ситуацию вокруг муниципального Центра Скорби. В особенности, отдельного его сотрудника. Изредка Джек раздражался тирадой из нецензурных выражений в адрес всей этой чертовой дороги и всех ее строителей, когда машина в очередной раз ухала в какую-нибудь чрезмерно большую яму или переползала через высокий ухаб. Наконец, «шевроле» выехал на ровную автостраду и неспешно покотился в сторону полицейского участка.

Прибыв в участок, Винстон тут же направился в кабинет комиссара, чтобы передать ему копию диктофонной записи допроса Хильштейна, а также доложить обо всем случившемся в Центре. Но, к его великому сожалению, начальника не оказалось на рабочем месте. Тогда Джек вернулся к себе (выяснилось, что кабинет инспекторов был пуст) и, запустив компьютер, вновь погрузился с головой в файлы по делу о «домашних роботах», полностью отключившись от всех пережитых сегодня в Центре Скорби эмоциях и мыслях, словно всего этого и не было, что все это было кошмарным, глупым сном. От этого ему даже как-то чисто физически полегчало, словно бы он, как совсем недавно допрашиваемый им самим Хильштейн после допроса,

сбросил со своих плеч непреодолимый груз, состоящий из смеси мерзости, тошнотворности и ощущения какой-то неприятной интимности от всего увиденного и пережитого.

...

Вернувшись из кабинета комиссара, Йенс был крайне взбудоражен и продолжал свой воображаемый спор с комиссаром, пытаясь на пальцах тому объяснить, что с его поручением справится даже сопливый школьник, а что уж говорить про Саммервуд. Войдя, даже не так, влетев в кабинет инспекторов, Николас, весь красный от праведного гнева и недавнего спора с комиссаром, тут же бросился к столу Ван Гистона, который в это время что-то щелкал на клавиатуре своего компьютера.

Йенс, высокий, угловатый и от этого выглядящий очень неуклюже, с невообразимым азартом и каким-то особым пылом схватил свой стул, стоявший возле его стола, одним махом придвинул его к столу Ван Гистона и тут же с таким же азартом плюхнулся на него. Некоторое время он продолжал что-то бубнить и причитать, не обращая ни к кому, и только наблюдая, как Рубен работает со своим компьютером. Немного успокоившись, Николас принялся приставать к старшему инспектору юстиции, пытаясь хотя бы ему доказать свою правоту, используя и те доводы, которые только что высказывал в кабинете комиссара, и новые, придуманные им уже по пути сюда. Ван Гистон слушал своего приятеля вполуха, невпопад кивая ему, но все же не отвлекаясь от своего занятия. Йенс усердно, методично втолковывал Рубену, что он был бы полезнее скорее ему, Ван Гистону, поскольку считает именно его поручение очень трудным и опасным, и в то же время, очень перспективным в расследовании исчезновения тела Теодора Милтона. Все эти словесные пируэты сопровождались обильным слюноотделением, отчего Ван Гистону приходилось периодически вытирать свое лицо носовым платком (но тот ни словом, ни жестом не подавал вида, что это ему неприятно, ведь путь к креслу комиссара лежал именно через таких вот «Йенсов», слюнявых, кричащих, а может быть, и просто нудных, но таких нужных и необходимых в определенные моменты). Излив все аргументы в пользу своей версии, и, разбив в пух и прах все контраргументы комиссара, Николас принялся с оживлением расспрашивать самого Рубена по поводу его задания. Ему было интересно с чего тот начнет, что будет делать дальше, с кем из агентов будет встречаться. Рубен отвечал нехотя, при этом растягивая каждое слово, словно информацию из него тащили клещами, обходя стороной опасные темы и сглаживая острые углы.

Наконец, после почти получасовой трепотни ни о чем с Ван Гистоном и, к своему изумлению, поняв, что поручение комиссара никуда не денется и его придется-таки выполнять в любом случае, Йенс твердо решил разделаться с ненавистным поручением в максимально короткие сроки. А для этого надо было спешить.

Николас также расторопно, как и по прибытии в кабинет, встал со стула, вернул его на место, и, впопыхах пожелав удачи Ван Гистону, сел за свой рабочий стол и включил свой компьютер. Доступ к полицейскому архиву был у него на рабочем столе, поэтому он решил начать именно с него и начать именно с патологоанатомов, живших в Вурджвилле или когда-либо посещавших город в последние десять лет.

Задав параметры поиска, Йенс откинулся на спинку стула и принялся ждать ответа машины. Сверхбыстрая махина почти мгновенно выдала ему результаты поиска.

Оказалось, что кроме уже упомянутых в докладе Редлиффа Криса Монтье – нынешнего муниципального патологоанатома городской больницы и Джона Ватерсона, его предшественника, в Вурджвилле проживал еще добрый десяток людей с медицинским образованием и когда-то работавших по специальности. Некоторые совсем недолгое время, а некоторые, и вовсе, познавали премудрости судебной хирургии только во время обязательной медицинской практики. Между тем, даже такие сравнительно небольшие познания в области строения чело-

веческого организма и опыт по вскрытию живой плоти, могли дать им всем возможность совершить данное преступление. Похитить тело Милтона, а в дальнейшем его расчленить, чтобы получить необходимые человеческие органы и передать полученные биоматериалы заказчикам преступления. И это были только те люди, которые в настоящее время жили непосредственно в городе, а еще почти тридцать с лишним человек покинули родные края и разъехались по всем концам страны.

Прямо с ходу Йенс накопил больше десятка фамилий местных жителей, имеющих медицинское образование, сопряженное с судебной медициной. А ведь еще были и обычные медики, которые также проходили практику по прикладной анатомии. А еще ветеринары, фармацевтические работники, биоинженеры и так далее. Николас был поражен размахом выпавшего ему поручения. Он и не представлял себе, какой здесь огромный фронт работы.

«Да, это тебе не в носу ковыряться. Саммервуд здесь бы, наверняка, не справилась. Правильно, все-таки, комиссар сделал, что поручил это задание мне. Хотя... Все равно, не мое это, не мое. Но, ничего не попишешь. Поручили мне – значит надо исполнять» – вздохнул Йенс и принялся настукивать по клавиатуре.

Он задавал все новые и новые параметры поиска, а машина каждый раз выплевывала новые имена, адреса, семейные положения, места работы всех потенциальных подозреваемых. Под конец, когда Николас уже исчерпал весь свой запас фантазии для того, чтобы придумывать для извлечения из архивных данных новых специальностей, имеющих хоть малейшее отношение к практической медицине, у него в распечатанных бумагах числилось порядка ста пятидесяти имен людей, возможно имеющих отношение к расследованию дела.

Переворотив всю стопку бумаг и бегло окинув их печальным взглядом, Николас еще раз вздохнул, представляя себе весь фронт работы и уже потихоньку смиряясь с мыслью, что быстро выполнить это задание ему никак не удастся. Затем он убрал документы в стол, с силой захлопнул дверцу ящика и собрался отправиться в городской архив, чтобы уже в их недрах накопать еще такое же количество фамилий людей с медицинским или около медицинским образованием, способных совершить либо быть причастными к совершению преступления по похищению трупа Милтона.

Сейчас Николаса смущал только один факт – чтобы прорваться в городской архив и поработать там с личными данными горожан, а особенно приезжих, был необходим именно допуск к работе с личной информацией. Ему это доходчиво вдолбили еще во времена его учебы в полицейской академии. Пресловутая поправка к Конституции Санди-Вендика от 20** года о неприкосновенности личности и защите конфиденциальной информации каждого добропорядочного гражданина. Благодаря именно этой поправке все личные данные всех граждан США были глубоко засекречены. И доступ к ним был возможен только по спецдопуску. На закате президентских правлений Джорджа Буша-младшего и Барака Обамы, эпохи так называемого «мирового терроризма», а попросту говоря, эпохи глобальной слежки за всеми гражданами США и, в особенности, за приезжими чужаками, начавшейся после терактов 11 сентября 2001, когда два авиалайнера врезались в башни-близнецы в Нью-Йорке и разрушили их, а третий протаранил здание Пентагона (конечно же, все произошло не без помощи политической верхушки США и руководства его главных разведывательных и контрразведывательных управлений), когда все основные права и свободы, гарантированные Конституцией и Биллем о правах были растоптаны и почти стертые, граждане США в лице их представительных органов управления стали потихоньку задумываться над дальнейшей судьбой страны и ее граждан. В это самое время на свет и появилась знаменитая поправка Санди-Вендика, гарантировавшая всем жителям Соединенных Штатов свободу от несанкционированной слежки за ними со стороны спецслужб и ограничения их прав и основных свобод. В распоряжении полицейских оставалась только оперативная информация, но этого, обычно, хватало, чтобы навести справки об очередном негодяе, появившемся на просторах Вурджвилля. Но в данной ситуации отделаться

такой скудной информацией не представлялось возможным. Поэтому нужен был спецдопуск. Этот допуск выписывал лично окружной шериф по ходатайству шефа полиции. Субботный день был для шерифа выходным днем, да и начальник полицейского участка тоже отдыхал дома. И, если вопрос с ходатайством начальника участка можно было хоть как-то урегулировать (снова отправиться к комиссару, бить ему челом, чтобы тот позвонил начальнику и договорился о личной встрече с Йенсом), то с окружным шерифом было гораздо сложнее.

«Хотя» – весело подумал Николас. – «Ведь Стэмп знаком еще и с мэром, ну а тот уж как-нибудь закроет эту тему. Тем более, как только что сообщил сам комиссар, власти тоже кровно заинтересованы в раскрытии этого дела. Но все же следует поспешить, время поджимает».

Перед тем, как отправиться к комиссару, выйдя из кабинета инспекторов, Йенс посмотрел на часы в своем смартфоне. Оказалось, что за всей словесной трепотней с Ван Гистоном, за поиском и распечатыванием данных полицейского архива прошло больше двух часов. Сегодня была суббота, и Николас не был уверен, что городской архив вообще работает, а если и работает, то, наверняка, по сокращенному рабочему графику. В очередной раз, тяжело вздохнув и мысленно проклиная полученное задание, он вернулся в кабинет, нашел в справочнике номер телефона городского архива и набрал номер. Перед тем как на другом конце провода сняли трубку, прошла добрая минута, и Йенс уже отчаялся попасть сегодня в архив. Но, к его неожиданной радости на звонок ответил женский голос. Голос был сонным и каким-то потрепанным, как показалось Николасу.

– Городской архив Вурджвилля, слушаю вас – женщина, говорившая с сильным азиатским акцентом, растягивала каждое слово, чем очень взбесила Йенса.

– Здравствуйте, меня зовут Николас Йенс – младший инспектор юстиции отдела уголовного преследования полицейского участка Вурджвилля – протараторил Николас, стараясь как можно быстрее изложить суть разговора и, по возможности, договориться о посещении.

– Очень приятно – съязвила женщина из архива. – И чем могу быть полезна?

– Мне хотелось поинтересоваться у вас, до какого часа вы работаете? Мне позарез нужно поработать с вашим архивом личных данных граждан.

Едва заслышав о личных данных граждан, архивариус, как будто бы оживилась.

– А вам известно, молодой человек, что для работы с этими данными требуется специальный допуск, согласованный шерифом?

Сильный акцент собеседницы и ее навязчивое стремление затянуть разговор как можно дольше ужасно раздражали Йенса, который начал терять самообладание, но вовремя спохватился.

– Да, миссис... – начал Николас и тут же осекся.

– Ван – невозмутимым голосом поправила его женщина-архивариус.

– Миссис Ван. Я прекрасно проинформирован об этом. Я только хотел спросить у вас, сколько времени у меня еще есть в запасе. Когда закрывается архив?

На другом конце молчали, видимо, обдумывая ответ или просто совещаясь с кем-то, потому что младший инспектор в трубке слышал возню и тихие переливы внутреннего телефона. Наконец, миссис Ван соизволила ответить Йенсу на его вопрос.

– Я поняла вас, мистер Йенс, – Николас был весьма удивлен тем, что женщина с ходу запомнила его имя, но голос женщины стал более собранным и весьма сдержанным. – Сегодня, и только для вас, мы работаем до того момента, пока вы сами не закончите.

Николас не поверил своим ушам. Городской архив, такая неповоротливая, упертая громада, будет работать столько, сколько ему это будет нужно. Признаться честно, поначалу он был польщен этим обстоятельством. Но вскоре догадался, что комиссар уже проработал этот вопрос и договорился с кем надо, чтобы дать ему, Йенсу, возможность сегодня же довести свое поручение до конца.

– Я понял вас. Спасибо. До встречи. – коротко, словно автоматной очередью, попросался Николас со своей собеседницей и повесил трубку.

Пулей вылетев из кабинета, Йенс напрямик направился в кабинет комиссара. Но его ждало разочарование. Стэмпа уже не было на рабочем месте.

«Проклятье» – в горячках с досадой подумал Николас. – «Опоздал. Что делать? Надо срочно звонить Стэмпу».

Именно так он и поступил. Ждать, тем не менее, ему пришлось довольно долго. Наконец, комиссар соизволил ответить. Как показалось Йенсу, начальник был чем-то весьма озабочен. Только со второй попытки он понял, о чем его спрашивает младший инспектор. Зато поняв, быстро решил эту проблему, направив Николаса напрямик в контору шерифа, где уже лежал именной допуск для работы с личными данными горожан в городском архиве, выписанный на имя Йенса.

«Вот ведь, старый чертяка, – весело подумал Николас. – И тут он уже все решил. Когда же это он все успевает? Ведь посмотришь на него – ну увальень увальнем».

Младший инспектор Йенс, совсем недавно окончивший полицейскую академию и устроившийся в отдел уголовного преследования, еще не обзавелся своим собственным железным конем. Вернее будет сказать так, у него, еще во времена учебы, был старый-престарый «мустанг», времен «маскл-каров», который Николас купил на собственные деньги, заработанные им во время летних каникул в автомастерской у своего дяди. Работал он с невероятным для себя рвением, даже с каким-то упертым ожесточением. Ему так хотелось купить себе машину, что он работал в две смены. За месяц работы Николас совсем похудел, даже родные с трудом узнавали его. Но он, все-таки, сделал это. Правда, приобретенная машина оказалась далека от того мускулистого агрегата, который рисовал в своем воображении сам Николас. Битый, очень проржавевший местами кузов с бесчисленным количеством сколов разных размеров и степени трухлявости, прокуранный салон автомобиля с полуистлевшими креслами и с полностью неисправными приборами на панели, да и фары были не все. Особенно выделялась одна – она буквально вываливалась из своего крепления, держась исключительно на электрических проводах, придавая автомобилю вид неведомого зверя, подбитого в схватке с еще более сильным и злым противником. Но каков был силовой агрегат. О, это было просто чудо! Работал как часы, извергая из своих необъятных многолитровых недр густой басовитый рык. Именно это и подкупило молодого Николаса. Но первый опыт Йенса оказался провальным. Его «мустанг» не продержался и года. Несмотря на все титанические усилия своего хозяина восстановить автомобиль до более менее приличного состояния, машина упорно продолжала ломаться с еще большим усилием, чем Николас ее воссоздавал. Подводил даже безупречный мотор. В конце концов, Йенсу уже нечего было восстанавливать – «мустанг» устал от своей долгой жизни и поломался окончательно. Николасу не оставалось ничего другого, как продать свою рухлядь на металлолом. И теперь он передвигался по Вурджвиллю по большей части пешком, хотя не брезговал поклянчить у своих коллег, чтобы те его подкинули до нужного места. Хотя, справедливости ради, стоит отметить, что это получалось у него плохо и Николасу, чтобы куда-то добраться, приходилось идти пешком, изредка пользуясь услугами общественного транспорта.

Сегодня он решил прогуляться по весеннему городу пешком, благо контора шерифа находилась неподалеку. Выйдя из полицейского участка, Николас полной грудью вдохнул морозный, влажный городской воздух, вспомнил запахи детства и напрямик отправился к шерифу. Своими длинными ногами Йенс с каждым шагом отмерял довольно приличное расстояние, лавируя между многочисленными лужами на асфальте. Со стороны это напоминало игру ребенка с циркулем, когда дитя, развлекаясь, по чистому листу бумаги поочередно переставляет концы прибора. Действительно, долговязая шпалообразная фигура младшего инспектора издали была чертовски похожа на этот чертежный инструмент.

Через десять минут, миновав глухую оборону миссис О`Саливан, пожилой седовласой негритянки, помощника шерифа, по большей части по бумажным делам, но по ее сугубо личному убеждению самого главного помощника, стоя на крыльце конторы шерифа Николас радостно сжимал в руках свой именной спецдопуск к работе с личными данными горожан, подписанный лично окружным шерифом Вурджвилля. Он тяжело перевел дыхание, сбившееся в неравном бою с миссис О`Саливан, и направился в городской архив. Теперь же он решил воспользоваться услугами муниципального транспорта. Во-первых, чтобы сократить время на дорогу (ведь расстояние до здания архива было немалым), а, во-вторых, чтобы подольше поработать в самом архиве и надолго не задерживать его служащих, которым и так в сокращенный рабочий день выпало такое «счастье» в виде сверхурочной работы. Ему уже сейчас было невыносимо стыдно и за свою проклятую работу, принесшую его сюда по долгу службы, и за свое никчемное, мелкое, никому не нужное поручение.

Старый автобус, скрипя, ухая и выплевывая из выхлопной трубы несметные клубы едкого черного дыма, тяжело отъехал от остановки, оставив Йенса в полном одиночестве, один на один и со своим поручением, и со своими угрызениями совести. Улица перед городским архивом была совершенно пустыня. И это неудивительно, ведь здание архива находилось на самой окраине города, на загородном шоссе, ведущем на Канзас-Сити. Жилые дома остались далеко за пределами видимости, и лишь мимолетно пролетающие машины напоминали о том, что цивилизация где-то рядом.

Серое с красным унылое здание архива, весьма большое по размерам, было построено из местного гранита. И, несмотря на то, что являлось новостройкой, было выполнено в стиле а-ля вашингтонский Капитолий, чтобы своей мрачностью и тяжеловесностью напоминать всем окружающим о величии и, одновременно, секретности и закрытости тех материалов, которые были сокрыты за его стенами.

Порог секретности начался для Йенса уже возле входной двери, сразу же за тем, как он поднялся по высоким трехуровневым каменным ступеням, широко раскинувшимся прямо перед зданием архива. Суровый мужской голос робота-охранника предложил ему сначала приложить свой полицейский жетон к одному из сенсорных окошек справа от бронированной двери. Затем, через пару минут, когда автоматика проверила данные жетона и сличила их с полицейской базой данных, уже любезнее, предложил Николасу приложить свой именной допуск к работе с личными данными к другому сенсору, располагавшемуся справа от первого. Йенс спокойно выслушал все инструкции автоматического охранника, выполнил все его распоряжения и снова принялся ждать. Еще через несколько минут, он услышал внутри двери глухой металлический щелчок, после которого огромная пуленепробиваемая и взрывоустойчивая махина чуть-чуть приоткрылась, безмолвно приглашая посетителя самому открыть ее полностью и пройти внутрь.

Холл, как и ожидал Йенс, был невероятно огромен, в нем невыносимо пахло сыростью с примесью чего-то сладкого, может быть шоколада. Стены и пол были облицованы серым мрамором, причем пол был еще и до блеска отполирован. На стенах по всему периметру располагались огромные псевдоколонны из того же мрамора, в очередной раз подчеркивающие величие и одновременно мрачность этого казенного здания. Под высоким сводом потолка тускло мерцали светодиодные лампочки, периодически менявшие свой цвет, от светло-голубого, до ядовито-фиолетового. Но, несмотря на эти цветоизменения, общий цветовой фон в холле оставался прежним, потому что все лампочки меняли свои цвета синхронно, но каждый раз при смене общее количество лампочек, светивших тем или иным оттенком, оставалось одинаковым. Причем самих лампочек было ровно столько, чтобы обеспечить в помещении легкий полумрак, сквозь который было видно все, правда, словно бы в тумане. И это очень мешало. На противоположной от входной двери стене находилось гигантского размера прямоугольное сверху-вниз информационное табло, на котором красной разметкой светилась карта самого

архива, а под ней такими же красными буквами и цифрами светились названия всех отделов архива и, что самое главное, красовалась поправка к Конституции США Санди-Вендика от 20** года о неприкосновенности личности и защите конфиденциальной информации каждого добропорядочного гражданина. Поверх табло висел плакат с оптимистической надписью: «Сохраним историю Вурджвилля для будущих поколений!». Прямо под всей этой тяжеловесной конструкцией располагалась большая дубовая стойка, которая, тем не менее, по сравнению с информационным табло выглядела просто миниатюрной. По ее центру располагалось высоченное кресло тронного вида, на котором восседала, по другому и не скажешь, маленькая тщедушная фигурка той самой китаянки, с которой Николас только что беседовал по телефону. По левую сторону от стойки располагался небольшой отгороженный закуток с кучей вешалок, на которых одиноко висели вразнобой парочка пальто и несколько разномастных курток различной длины, из чего Николас сделал вывод, что это архивный гардероб, хотя специальных табличек нигде не было видно. Больше в холле ничего не было. Абсолютно ничего, даже стульев и столов для посетителей, и от этого помещение холла казалось еще больше громоздким, а стойка и закуток еще мельче.

Чтобы подойти к стойке, где сидела миссис Ван, Йенсу пришлось отмерить своими невероятными прямыми ходулями добрых три десятка метров (холл был действительно огромен).

– Добрый день, миссис Ван, – поздоровался Николас. – Я Николас Йенс, младший инспектор юстиции, я звонил вам сегодня.

Он протянул хозяйке стойки свой именной допуск.

– Здравствуй, мистер Йенс, – голос китаянки был неприветлив и сух. – Сейчас я провожу вас.

Она взяла карточку, внимательно изучила ее содержимое, покрутила ее в руках, повертела и нехотя вернула хозяину.

На вид миссис Ван было около пятидесяти лет. Невысокого, не более пяти футов, роста, невероятно сухая, до болезненности, с черными с проседью волосами, забранными в аккуратную коковку и скрепленными изящной спицей с фигуркой дракона. При ходьбе женщина заметно прихрамывала на правую ногу и была вынуждена пользоваться тростью. Да, да, именно тростью, причем мужской. Почему миссис Ван не использовала простой медицинский костыль, осталось для Йенса загадкой. Каждый ее шаг, каждый ее стук тростью гулким эхом отражался от стен безмерного холла.

– Молодой человек, можете раздеться в нашем служебном гардеробе – также сухо предложила миссис Ван, указывая на тот самый закуток с вешалками.

Йенс не преминул воспользоваться советом китаянки, поскольку в архиве было действительно жарко и очень душно. За те несколько минут, которые Николас провел здесь, он уже изрядно вспотел, тело под одеждой ужасно чесалось. Мгновенно юркнув за перегородку, младший инспектор юстиции быстро, хотя и весьма неуклюже с виду, стянул с себя синтепоновую куртку, длинный узкий шарф и кепку. Тут же повесил все свое добро на свободную вешалку, коих было превеликое множество, и вышмыгнул из закутка. Скорым шагом он принялся нагонять свою провожатую.

Миссис Ван уже стояла перед очередной высоченной бронированной дверью, с панелью датчиков сбоку. Войдя в холл, Николас даже и не заметил эту громадину, находившуюся на противоположной от входной двери стене, в левом дальнем углу.

Китаянка, поджавши свои тонкие губы в линию, с укоризной посматривала в сторону Николаса, когда тот спешно подходил к ней, давая тем самым ему понять, что время не резиновое, а если он собирается здесь хоть что-нибудь выяснить, да разузнать, то надобно было поторапливаться.

Подойдя к бронедвери, Йенс тихонечко понурил голову, снова почувствовав острый приступ угрызения совести от того, что сегодня выходной рабочий день для сотрудников архива

может существенно затянуться. На то, что и ему сегодняшним вечером придется вкалывать сверх нормы, Николас не обращал абсолютно никакого внимания. К этому он уже привык за недолгую карьеру в отделе уголовного преследования, но напрягать других людей, видеть их косые, полные ненависти и яда взгляды, всем нутром ощущать их злобу, это было выше его сил. Даже, не то, чтобы ему было жалко этих людей. Ему, по большому счету, было на это наплевать. И только ощущение всеобщей ненависти совершенно посторонних людей, обращенное лично в его, Йенса, адрес, приводили Николаса в жуткий, неопи́сываемый, прямо животный ужас и теснило в маленькой совести младшего инспектора и наплевательское отношение к людям, и пренебрежение чужими интересами.

Миссис Ван, загораживая своим телом от Йенса светящуюся цифровую панель сбоку от бронедвери, над чем-то колдовала, всячески при этом причмокивая и бубня себе что-то поднос, не то заклинания, не то просто какую-то веселую песенку на китайском языке. Слов Йенс разобрать не мог, поэтому все то время, что китаянка провозилась с кодом двери, стоял, разглядывая пустой холл, блестящий пол у себя под ногами. Но особенно ему приглянулись светодиодные лампочки под сводом, так загадочно менявшие свои оттенки. Николас стоял слева сбоку и чуть позади миссис Ван и внимательно наблюдал за всеми действиями китаянки. Свою трость, архивариус, повесила на левый локоть. И, несмотря на то, что трость явно мешала женщине работать с кнопками на дисплее, она ни на минуту не расставалась со своим орудием. Поначалу Николас хотел предложить миссис Ван подержать ее увесистую трость, но, потом, понял, что она ни за что на свете не согласится на его помощь и принялся просто ждать. Вскоре дверь в хранилище распахнула свои объятия, пропуская посетителей внутрь еще более темного, и еще более огромного, чем холл, помещения.

Да, помещение было действительно монументальным. Причем, высота потолков была такой же, как и в холле, возвышаясь куполом ввысь. А вот пол был намного ниже уровня порога входной двери, и чтобы добраться до одной единственной в помещении рабочей кабины для посетителей, необходимо было преодолеть сначала небольшую квадратную площадку, вымощенную черным мрамором с прожилками, сразу же за дверью и почти десять ступенек, выполненных из того же мрамора. Входная дверь располагалась в левом углу хранилища, поэтому две стороны площадки примыкали к стенам, а с двух других ниспадали мраморные ступени. Само помещение хранилища было разделено на две неравные части параллельно располагавшейся к двери стеклянной перегородкой, причем меньшая часть, находящаяся между перегородкой и входной дверью, была предназначена для посетителей, а большая часть – была вместительным сверхмощного нейронного компьютера, центра обработки данных всех горожан Вурджвилля и гостей города. Стены и пол помещения были обшиты звукопоглощающим материалом светлокоричневого цвета, поэтому, когда Николас и миссис Ван вошли в хранилище и закрыли за собой тяжеленую дверь, звуки их шагов и, особенно, ударов трости миссис Ван по мраморным ступеням не вызывали здесь каких-либо эхоподобных явлений. Да и вообще, даже человеческий голос в хранилище звучал как-то по особенному, слегка приглушенно. Поначалу, Йенс подумал, что у него заложил уши, но постепенно привык к новому ощущению звукопередачи.

В хранилище было действительно темнее, чем в холле. И дело здесь было не только в том, что в отсеке для посетителей было намного меньше светодиодных лампочек, также меняющих оттенки освещения. Их яркость была искусственно еще более приглушена, чем в холле. В хранилище также ужасно пахло сыростью, но здесь, в отличие от холла, к этому запаху пришивался едкий запах жженой пластмассы и проводов.

Войдя в хранилище, Николас посмотрел сквозь стеклянную перегородку, за которой находился мозговой центр всего городского архива. Его нейронные соединения, трудившиеся без устали и день, и ночь, перегоняя килобиты и байты, соединяя маленькие элементы информации в огромные блоки и закидывая их в сокровенные уголки искусственного интеллекта, мигали разноцветными огоньками, будто ночные мотыльки порхали с цветка на цветок.

Вся информация из всех городских служб и ведомств, словно бы, по невидимому трубопроводу, стекалась сюда и обрабатывалась нейронным суперкомпьютером. Все ненужное и второстепенное тут же отсекалось еще на приеме, более важная информация дополнительно обрабатывалась и группировалась по особым и различным критериям. Но это вовсе не означало, что первоначально отсеченные данные бесследно и безжалостно уничтожались. Ни в коем случае. Ни одна крупница той информации, что попадала в городской архив, не пропадала даром. Все тщательно просеивалось и оседало в «аппендиците». Так работники архива называли самые дальние и труднодоступные закоулки суперкомпьютера. И в случае запроса тут же «выплывалась» на огромный плоский монитор внутри кабины.

Миссис Ван, молча проводила Йенса до полупрозрачной кабины, застекленной лишь с трех сторон. На месте четвертой была пустота, отсутствовала даже дверца. Только потом Николас понял, почему кабина не была полностью изолирована. После нескольких часов работы с архивными данными, когда нейронная машина с каждой секундой пригоняла все новые и новые порции информации, ни на мгновение не останавливаясь, температура в кабине выросла до нетерпимой, почти удушающей. И это несмотря на два огромных кондиционера внутри кабины. Поэтому отсутствие стенки и двери значительно снижало температуру, и позволяло посетителям доработать до конца.

Миссис Ван, проводив Йенса до кабины и настроив ему монитор, устроилась поудобнее неподалеку (оказалось, что между кабиной и стеклянной перегородкой стояло кресло) и стала изображать, будто она спит. Полупрозрачные стенки кабины позволили Николасу рассмотреть китайянку, сидевшую в кресле, получше и отчетливо заметить, что она вовсе не спит.

«Долг превыше всего. Даже поспать спокойно не дают» – хмыкнул Йенс и постарался полностью сосредоточиться на работе, хотя по-прежнему считал, что все это пустая затея.

Пред взором Николаса всплыл гигантский контур клавиатуры, содержащий наравне с вполне обычными кнопками множеством непонятных кнопок, на которых были изображены какие-то затейливые узоры, графики и аббревиатуры, смысл которых он так и не смог понять, даже проработав за монитором несколько часов. Поэтому младший инспектор постарался не использовать эти загадочные кнопки, обходясь знакомыми, привычными для любого пользователя компьютером, клавишами.

Немного по привыкнув к необычной раскладке, Йенс принялся работать своими длинными крючковатыми пальцами, выстукивая по клавишам, формулируя запросы, аналогичные тем, что задавал полицейскому архиву. Но данные, которые выводились на огромный монитор здесь, были куда объемнее, чем в участке. Здесь были фамилии сотен врачей и людей, имевших хоть какое-то отношение к традиционной медицине. Еще больше было людей, косвенно связанных с хирургией, и имевших дело с медицинскими опытами. Это были и ветеринары, и генные инженеры, и робототехники, и еще бог весть какие-то профессии, о существовании которых Николас и представления не имел до сегодняшнего дня. В файлах была почти вся информация об этих людях, во всех мельчайших подробностях, о которых Йенс и мечтать не мог.

Несмотря на всё быстрое действие архивного суперкомпьютера, ему понадобилось достаточно много времени, чтобы отработать все запросы младшего инспектора юстиции. Наконец-то, почти через два с лишним часа, два невероятно долгих часа, Николас, взмыленный, измученный от невыносимой и удушающей жары, царившей в кабинке, почти выдохшийся от нервного напряжения, уже слегка подслеповатый от нереально яркого монитора, дождался последнего файла, «извергнутого» из недр нейронного супермонстра, в котором содержались сведения о людях, имеющих любое отношение к хирургическим опытам. Но, это была только середина работы. Теперь же было необходимо перелопатить весь этот материал и отыскать в нем данные обо всех этих гражданах, которые могли находиться в предполагаемое время совершения преступления в Вурджвилле.

И снова закипела работа. И вновь Николас застучал своими несуразно длинными пальцами по клавишам контура, задавая архивному компьютеру новые задачки, на которые желал получить ответы. И машина затарахтела. Огоньки по нейронам за стекляннóй перегородкой снова забегали быстрее и ярче. И все началось сначала – файл за файлом. Только на этот раз исходных данных, с которыми ему пришлось работать, было куда меньше, чем вначале сеанса, поэтому «архив» справился куда быстрее. Словно старатель перемывает груды песка, оставляя лишь золотые песчинки, так и суперкомпьютер просеял терабайты данных, оставив в сухом остатке лишь имена, фамилии и регистрационные данные всех граждан, имеющих медицинское и около медицинское образование, и находившихся в предполагаемый момент похищения тела Милтона в городе. На все про все у архивного центра обработки данных ушел еще примерно час работы.

За время нахождения Николаса за монитором, все его конечности ужасно затекли, мышцы невыносимо ныли, его мучила жажда, неизмеримо хотелось пить (он в который раз отругал себя за то, что не прихватил с собой хотя бы маленькую бутылочку минералки). Йенс встал, вышел из кабины. Любоваться работой почти живого архивного организма он уже не хотел, насытившись его видами, время от времени поглядывая на него во время работы сквозь полупрозрачную стену кабины. Он просто решил пройтись и размять застоявшиеся мышцы и сухожилия, а, заодно, и «разбудить» миссис Ван. Вся информация, которую накопил Йенс, была выведена архивом в электронном виде и хранилась теперь в буфере обмена. Теперь наступал самый сложный период работы – работа головой. А этого Йенс никогда не любил. Ну не складывались у него отношения с интеллектуальным трудом. Не мог он долго корпеть над бумагами, выявлять видимые и невидимые параллели, строить всевозможные схемы, догадки, давать ответы на все возникающие вопросы. Не его это было, не его. Вот сидеть в засаде, участвовать в погоне, ловить преступников, рисковать жизнью – это да, работа в удовольствие, хоть и рисковая. Тем не менее, сегодня комиссар поручил ему выполнить именно мозговую работенку и облажаться Йенс не имел никакого права. Поэтому, побродив вокруг кабинки для посетителей и понаблюдав за «спящей» миссис Ван, Николас решил вступить в новую фазу обработки данных.

Николас решительно направился к креслу миссис Ван, благо все его члены хорошо размялись, хотя в ногах еще отчетливо ощущалось покалывание. Китайка по-прежнему сидела в кресле, откинув спинку, и изображала из себя, ну очень плохо, спящего человека. Младший инспектор не стал скрывать своего раздражения происходящим фарсом и, подойдя вплотную к креслу миссис Ван, гаркнул.

– Мне необходимо распечатать данные.

Миссис Ван продолжала играть свою нелегкую роль до конца. Она, пораженная внезапностью и резким тоном своего собеседника, судорожно открыла глаза, охнула, запричитала что-то на китайском языке. Потом, будто бы сообразив, что происходит, перешла на английский язык.

– Молодой человек, что вы себе позволяете? – даже неподготовленному человеку сразу стало бы понятно, что женщина попросту изображает из себя разбуженного и встревоженного человека, на самом деле таковым не являясь. Затем, внимательно взглянув в лицо Йенсу и поняв, что инспектор оценил ее плохое актерское мастерство по достоинству и не захотел бы в дальнейшем приходить на спектакли с ее участием, приняла свой обычный повседневный вид, с которым и встречала Николаса в холле.

– Что вы хотите? Извините меня, но я не расслышала вашего вопроса – миссис Ван опять принялась растягивать слова, чем снова взбесила Йенса.

– Мне надо распечатать полученную здесь информацию – повторил вопрос Николас. – На бумаге.

– Я поняла, что не на папирусе – пробубнила себе под нос китайка, кряхтя и сопя, поднимаясь с кресла.

Было заметно, что она тоже засиделась в своем кожаном гнезде и все ее сочленения также изрядно затекли. Миссис Ван, прихватив с собой трость, демонстративно отвернулась от Йенса и принялась прохаживаться вдоль стеклянной перегородки, отделяющей зал для посетителей от мозгового центра архива, как совсем недавно разминался и сам Николас. Сделав небольшой променад по хранилищу, миссис Ван, прихрамывая и постукивая тростью, вернулась к младшему инспектору Йенсу, стоявшему как вкопанный все это время на месте и замороженно наблюдавшему за всеми телодвижениями китайки. Миссис Ван приблизившись к Николасу, тем не менее, не остановилась возле него, а только буркнула ему, чтобы он следовал за ней, и напрямик отправилась к кабинке для посетителей. Йенс покорно засеменил следом.

Архивариус, по-хозяйски, вошла в кабинку и деловито уселась за огромный монитор. Из-за того, что кабинка была очень маленького размера, места внутри для Николаса уже не осталось, поэтому ему пришлось просто встать в пустой проем, выполнявший роль двери, и наблюдать за стремительной работой пожилой женщины. Та же, в свою очередь, действительно работала со знанием дела, ее пальцы буквально порхали по клавишам и Николас увидел, что миссис Ван свободно пользуется непонятными ему клавишами со всевозможными рисунками, графиками и аббревиатурами.

«Вот что значит опыт и сноровка» – с завистью подумал Йенс. Его задело за живое, что за все три с лишним часа работы за монитором, он так и не догадался о предназначении этих загадочных кнопок, ну хотя бы одной из них.

Через три минуты, женщина сползла с капитанского мостика кабинки и, как показалось младшему инспектору, еще больше хромая и тяжелее опираясь на трость, проковыляла наружу.

– Все. Я распечатала архивные данные.

– Но где же документы? Что-то я их нигде не вижу – удивился Йенс. Он не слышал ни звука работающего принтера, ни шуршания листов выплевываемой бумаги.

– В соседней комнате, где же еще – фыркнула миссис Ван, весьма недовольная такой несообразительностью посетителя, да еще к тому же и полицейского – человека, обличенного властью. В ее тоне явно слышалась критика в адрес собеседника, не знающего, что вся информация, распечатываемая из архивного компьютера, попадает сначала на стол директора архива. Тот, внимательно ознакомившись с содержимым документов, скрепляет все листы и ставит свою визу на первой странице. И только потом, при положительном решении вопроса директором архива, эти данные передаются посетителям.

Именно это и втолковала миссис Ван. Назидательно, обстоятельно, с чувством собственного превосходства над нерадивым соперником. Хорошенечко вправив молодому, неопытному посетителю мозги, миссис Ван заковыляла к мраморным ступеням, ведущим к выходу. Николас, теперь уже осведомленный о работе архива, тут же сообразил, что она направилась к директору архива за его документами, и решил помочь бедной женщине. Чувство вины за испорченный сотрудникам архива субботний вечер, буравчиком застряло в мозгу Йенса и с каждой затянувшейся минутой проникало в сознание все глубже и глубже, создавая буквально физическую боль.

– Миссис Ван, давайте я сам схожу к директору за документами. У меня получится быстрее. А вы посидите пока на своем стульчике, поспите – Николас догнал женщину, остановив ее прямо возле ступенек, и попытался улыбнуться архивариусу, но улыбка получилась какая-то неестественная, кривая.

Миссис Ван остановилась, взглянула на Йенса снизу вверх. В ее взгляде читались нотки назидательного педагога, смотрящего на своего ученика, так и не освоившего преподаваемый им предмет. Несколько секунд она, молча, ядовито сверлила полицейского взглядом. Затем, видимо отчаявшись вернуться сегодня вовремя домой и оттого никуда не торопясь, миссис Ван

снова принялась доходчиво объяснять несмышленишу, что в кабинет директора архива имеет доступ исключительно сотрудник архива, а за копиями документов, вообще, только архивариус, точнее сказать, сама миссис Ван.

Николас стоял как вкопанный, выслушивая наставления китайки, которая, излив очередную словесную тираду о правилах ведения делопроизводства в городском архиве, потихоньку принялась отсчитывать ступеньку за ступенькой вверх, поднимаясь ко входной бронедвери. Йенс остался в хранилище один, после того, как за спиной миссис Ван защелкнулась стальная махина. Ему уже ничего не оставалось, как вернуться в полупрозрачную кабинку, сесть в кресло и уныло ждать, когда вернется китайка и принесет ему распечатанные из архивного центра бумаги. Духота в кабинке немного спала (кондиционеры, без усталости охлаждавшие нейронный суперкомпьютер архива, неплохо справлялись со своей работой), но Николасу все же пришлось расстегнуть пару верхних пуговиц своей рубашки, чтобы те его не задушили. Воротник рубашки был насквозь промокшим, отчего на шее Николаса уже набилась приличного размера кровотокающая рана, от попадания в которую капелек пота, ужасно щипало. В глазах рябило, перед глазами мелькала какая-то зеленая точка, мышцы по всему телу невыносимо ныли, да и голова начинала побаливать.

Минута тянулась за минутой в ожидании миссис Ван с распечатками. Йенс сквозь полупрозрачную стену кабинки и стеклянную перегородку в помещении, наблюдал работу мозгового центра архива без всякого интереса, просто так, по привычке. А там все было по-прежнему – цветные огоньки то начинали судорожно бегать по нейронам суперкомпьютера, то, наоборот, словно бы замирали, застыв на своем определенном месте.

«Видно, обрабатывает очередную порцию поступившей информации» – безучастно подумал Николас, когда в очередной раз клетки супермозга заискрились и по ним забегали цветные огоньки.

По ощущению Йенса прошло не меньше получаса, прежде чем бронедверь снова бесшумно распахнулась и на пороге возникла тщедушная фигурка миссис Ван, в руках которой была тонюсенькая пачка бумаги.

Николас безвольно сполз с кресла в кабинке и также вяло направился навстречу китайки, чтобы взять у нее документы. Однако, миссис Ван снова отказалась от его помощи и проковыляла к кабинке, самостоятельно неся весь ворох распечаток. Затем, волшебным жестом, она откуда-то из-под стола извлекла какой-то журнал, раскрыла его на нужной страничке и предложила Йенсу расписаться в получении копий архивным данным. Младший инспектор юстиции, также без особого энтузиазма, взял из рук миссис Ван шариковую ручку и расписался в двух местах в журнале. После всей этой бумажной волокиты, в руках Николаса оказалась целая книга – все листы распечаток были аккуратно сшиты капроновыми нитками, а на первой странице красовалась прямоугольная синяя печать архива, внутри которой располагалась витиеватая подпись директора архива.

Йенс с полным безразличием (все же сказывалось длительное умственное напряжение в течение нескольких последних часов), приняв от миссис Ван распечатку, поплелся было назад в кабинку, но вовремя остановился. Все, что ему было нужно от городского архива, он уже получил. Теперь ему оставалось только вернуться в полицейский участок и обработать все собранные данные, соединив обе распечатки и каким-то образом систематизировав списки.

– У меня все, миссис Ван, – уныло сказал Николас, возвратившись к миссис Ван, стоявшей, как и прежде, рядом с мраморной лестницей и недоуменно наблюдая за нелепыми телодвижениями младшего инспектора.

Йенс снова попытался улыбнуться и снова улыбка не получилась.

– Еще раз, извините, пожалуйста, за испорченный вечер – он сделал самое виноватое выражение лица, на какое только был способен, но в актерском мастерстве был не силен, хотя

виноватая мина была скорчена им от чистого сердца. – Всего вам наилучшего. Рад был с вами познакомиться. До свидания.

После этого Йенс, по-прежнему ощущая внутри безудержные угрызения совести, тяжело поднялся по мраморным ступеням, не слыша звуков собственных шагов, и нажал красную кнопку сбоку от двери. Раздался глухой щелчок и бронедверь распахнулась. Уже стоя на пороге архивного хранилища, Йенс услышал за спиной уставший голос архивариуса, в котором невероятным образом сочетались усталость и всеобъемлющее, можно даже сказать, врожденное чувство собственного достоинства. Женщина до конца осталась верна себе, несмотря на несколько часов, проведенных в душливой печке и внезапно навалившуюся усталость.

– Всего вам доброго, молодой человек. Надеюсь, в следующий раз вы как следует подготовитесь к визиту в наш архив. Хотя бы прочтаете соответствующие инструкции и распоряжения.

Не оглядываясь, Николас вышел прочь, оставив миссис Ван наедине с почти живым компьютерным монстром и непроницаемой тоскливой пустотой, причудливым образом сплетенной из множества мельчайших нитей различных эпох и миллионов информационных призраков людей, чья информация хранилась в недрах архива.

Быстро одевшись, Йенс выскочил из муниципального архива. Время было уже позднее, на улице совсем стемнело. Морозный весенний воздух немного привел инспектора в чувства. После душного помещения весенний морозец показался Николасу лютый стужей. Его даже перекорежило от резкой смены температурных режимов. Уже на остановке, в ожидании автобуса, он приплясывал, чтобы окончательно не замерзнуть.

«Еще не хватало подцепить какую-нибудь заразу» – в горячках подумал Йенс. – «Проклятая работёнка, проклятое поручение. Ведь все равно, и ежу понятно, это ложный след. А я и себе субботний вечер испортил, и посторонним, ни в чем не повинным людям. Ясно же, как божий день, что трансплантологи или люди, имеющие медицинское образование, здесь вообще ни при чем. Здесь что-то другое. Или и в правду родственники Милтона решили поделить наследство по-своему усмотрению, или все-таки сатанисты, а может быть, какие-нибудь другие оккультные деятели».

Воображение Йенса живо нарисовало ему картинку того, как Ван Гистон идет по следу «черных» сектантов. А может быть, сидит в засаде, поджидая очередного подозреваемого. Какого-нибудь высокого, длинноволосого мужчину, одетого непременно в черные одеяния, со страшным огромным ожерельем на шее и посохом в руке. В любом случае, ему сейчас нужна была помощь. А он, Николас, мучается с какими-то бумажками вместо того, чтобы быть рядом со старшим инспектором юстиции.

В своих раздумьях, Йенс даже не заметил, как подошел автобус. Огромная машина, изрядно уставшая от дневной работы и не скрывающая этого от окружающих, остановилась прямо возле младшего инспектора.

В участке, Николас никого, кроме дежурных полицейских, да горстки подвыпивших горожан в камере, не застал. Все-таки выходной день. В кабинете инспекторов тоже было пусто (Винстон ушел за полчаса до его прихода). Все инспекторы либо выполняли свои поручения, либо, уже выполнив их, отправились по домам.

Включив свет и пройдя за свой стол, Николас извлек из ящика стола свои собственные распечатки из полицейского архива и положил их на стол рядом документами из городского архива, а сам уселся на стул. Некоторое время он просидел в тишине, слушая свое собственное дыхание. Затем, включил компьютер, взял ручку и принялся сводить данные из всех документов.

Неожиданно для себя, Йенс увлекся своим занятием. Это было как решение ребуса. Сначала надо было вычеркнуть из полицейского списка всех горожан, которых на момент предполагаемого совершения преступления не было в Вурджвилле. В начале выполнения своего

поручения, Николас не додумался обработать это в автоматическом режиме. Теперь же на это просто не было ни времени, ни сил. Проще было проанализировать информацию на бумаге и вычеркнуть лишнее. Затем, рассортировать все оставшиеся данные в каком-нибудь порядке. Уставший от чрезмерного напряжения мозг Йенса только и смог выдать один единственный метод классификации данных – сначала распределить всех подозреваемых по профессиям, а затем – каждую профессию в алфавитном порядке. И весь этот список надо было перенести в машинописный вид.

Именно так и поступил младший инспектор. Наконец, после отчаянной и кропотливой работы, на столе Йенса лежали несколько листов машинописной бумаги. На них были напечатаны все данные о жителях Вурджвилля и гостях города, имеющих медицинское и около медицинское образование, которые в предполагаемый момент совершения преступления находились в городе и могли бы совершить данное преступление или быть причастными к его совершению. Список содержал около двухсот пятидесяти имен и фамилий со всей сопутствующей им информацией.

Почти половина списка содержала сведения о людях, имевших прямое отношение к медицине – это были либо действующие медицинские работники, либо получившие классическое медицинское образование. Причем, Николас не стал делить их по конкретным профессиям (были здесь и патологоанатомы, и стоматологи, и сотрудники младшего медицинского персонала больниц и клиник). Вторым по объему в списке, содержащем сведения о подозреваемых, были люди, имевшие около медицинское образование, такое как психологическое, гипнотизерское, ветеринарное, фармацевтическое и так далее. Чуть меньшую часть занимали люди, не имевшие прямого медицинского образования, но по долгу службы связанные с проведением опытов над живыми организмами. Это были генные инженеры, кибер-инженеры, а также различные диагностеры – люди, работающие со всевозможными и очень сложными диагностическими приборами, поэтому имеющими весьма добротное представление об анатомии человека. И наконец, заключительную часть списка занимали люди, имеющие медико-химическое образование, по причине того, что все они проходили практику в моргах и крематориях, знакомясь на опыте с анатомическим строением человека. По возрасту подозреваемых разброс был колоссальным – от двадцатилетних до глубоких стариков (некоторым было больше девяноста лет). По гендерному признаку список делился почти поровну, хотя мужчин было все же немного больше, чем женщин (здесь свою роль сыграли био- и генные инженеры, а также робототехники, куда более охотно шли именно мужчины). Да и по месту проживания подозреваемых список был весьма обширен – в основном, это были жители Вурджвилля, но были и иногородние. От западного тихоокеанского побережья до Нью-Йорка и Флориды. Было даже три иностранца (по одному из Великобритании, Франции и Японии). В общем, было над чем поработать.

Николас, изможденный и обессиленный проведенной титанической работой, тем не менее, радостно, хотя и устало выдохнул, когда перевел получившийся список в машинописный вид, нажал кнопку «ПЕЧАТЬ» на своем компьютере и услышал журчание принтера и шелест распечатываемой бумаги. На этот раз листов оказалось больше, чем после распечатки данных из полицейского архива. Инспектор еще раз бегло пробежал глазами по горячим листкам из своего списка, довольно хмыкнул, скрепил бумаги степлером и убрал получившуюся брошюрку в ящик стола, куда отправил и остальные распечатки, используемые им в качестве исходных черновиков.

За время работы Николас отвлекался трижды: когда в кабинет инспекторов приходили Редлифф (два раза) и один раз прибежал Ван Гистон, в тот самый момент, когда сам Йенс уже дописывал свой список. Рубен был взмылен и чем-то весьма взбудоражен. Николас принялся было, по своему обыкновению, выяснять причину такого его поведения и упрашивать взять его с собой, чтобы помочь и «заняться настоящим делом, а не пустым перебиранием и перекла-

дыванием бумаги с места на место», но получил от ворот поворот. Да и вообще, Рубен не был расположен к пустому сотрясанию воздуха. Йенс вскоре это понял, уловил шестым чувством, и, сильно обидевшись на напарника, вновь вернулся к своим делам.

Дика он ни о чем не спрашивал. Просто перекинулся с ним парой ничего не значащих фраз, спросил как у того дела, много ли он накопал, снова пожаловался на свою долю, высказал свои сомнения по поводу нужности выполняемого им поручения. Но, так ничего не разузнав у Редлиффа относительно его успехов, Йенс снова продолжил работу по составлению списка «подозреваемых лиц с медицинским образованием» – именно так младший инспектор обозвал свое детище.

После распечатывания списка, Йенс еще недолго просидел в участке, бесцельно и бездумно тыча пальцами в клавиатуру компьютера. Его одолевала смертельная усталость. По всему телу инспектор ощущал свинцовую тяжесть, особенно в конечностях, его мучила невыносимая головная боль, временами вызывавшая приступы головокружения и даже тошноты. Ждать комиссара не имело никакого смысла. Даже если тот и придет, у Йенса просто нет физических сил, чтобы как следует доложить всю собранную им информацию и мало-мальски изложить картину происходящего, а в электронной почте всего не учесть. Поэтому он решил заняться этим завтра с утра. Николас был просто убежден, что следующая «летучка» по расследованию исчезновения трупа Милтона будет именно завтра утром. И уж там он, хорошенечко отдохнув и набравшись сил, сможет выложить все, что накопал за сегодня, всю эту невыносимую и никому не нужную муть про медиков-убийц по порядку, буквально по полочкам. Тогда то и станет понятно всем, что эта информация и яйца выеденного не стоит, что весь вечер, проведенный им в городском архиве, можно просто слить в канализацию. Но все это будет завтра. Сегодня же Йенс решил-таки, вяло собрав вещи и также с ленцой одевшись, покинуть стены родного участка. На прощание он перекинулся парой слов с дежурившим сегодня сержантом Хейлом, высоким темнокожим хмурым полицейским средних лет с необычайно волевым лицом и сплошной линией бровей, восседавшим за стальным бронестеклом. В отличие от своего напарника, лейтенанта Харриса, Хейл никогда не отличался особым чувством юмора и почти всегда болезненно воспринимал шутки в отношении себя. Поэтому даже сам Харрис не спешил подтрунивать над своим сменщиком, попросту опасаясь за собственное здоровье. Да и у Йенса сегодня не было никакого желания шутить, просто ему хотелось поделиться хоть с кем-нибудь, кто имеет отношение к полицейской службе, всей палитрой своих чувств и эмоций.

«Проклятье – в сердцах подумал Николас, выйдя из участка и вдохнув морозный мартовский воздух, – Сегодня же мы договорились с Сандрой, что пойдем в кино! Сколько времени мы уже никуда с ней не выходили. А я ведь ей обещал уже давно. Как это все некстати!»

Но Йенс был словно выжатый лимон. Поэтому куда-то идти, вести непринужденные беседы со своей спутницей ему чертовски не хотелось. Вместо этого он решил на вечер взять себе пару-тройку, а может и все пять, бутылочек темного холодного пива, прихватить побольше жирных гамбургеров, хот-догов и копченых свиных ребрышек, устроиться поудобнее перед телевизором и посмотреть игру его любимых Быков из Чикаго Буллз, которым в этот вечер предстояло сразиться с Бруклин Нетс за выход в следующий раунд плей-офф Кубка Ларри О'Брайена.

«Ничего страшного, позвоню Сандре, перенесу встречу на завтра и все дела!» – Николас был непревзойденным пофигистом, абсолютно уверенным в собственной правоте, всегда и во всем. Для него не было слова «невозможно». Йенс считал, и был полностью убежден в этом, что нет ничего невозможного, что все в жизни можно исправить, подлатать, подделать, законопатить и все вернется на круги своя. Никогда он даже не задумывался над тем, что в жизни есть такие вещи и явления, которые, разрушив однажды, склеить уже будет невозможно. Так было и в этом случае.

Кассандра Кремер, подружка Йенса, была девушкой с крутым характером и строптивым нравом. Очень целеустремленной, готовой положить все на алтарь своего благополучия и материального достатка. Она с детства знала, что будет делать завтра, послезавтра, через неделю, через месяц, через год. Вся ее жизнь была расписана буквально по минутам, вся до мелочей. Танцы, музыкальная школа, кружок рисования и даже кружок юных скаутов, не говоря уже о школьном артистическом кружке. На все у нее хватало и времени, и сил. Она с детства была одержима одной мечтой – стать популярной певицей. И непременно всемирно известной. Именно это и придавало ей необходимые силы для достижения поставленной цели. И это продолжалось до тех пор, пока она воочию не столкнулась с модельным бизнесом. Причем совершенно случайно. Еще в средней школе Кассандра или, как ее называли близкие люди, Сандра, заметила, что очень нравится противоположному полу. Мальчики старались оказывать ей всевозможные знаки внимания при первой же возможности, всячески пытались задирать ее и просто привлекать внимание девушки дурацкими шутками, приколами. И это неудивительно! Молодая мулаточка с кожей цвета шоколада с молоком выделялась среди своих сверстниц не только притягивающим взоры цветом кожи, но и черными длинными густыми мелко вьющимися волосами. Также девочка была обладательницей необычайно больших карих глаз, обрамляемых невероятно длинными ресницами, и чрезвычайно чувственного рта. Сандра быстро созрела и уже в двенадцать лет стала обладательницей шикарной фигуры, доставшейся ей по наследству от мамы-негритянки. Именно в этом нежном возрасте произошло знакомство Кассандры с чудным, но в то же время весьма грязным, подлым и на редкость трудным, миром моды, гламура и ярких афиш. Скаут, отбиривший девочек для участия в конкурсе красоты Мисс Штата, из всех кандидатур в школе, где училась маленькая Сандра, выбрал именно ее в качестве конкурсантки. И не ошибся. На том самом конкурсе Кассандра, конечно же, не победила, заняв лишь шестое место и прихватив с собой звание Мисс Улыбка. Но там ее заметили сразу три модельных агентства, вступивших между собой в нешуточный спор за право маленькой Сандры стать их лицом. Тот самый скаут, который нашел начинающую модель на задворках жизни, был тертым калачиком и не упустил своего шанса, выпадавшего, возможно, раз в жизни. Он пристроил Сандру в агентство, предложившее самое выгодное предложение. Девочка была и сама не против начать карьеру модели. Ей понравилось стоять на сцене, ее ослепили огни софитов, ее ухо ласкал гром аплодисментов, раздававшийся всякий раз, когда ведущий объявлял ее имя. Но все это произошло не сразу, значительно позже. А тогда, там, на сцене, она чувствовала только невыносимый жар тех самых софитов, ужасную неловкость, когда тысячи глаз пялились на нее, и головную боль от грохота аплодисментов и свиста зрителей. И ей все это ужасно не понравилось. Но потом, потом все изменилось. Мистер Лепинский, скаут-агент Сандры, потратил немало времени и сил, чтобы переубедить девочку и подписать-таки выгодный контракт с агентством. Уже после подписания того злополучного договора, Кассандра узнала, что этот слащавый пижон в холщевом пиджаке попросту надул маленькую восходящую звездочку. Собрав все сливки с агентства, он отдал тому девочку в пожизненное рабство на кабальных условиях. И для того, чтобы отделаться от этого ига, у Сандры ушло немало времени, денег и, самое главное, нервных клеток. Кроме того, пришлось напрячь все возможные связи, которыми она обзавелась за время работы моделью. Наконец, ей это удалось, и она стала свободным агентом, вольным заключать договоры на выгодных только ей самой условиях. Но вся борьба отняла у взрослеющей девушки долгие восемь лет жизни. Жизни тяжелой, с постоянными переездами, перелетами, однотипными и второсортными одновременно гостиницами и зачуханными мотелями, бесконечными раздевалками, мучительными дефиле, фальшивыми улыбками безразлично холодных губ чужих людей. После заключения контракта, конечно же, Сандре пришлось распрощаться со всеми кружками и дополнительным образованием. Да и школьная программа, по правде говоря, давалась молодой звезде модель-

ного бизнеса с большим трудом. Учителя ставили ей более-менее сносные отметки только за ее все возрастающую и возрастающую популярность.

На какое-то время девушке пришлось забыть о своей мечте стать певицей. В безумном гастрольном графике не нашлось места для уроков по вокалу. Но вот, сразу же по окончании школы и обретения свободы от ненавистного модельного агентства, Сандра вспомнила о своей сокровенной мечте и с головой окунулась в музыку. Быть моделью, она не хотела ни при каких обстоятельствах. Категорично. Обладая великолепным от природы слухом и хорошими вокальными данными, начинающая певица достигла определенных побед на пути к успеху. Уже через полгода имя Кассандры Кремер звучало по всему штату. Правда, девушка не питала особых иллюзий на свой счет, отдавая себе отчет в том, что зрители приходят на ее концерты исключительно, чтобы попросту поглазеть на известную модель. Но ее это обстоятельство нисколько не тревожило. Выступая на сцене и отдавая себя слушателям без остатка, она получала истинное, ни с чем несравнимое, удовольствие от того, что она делала. И делала, надо отдать ей должное, весьма неплохо.

Единственное чего ей не хватало для хорошей карьеры, так это грамотного агента. Сандра долгое время не решалась начать поиск сценического агента. Тяжелый опыт знакомства с деятельностью модельного агента заставлял девушку быть крайне осторожной в выборе человека, отвечающего за ее деятельность в шоу-бизнесе. Именно в это самое время Кассандра и познакомилась с Николасом Йенсом. Парень был другом ее первого агента, Марка Уотса, которого она, в конце концов, после долгих поисков и разочарований в других кандидатах выбрала своим сценическим агентом. Уотс не был ни выдающимся специалистом в шоу-бизнесе, ни человеком, обладающим какими-то неординарными способностями. Нет. Просто, волею случая, он попался на глаза Сандре в нужное время и в нужном месте.

Подруги девушки никогда не понимали, почему такая яркая, к тому времени уже известная певица встречается с этим несуразным, долговязым верзилой, не имеющим пока ни работы, ни состоятельных родителей. Однако, Николас был другого мнения. Он даже не задумывался над этим, принимая как должное данное обстоятельство. Если Сандра с ним, значит, она так хочет и точка. Действительно, Николас умел общаться с девушками, найти с каждой общий язык. Он был по натуре весельчаком, искрометно шутившим, без умолку балагурившим и знавшим понемножку все обо всем. Их роман развивался стремительно, но так же стремительно Сандра стала остывать к своему ухажеру. После того, как Йенс устроился в отдел уголовного преследования Вурджвилльской полиции, они стали видеться реже (у нее гастролы, концерты по всей стране, у него розыск убийц и бандитов с утра и до поздней ночи). Иногда, они несколько дней не только не виделись, но и не перезванивались. Сам Николас не видел в этом ничего страшного. «Ну, подумаешь, не видимся и не перезваниваемся. Ну и что? Просто мы очень занятые люди и не всегда выпадает время на личную жизнь». Но Кассандра думала иначе. По мере роста популярности певицы Кремер, а вместе с ней и ее благосостояния, Сандра начала задумываться, а стоит ли ей, удачной певице, популярной модели, иметь дело с младшим инспектором полиции, которому, честно говоря, ничего по службе не светило. С каждым днем она все больше и больше отдалялась от Николаса. Даже, в те немногочисленные деньки, когда они были вместе и признавались друг другу в любви, она всем нутром ощущала холод и стену непонимания, возникшие между ними.

И сегодня, когда на Николаса навалилась эта непредвиденная и кропотливая работенка, он даже и представить себе не мог, что подобрался к самому краю своих отношений с Сандрой, за которым нет ничего – ни их отношений, ни любви, ни даже самой Кассандры. Но он ничего этого не ощущал, не задумался над происходящим в последнее время. Поэтому не видел ничего страшного в том, чтобы после изнурительной работы, устав до изнеможения, до головной боли, пойти домой попить пивка и посмотреть баскетбол, отказавшись от запланированной встречи с любимой девушкой.

Именно так он и поступил. Попрошавшись с хмурым сержантом Хейлом и выйдя из участка, Йенс неровными, но по-прежнему семимильными шагами зашлепал по морозцу домой, с наслаждением предвкушая увлекательный просмотр игры и вкус холодного пива, смешанного с копченостями, на языке. По дороге домой он зашел в небольшой магазинчик рядом с домом, чтобы отовариться. Уже из дома, кое-как расставив посуду на столик вокруг дивана и включив телевизор на нужном канале, Николас взял смартфон и позвонил Сандре...

...

После своего телефонного разговора с Раковски и посещения кабинета инспекторов с целью моральной «накачки» подчиненных, Майк вернулся к себе и попытался сконцентрироваться на имеющихся у него на руках уликах. Это была видеозапись плохого качества со стертой частью именно во время предполагаемого совершения преступления, это была странная визитная карточка компании «РОБОЛЕНД и Ко», в которой работает дочь пострадавшего, это были странные записи с камер видеонаблюдения с дома Милтонов и окрестных домов, за несколько часов до предполагаемого исчезновения трупа главы семейства, где дочь Теодора Милтона выносит из дома какие-то тяжелые сумки, а возвращается с почти пустыми, а сын пострадавшего, Филипп, уже через несколько минут после посещения родительского дома выскакивает, если не сказать пулей вылетает, из подъезда, на ходу натягивая верхнюю одежду. Это было и посмертное завещание самого Теодора Милтона. К тому же, странное поведение Сары Милтон, наотрез отказавшейся назвать имя своего ухажера. Все это было очень странно...

Некоторое время Майк просидел в своем кресле, откинувшись на спинку и теребя свои коротенькие усики. Он даже полуприкрыл веки, стараясь сосредоточиться на всех этих вещах. Единственным его опасением было ожидание, не вернется ли опять Йенс и не начнет ли снова свое нытье, пускание соплей и прочие акты самоунижения, лишь бы не идти в архив.

«Да, версия с похищением тела кем-то из родственников на данный момент является наиболее перспективной. Но имеющиеся факты говорят о другом. Возможно, действительно, речь идет, вообще, о еще более страшном и не менее тяжком преступлении – расчленении трупа с последующим избавлением от останков тела. Тогда в качестве потенциальных подозреваемых могут быть только жена потерпевшего и ее дочь, как это отражено на камере, а вовсе не Филипп, который до этого момента был основным подозреваемым, у которого имелся мотив и возможность совершения преступления. Но как же тогда быть с видеозаписями с камер видеонаблюдения на домах по Восточной тридцать первой улице, на которых отражены события в ночь с пятницы на субботу и на которых часть записей была таинственным образом стерта каким-то хитроумным орудием. Конечно, можно было бы списать эти «потеряшки» на обыкновенный технический сбой, если бы не одно обстоятельство. Все камеры не имеют единого центра управления, а сами приборы, висящие на разных домах той самой улицы, отличаются не только названиями компаний, их производшими, но и принципом работы, светочувствительностью матрицы, количеством пикселей, да и еще десятком различных характеристик и параметров. Ладно, подумаю об этом в процессе расследования. Для начала надо заняться Филиппом, а там уж посмотрим».

Но, честно говоря, Майк по опыту и не понаслышке знал, что правильное определение направления расследования – залог быстрого и грамотного его расследования. Но сейчас было другое дело – чертовски поджимало время, да и сверху давили, требуя как можно скорее раскрыть это преступление и назвать виновного.

Наконец, приняв окончательное решение, комиссар решительно встал с кресла, ловко вытащил из компьютерного разъема флэшку с видеозаписью и вышел из кабинета. Он направился в технический отдел участка, чтобы отдать записи экспертам-криминалистам. Уже в

коридоре комиссар почувствовал некую занозу, застрявшую у него в мозгу, но он никак не мог определить, что это и почему это так мешает ему как следует сконцентрироваться на деле. Но решил не заикливаться на этом, отмахнувшись как от назойливой мухи.

«Если уж хорошенько засело, то рано или поздно обязательно прорвет» – подумал Майк и решительно, как он думал, зашагал в технический отдел. На самом деле его медлительность никуда не делась, только на этот раз, его медлительность была, действительно, немного побойчее, чем обычно.

Технический отдел со всей современной аппаратурой для проведения всевозможных экспертиз находился в другом крыле участка на третьем этаже. В субботу участок был почти пуст, никаких тебе посетителей, просителей из числа гражданских лиц, да и самих полицейских было, раз-два и обчелся. Комиссар не надеялся застать кого-либо из экспертов, но ему ужасно повезло.

В отделе было два из шестерых экспертов и один фотограф-криминалист. При виде комиссара, все трое тут же приосанились и козырнули старшему по званию. Оказалось, что все трое занимались сейчас одним делом – делом о «домашних роботах», которым в отделе уголовного преследования занимался инспектор первого класса Винстон. Поскольку дело близилось к развязке и к близкой поимке преступников, Джек направил в технический отдел добрый десяток поручений и ежедневно спрашивал с экспертов о ходе их выполнения. Именно, благодаря своему подчиненному Майк сейчас и смог застать специалистов-техников у себя в отделе.

Зайдя в отдел, комиссар уже на пороге почувал острый и весьма неприятный запах, не то кисуса, не то чего-то кислого. Видимо он пришел в разгар проведения какого-то эксперимента.

Сам кабинет технического отдела был весьма просторным, выполненным в форме неправильного четырехугольника, с двумя прямыми, одним острым и одним тупым углами, наподобие усеченного прямоугольного треугольника без одного острого угла. Так, что две стены, расположенные по длине, были разной величины. Таким образом, одна стена по ширине располагалась непараллельно противоположной. Однако, благодаря всевозможным приборам и устройствам, различавшимся по размерам и размещенным здесь, никто из посетителей этого кабинета не мог и представить каков в действительности его размер. К слову сказать, вся техника была выполнена в духе последних технологических веяний. Все устаревшие приборы и механизмы, тут же менялись на новые, технически более продвинутые. Несмотря на огромный размер кабинета, окон здесь было немного – всего три, да и те не самые выдающиеся по габаритам, потому что нельзя бронировать большие объемы стеклянных поверхностей. И все окна находились на короткой по длине стене. А по приказу властей штата все окна во всех технологических отделах полицейских участков всего штата полагалось бронировать, поскольку внутри находились не только дорогостоящие устройства, но и не менее ценные для полиции заключения, акты и прочие документы, а также улики по уголовным делам. Здесь же находился суперкомпьютер полицейского архива.

Летом, несмотря на три, работающих на всю катушку, кондиционера, внутри помещения было ужасно душно, а окна по понятным причинам открывать было нельзя. Вот и мучились эксперты, стараясь как можно меньше бывать в отделе. На бесчисленные жалобы по этому поводу начальник участка только разводил руками. Мол, нет средств на переоборудование, да и вообще, не положено увеличивать площадь остекления в технологических отделах, не говоря уже о том, чтобы сделать окна и вовсе открывающимися. Как-нибудь, держитесь. Но сейчас, в начале весны, обстановка была более-менее сносной и способствующей продуктивной работе.

– Вольно – скомандовал комиссар, чувствуя внутри легкий укол совести, ведь здесь их вотчина, они здесь цари и боги, сюда он пришел, чтобы найти помощь, а они вот так вот ему козыряют.

– Что это Вам дома не сидится? Небось, жены и дети заждались? – Майк решил немного разрядить обстановку. – Ну, а вообще-то, ребят, я к вам за помощью. У меня тут есть одна хитроумная запись...

– Да знаем мы. Дик рассказал. – сказал долговязый худосочный эксперт по имени Гарри Спикер, довольно молодой, но уже с заметными проплешинами в волосах на маковке. – У вас там какие-то непонятные стирания на видеозаписях. А здесь мы как раз по вашей милости – Винстон затюкал всех со своими «домашними роботами», покоя не дает. Настроил каких-то поручений и трезвонит каждый божий день, ожидая ответов на них на все и разом.

«Ай да, Дик, ай да сукин сын – немного с юмором отметил про себя Майк. – И тут уже успел наследить. Никак не дает мне применить эффект неожиданности. Ну да ладно, бог с ним».

– Ну и что вы думаете по этому поводу? – пошел в открытую комиссар, почувствовав, что зародившееся было напряжение, полностью улетучилось. Вообще-то, ребята в техническом отделе работали неплохие, очень исполнительные, всегда готовые помочь, если что, да и поручения исполняли всегда вовремя. Кстати, сюда не принимали кого попало. Жесткий отбор кандидатов проводился на уровне штата.

– Как вы думаете, отчего могут возникнуть такие «провалы» на пленке? И самое главное – возможно ли восстановить утраченные элементы?

– По первому вопросу однозначного ответа нет – продолжил долговязый Спикер, взяв всю ответственность по вопросам комиссара на себя. – Вообще-то, странно. Удалили не все записи, а только части каждой записи. Такое ощущение, что злоумышленники старались убедить нас в том, что провалы носят естественный характер.

– Но не может же такого быть, чтобы провалы на всех записях носили естественный характер? – удивился комиссар. – И не могли же они действительно подумать, что мы изыщем только одну запись, а не все?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.